А. Конан-Дойль

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ДОКТОР
ТЕХИЧЕСКИХ
НАУК
ПРОФЕССОР
Евгений
Степанович
Толоцкий

А. КОНАН-ДОЙЛЬ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Рисунки И. КОЛЕСНИКОВА

„ВОКРУГ СВЕТА“
Ленинград — 1929

A. CONAN DOYLE
ADVENTURES OF
SHERLOCK HOLMES

Ленинградский Областлит № 15358. Заказ № 3728 Тираж 80.000.

Тип. «Красной Газеты», им. Володарского. Ленинград, Фонтанка, 57.

СКАНДАЛ.

Она навсегда останется для Шерлока Холмса «женщиной». Я редко слышал, чтобы он называл ее другим именем. В его глазах она заслоняет собой весь свой пол и явно над ним возвышается. И не то, что бы в его чувстве к Ирене Адлер проскальзывал хотя бы намек на любовь. Все чувства, особенно же любовные. ненавистны его холодному, точному и поразительно уравновешенному уму. На мой взгляд, он — самая совершенная рассуждающая и наблюдающая машина, какую только видел свет; понятно, что в роли любовника он явно очутился бы в ложном положении. О нежных страстях он говорит исключительно шутливо-насмешливым тоном. За ними очень любопытно наблюдать и они превосходно помогают срывать покрывало с людских побуждений и поступков, обнажать их. Но для человека с вышколенным рассудком и ровным темпераментом ввести такой беспокойный фактор в свою жизнь, значило бы подвергнуть сомнению все жизненные итоги, подведенные разумом. Засорение сложного, чувствительного инструмента или трещина в одном из сильных окуляров его микроскопа оказали бы на Холмса не менее значительное потрясение. И все же существовала для него только одна «женщина», покойная Ирена Адлер, хотя репутация ее была явно сомнительной.

За последнее время я редко виделся с Холмсом. Моя женитьба оторвала нас друг от друга. Испытываемое мною

полное счастье и домашние интересы, которые захватывают человека, впервые чувствующего себя хозяином в своем доме, поглотили все мое внимание; в свою очередь, Холмс, ненавидевший всякий вид общественной жизни всей своей цыганской душой, остался в нашей прежней квартире на Бэкер-стрит и весь зарылся в свои старые книги, деля время между кокаином и честолюбием, то погружаясь по целым дням в спячку, то пробуждаясь к присущей ему бурной энергии. Его попрежнему глубоко занимало изучение преступлений и он применял свои громадные способности и необыкновенную наблюдательность на разыскивание следов и на выяснение тайн, от которых полиция безнадежно отказывалась. Временами до меня доходили смутные слухи о его выступлениях. Я слышал, что его вызывали в Одессу по делу о каком-то убийстве, что ему удалось раскрыть странную трагедию братьев Аткинсон и Тринкомэли и, наконец, прекрасно и умело выполнить поручение королевского голландского дома. Но за исключением этих признаков его деятельности, о которых я узнавал из газет, я мало что знал о моем прежнем друге и товарище.

Однажды вечером 20 го марта 1888 года, возвращаясь от одного из моих пациентов (я снова обратился к частной практике) по Бэкер-стрит, я проходил мимо хорошо знакомой мне двери, воспоминание о которой неразрывно связано в моем уме со временем моего ухаживания за женой и с современными ему мрачными событиями. Внезапно меня охватило сильное желание снова повидать Холмса и узнать, на что он употребляет теперь свои необыкновенные способности. Комнаты были залиты ярким светом и, взглянув в окно, я увидел на шторе темный силуэт его высокой, худощавой фигуры. Он быстро, озабоченно шагал по комнате с опущенной головой и заложенными за спину руками. Мне, знавшему каждое его настроение, каждую позу, стало ясно, что он снова занят каким-то делом. Очевидно, он расстался со своими сонливыми грезами и идет по горячим следам какой-то новой

загадки. Я позвонил и меня провели в комнату, которая раньше была моей.

Он встретил меня без всякой восторженности, несвойственной вообще его природе, но, мне кажется, обрадовался, увидев меня. Без дальних разговоров, но с ласковым взглядом, он указал мне на кресло, перебросил мне портсигар и указал на газовый рожок в углу; потом стал у камина и оглядел меня своим особенным, обращенным внутрь себя взглядом.

— Брак идет вам на пользу, — заметил он. — Мне кажется, Ватсон, вы прибавили фунтов семь с половиной весу с тех пор, как мы виделись с вами.

— Ровно семь, — ответил я.

— В самом деле? Ну, знаете, Ватсон, по-моему, побольше. И как я вижу, опять принялись за практику? Почему вы не сказали мне, что снова принялись тянуть лямку?

— А как вы узнали об этом?

— Я вижу или, точнее, вывожу свои заключения. Как же иначе я мог бы узнать, что недавно вы сильно промокли и что у вас очень неловкая и небрежная прислуга.

— Ну, это уж слишком, мой милый Холмс. Вас, наверняка, сожгли бы на костре, живи вы несколько веков тому назад. Правда, в четверг я был за городом и пришел домой в ужасном виде; но ведь я тогда же переменил платье и не могу себе представить, как вы догадались об этом случае. Что же касается Мари-Джэн, то она неисправима, и жена уже отказала ей, но все же я не понимаю, как вы заметили и это.

Он тихо засмеялся и потер свои длинные, нервные руки.

— А ведь это так просто, — ответил он. — На нижней стороне вашего левого сапога, на которую как раз падает свет, я вижу на коже шесть почти параллельных царапин. Очевидно, они сделаны кем-то, кто очень небрежно отчищал грязь, присохшую к подошвам. Вот откуда мой

двойной вывод о том, что вы шагали в дурную погоду и что вы держите одну из самых отчаянных служанок Лондона. Что же касается моего предположения о вашей практике, то я был бы, действительно, очень туп, не признай сразу деятельного члена медицинской профессии в человеке, появление которого в моей комнате распространило запах иодоформа и у которого на правом пальце виднеется черное пятно от ляписа, а шляпа оттопырена в том месте, где спрятан стетоскоп.

Я невольно рассмеялся, слушая столь легкие объяснения его заключений.

— Когда я выслушиваю ваши доводы, — сказал я, — все мне кажется до смешного простым, хотя в следующий же раз я снова теряюсь в догадках, пока вы не объясните всего хода ваших мыслей. А между тем, я полагаю, что мои глаза не хуже ваших.

— Совершенно верно, — ответил он, зажигая папиросу и бросаясь в кресло. — У вас хорошее зрение, но отсутствует способность наблюдения. В этом-то и разница. Например, вы ведь часто видели ступеньки, которые ведут из коридора в эту комнату?

— Часто.

— Как часто?

— Ну, несколько сот раз.

— Так сколько их?

— Сколько? Право не знаю.

— Вот именно! Вы не обращали внимания. А между тем видели их. Вот я и прав. Я же знаю, что ступенек семнадцать, потому что и видел, и обращал внимание. Кстати, раз вас интересуют некоторые загадки и вы так добры, что описали два-три моих вздорных приключения, то вас, пожалуй, заинтересует и это.

Он бросил мне лист толстой почтовой бумаги розового цвета, лежавший на столе.

— Пришло оно с последней почтой, — проговорил он. — Читайте вслух.

Письмо было без числа, подписи и адреса. Вот что там стояло:

«Сегодня вечером, в три четверти восьмого, к вам явится один джентльмен, желающий с вами посоветоваться о чрезвычайно важном деле. Услуги, недавно оказанные вами одному королевскому дому Европы, показывают, что вам смело можно доверить вопрос чрезвычайной важности. Подобного рода отзыв о вас нами получен отовсюду. Будьте дома в назначенный час и не обижайтесь, что ваш посетитель явится в маске».

— Действительно, очень таинственно, — заметил я.

— Таинственного оказалось мало. Полчаса тому назад вышло от меня одно, как говорится, «высокопоставленное лицо». Лет пять тому назад это лицо познакомилось в Варшаве с известной певицей, Иреной Адлер, а в итоге ряд горячих писем и совместная фотографическая карточка. Теперь этот человек задумал жениться, как водится, на такой же высокопоставленной особе, принадлежащей к семье с весьма строгими правилами. Ирена же Адлер грозит, что пошлет невесте ту карточку, на которой она снялась когда-то вместе с теперешним женихом. Словом, Ватсон, грозит разразится скандал. Адрес певицы нам известен и если вы зайдете ко мне завтра в три часа, то мы вернемся еще к этому делу.

II.

Ровно в три часа я был на улице Бэкер, но Холмса еще дома не было. Хозяйка сказала мне, что он вышел из дома утром в начале девятого. Я сел у камина и решил дождаться его во что бы то ни стало. Меня чрезвычайно интересовал результат его поисков; хотя в этом деле небыло ничего страшного и странного, но оно представляло все же известный интерес. Кроме самого дела, меня интересовало также искусство, с которым мой друг схватывал известное положение и делал прозорливые выводы; мне

приятно было изучать систему его работы и следить за быстрой, утонченной манерой, с которой он раскрывал самые сложные тайны. Я так привык к его неизменным успехам, что возможность неудачи совершенно не приходила мне в голову.

Около четырех часов дверь отворилась и в комнату вошел конюх, очевидно, пьяный, нечесаный, с растрепанными бакенбардами, багровым лицом, в неопрятной одежде. Как ни привык я к удивительным превращениям моего друга, все-таки несколько времени вглядывался в вошедшего, прежде чем узнал его. Холмс кивнул головой, исчез в спальне и через пять минут вышел оттуда в опрятной одежде и в своем обычном приличном виде. Заложив руки в карманы, он протянул ноги к огню и весело смеялся в течение нескольких минут.

— Занятно! — воскрикнул он, задыхаясь, и снова расхохотался так сильно, что вынужден был беспомощно откинуться на спинку стула.

— Что с вами?

— Уж очень забавно!.. Уверен, вы никогда не догадаетесь, как я провел утро и что сделал напоследок

— Конечно, нет, хотя и предполагаю, что вы следили за мисс Иреной Адлер или за ее домом.

— Совершенно верно, но вышло нечто необычайное. Я все расскажу вам. Несколько позже восьми часов я вышел сегодня из дому, прикинувшись ищущим места конюхом. Между людьми, имеющими какое-нибудь отношение к лошадям, существует удивительная симпатия, нечто вроде масонства. Стоит только быть одним из них и узнаешь все, что угодно. Я скоро отыскал «Брайони-Лодж». Это — вилла-игрушка, с садом позади и двухэтажным фасадом на дорогу. Наружная дверь заперта огромным замком. Громадная гостиная справа, хорошо обставленная, с большими окнами, доходящими почти до полу, с теми нелепыми английскими задвижками, которые легко может отворить любой ребенок. Сзади ничего замечательного, кроме того,

что в окно коридора можно попасть с крыши сарая для экипажей. Я кругом обошел весь дом и пристально оглядел его со всех сторон, но не заметил ничего интересного.

Медленно пошел по дороге и, как ожидал, нашел конюшню в переулке, идущем вдоль одной из стен сада. Я помог конюхам вычистить щеткой их лошадей и получил взамен два пенса, стакан водки с водой, две щепотки вонючего табаку и массу всевозможных сведений о мисс Адлер, не говоря уже о том, что пришлось выслушать биографию и других окрестных жителей, которые меня нисколько не интересовали.

— Ну, а что же насчет Ирены Адлер? — спросил я.

— О, она свела с ума всех тамошних жителей. Она — прелестнейшое украшение нашей планеты. Так говорят решительно все конюхи местных конюшен. Она ведет тихую жизнь, поет на концертах, выезжает каждый день кататься в пять часов пополудни и ровно в семь возвращается обедать домой. В другое время, за иск ючением концертов, редко когда выезжает из дома. Из мужчин у нее бывает только один, но зато очень часто. Он красивый, блестящий брюнет; обязательно бывает один, а часто и два раза в день. Это некто Годфрей Нортон, адвокат из Темпля. Вот сколь выгодно иметь дело с кучером. Мои новые приятели много раз отвозили его домой и знают о нем решительно все. Выслушав все, что только они могли сообщить мне, я стал опять ходить взад и вперед по дороге, обдумывая план действий.

Очевидно, этот Годфрей Нортон является важным фактором в этом деле. Он адвокат; это зловещее предзнаменование. Что за отношения между ними и чем вызваны его постоянные визиты. Что она ему: клиентка, друг или любовница? Если клиентка, то, по всей вероятности, она отдала ему на сохранение карточку. Если любовница, то это менее вероятно. От разрешения этого вопроса зависило, продолжать ли мне дело в «Брайони-Лодж» или обратить все свое внимание на квартиру джентльмена

в Темпле. Вопрос был очень трудный и расширявший поле моих исследований. Боюсь, что надоедаю вам этими подробностями, но мне нужно, чтобы вы ознакомились с этими мелкими затруднениями и хорошенько поняли положение всего дела.

— Я внимательно слежу за вашими словами, — ответил я.

— Я продолжал еще взвешивать в уме все обстоятельства, когда к дому подъехал изящный кэб, из которого выскочил седок. Это был замечательно красивый человек, смуглый, с орлиным носом и усами, — очевидно, тот, о котором я уже слышал. Он, видимо, страшно торопился, крикнул кучеру, чтобы тот ждал его, и быстро пробежал мимо отворившей ему дверь девушки, как свой человек в доме.

Он пробыл в доме около получаса. Я видел мельком в окна, как он расхаживал взад и вперед по комнате, взволнованно разговаривая и размахивая руками. Ее я не видел. Наконец, он вышел из подъезда еще более взволнованный, чем прежде. Подойдя к кэбу, он вынул из кармана золотые часы и пристально взглянул на них. «Гони, что есть духу, — крикнул он, — сначала на улицу Риджент к Гроссу и Хэнкей, а потом к церкви св. Моники, на улице Эджвор. Полгинеи на чай, если поспеешь в двадцать минут».

Он только что уехал, а я начал подумывать, не следует ли и мне последовать за ним, как в переулке показалось изящное небольшое ландо. На кучере одежда была наскоро накинута, галстук съехал на бок, упряжь беспорядочно надета кое-как. Экипаж остановился, и мисс Адлер сейчас же выбежала из подъезда и села в него. Я только мельком взглянул на нее, но заметил, что это красивая женщина с лицом, которое способно довести мужчину до самоубийства.

— К церкви св. Моники, Джон! — крикнула она. — И полсоверена, если будешь там через двадцать минут.

Времени нельзя было терять, Ватсон. Я не знал только, бежать ли мне вслед за ней или прицепиться сзади к ландо, как заметил ехавший по переулку кэб. Кучер подозрительно взглянул на такого жалкого седока, но я вскочил в кэб, прежде чем он успел запротестовать, и крикнул: «К церкви св. Моники, и полсоверена, если поспеешь туда в двадцать минут». Было тридцать пять минут двенадцатого и я надеялся, что не опоздаю.

Мой кучер ехал быстро. Мне кажется, никогда в жизни я не мчался так быстро, но все же они перегнали нас Кэб и ландо с их быстрыми конями стояли уже перед церковью, когда я подъехал туда; от лошадей валил клубами пар. Я заплатил извозчику и поспешил в церковь. Там не было ни души, за исключением тех двух лиц, за которыми я гнался, да священника в стихаре, который, казалось, с ними о чем-то спорил. Все трое сгрудились у алтаря. Я медленно шел по левому боковому приделу, походя на случайного посетителя церкви. К моему удивлению, все стоявшие у алтаря внезапно повернулись в мою сторону, а Годфрей Нортон поспешно подбежал ко мне.

— Слава богу! — крикнул он. — Вы как раз подходите. Пойдемте, пойдемте!

— В чем дело? — спросил я.

— Пойдемте, пойдемте, остается всего три минуты, иначе будет незаконно.

Меня почти силой потащили к алтарю, и прежде чем успел опомниться, я уже бормотал ответы, которые мне шептали на ухо, ручался за нечто совершенно мне неизвестное и вообще помогал законному браку девицы Ирены Адлер с Годфреем Нортоном. Все произошло в одно мгновение, а затем новобрачные окружили меня и стали осыпать благодарностями, в то время как священник смотрел на меня с довольной улыбкой. Никогда в жизни не приходилось мне бывать в более нелепом положении. Вот почему я сейчас и смеялся при воспоминании об этой картине. Как кажется, в брачном оглашении была какая-то

неправильность, которая заставила священника решительно отказаться венчать их без какого-нибудь свидетеля, а мое удачное появление спасло жениха от необходимости бегать по улицам в поисках за первым встречным. Невеста дала мне соверен, который я намерен носить на цепочке от часов в память об этом событии.

— Это совершенно неожиданный оборот дела, — заметил я; — ну, а затем что?

— Я нашел, что моим планам грозит очень серьезная опасность. Новобрачные могли немедленно куда-нибудь уехать, а потому с моей стороны необходимо принять немедленные, энергичные меры. Однако, у дверей церкви они расстались; он поехал в Темпль, она же к себе домой. «Я буду кататься в парке, как обыкновенно, в пять часов», сказала она ему. Больше я ничего не услышал. Они разъехались в разные стороны, а я ушел, чтобы принять свои меры.

— А в чем состоят они? — спросил я.

— Во-первых, чтобы съесть кусок холодной говядины и выпить стакан пива, — ответил он, позвонив в колокольчик. — Я был так занят, что и не подумал об еде, а вечером будет еще много дела. Кстати, доктор, я нуждаюсь в вашем содействии.

— Я буду только в восторге.

— Вы ничего не имеете против нарушения закона.

— Ровнехонько ничего.

— И не боитесь быть арестованным?

— Если дело того стоит.

— О, дело-то превосходное.

— Ну, так я к вашим услугам.

— Я был уверен, что могу положиться на вас.

— Но так чего же вы от меня хотите?

— Я это скажу вам, как только мне принесут подкрепиться. Ну, вот, — прибавил он, с видом сильно проголодавшегося человека, принимаясь за принесенную хозяйкой скромную пищу, — я буду говорить за едой, так как времени у меня не много. Скоро пять часов. Через два часа

мы должны быть на месте действия. Мисс Ирена или, вернее, мадам, возвращается домой с прогулки в семь часов. Мы должны встретить ее у «Брайони-Лодж».

— А затем что?

— Остальное предоставьте мне. Мною уже все подготовлено. Я настаиваю только на одном: что бы ни произошло, вы не должны вмешиваться. Понимаете?

— Я должен оставаться нейтральным?

— Вам не придется ничего делать. Вероятно, произойдут маленькие неприятности, но вы не вмешивайтесь в них. Они кончатся тем, что меня введут в дом. Минут через пять в гостиной откроется окно. Вам следует находиться поближе к этому окну.

— Хорошо.

— Следите за мной, так как меня вы будете видеть.

— Ладно.

— И когда я подыму руку — вот так — бросьте в комнату то, что я вручу вам, и закричите: «пожар». Вы понимаете меня?

— Вполне.

— Тут нет ничего страшного, — сказал он, вынимая из кармана длинный сверток, похожий на сигару. — Это обыкновенная самовоспламеняющаяся ракета с пистонами на обоих концах. Ваше дело только бросить ее. Когда же вы крикните: «пожар», то вслед за вами закричит целая толпа народа. Тогда вы направляйтесь к концу улицы, где минут через десять я присоединюсь к вам. Надеюсь, что я все достаточно понятно объяснил?

— Я должен оставаться нейтральным, подойти к окну, наблюдать за вами и, при данном вами знаке, бросить в комнату этот предмет, а затем крикнуть: «пожар» и ждать вас на углу улицы.

— Совершенно верно.

— Ну, так можете вполне положиться на меня.

— Отлично, а теперь мне пора приготовиться к своей новой роли.

Он исчез в своей спальной и через несколько минут вышел из нее священником с милым, простодушным лицом. Любой актер мог бы позавидовать его широкополой черной шляпе, мешковатым панталонам, белому галстуку, симпатичной улыбке и выражению благосклонного любопытства, разлитого во всей его фигуре. И все это вызвано было не только переменой костюма. Каждая новая роль изменяла у Холмса не только выражение его лица, но также манеры и, казалось, самую душу. Когда он ушел в расследование уголовных дел, сцена лишилась прекрасного, тонкого актера, а наука проницательного логика.

В четверть седьмого мы вышли из дома и в семь часов без десяти минут были у «Брайони-Лодж». Уже стемнело, и в доме зажигали лампы в ожидании хозяйки. Дом я нашел совершенно таким, каким он представлялся мне по краткому описанию Шерлока Холмса, но местность показалась не столь уединенной, как я ожидал. Напротив, она была слишком оживлена для маленькой улицы в тихой части города. На углу стояла кучка бедно одетых людей, которые курили и смеялись, разговаривая между собой; тут же был и точильщик ножей; два солдата ухаживали за молоденькой нянюшкой, а несколько хорошо одетых молодых людей с сигарами во рту расхаживали по улице.

— А знаете, — заметил Холмс, в то время, как мы взад и вперед разгуливали перед домом, — ведь свадьба-то значительно упрощает все дело. Портрет становится теперь обоюдоострым оружием. Возможно, что и она так же не желает, чтобы его увидел м-р Годфрей Нортон, как наш клиент не желает, чтобы он попался на глаза его принцессе. Теперь весь вопрос в том, где найти этот портрет?

— Действительно, где же он?

— Невероятно, чтобы она брала его с собой. Ведь это кабинетная карточка и слишком велика, чтобы спрятать ее в женском платье. Она знает, что на нее могут напасть и обыскать. Ведь уже было два таких покушения. Следо-

вательно, можно предположить, что карточки она с собой не берет.

— А где же она тогда?

— У ее банкира или адвоката. То и другое возможно, но мне кажется, что в данном случае ни у того, ни у другого. Женщины скрытны по природе и любят сами распоряжаться своими тайнами. Зачем ей передавать портрет другому? На себя она вполне может положит ся, а откуда ей знать, не повлияет ли на избранного ей поверенного какие-нибудь косвенные или политические причины? К тому же вспомните, что она решила воспользоваться портретом через несколько дней. Он должен быть у нее под руками, в ее собственном доме.

— Но ведь в доме два раза побывали воры.

— Ну, они не знали, где искать карточку.

— А откуда вы знаете?

— Я заставлю ее показать мне, где спрятан портрет.

— Она откажется.

— Не сможет отказать. Однако, я слышу шум колес. Это ее экипаж. Смотрите же, исполните в точности мое приказание.

В это время на повороте улицы блеснули фонари экипажа. К дверям «Брайони-Лодж» подъехало изящное маленькое ландо. Когда экипаж остановился, к нему подбежал один из оборванцев, стоявших на углу улицы, и, вероятно, желая заработать деньженок, бросился открывать дверцу ландо. Его оттолкнул другой бродяга, очевидно, явившийся с тем же намерением. Поднялся страшный спор, в котором два солдата вступились за одного из оборванцев, а точильщик ножниц горячо принял сторону другого. Кто-то ударил кого-то, а вышедшая из экипажа дама в одно мгновение очутилась в центре небольшой кучки возбужденных людей, яростно размахивающих кулаками и палками. Холмс бросился в толпу, чтобы защитить даму, но как только очутился возле нее, он вдруг вскрикнул и упал с о рованным лицом. Когда он упал, солдаты бросились в одну

сторону, остальные участники свалки—в другую сторону, а несколько хорошо одетых людей, издали наблюдавших за дракой и не принимавших в ней участия, теперь окружили даму и потерпевшего. Ирена Адлер (я буду продолжать ее звать так) поспешно взбежала на лест ицу, но остановилась наверху, смотря вниз на улицу; ее чудная фигура резко выделялась при свете ламп, горевших в прихожей.

— Сильно ранили бедного джентльмена?—спросила она.

— Он умер, — крикнуло несколько голосов.

— Нет, нет, он еще жив! — крикнул чей-то голос.

— Но умрет раньше, чем его довезут до больницы.

— Он смельчак, — заметила какая-то женщина.

— Не будь его, у леди, наверное отобрали бы и кошелек и часы. Это была целая шайка, да еще из самых отчаянных. Ах. вот он вздохнул!

— Его нельзя оставить лежать на улице. Можно внести его в ваш дом, мадам?

— Конечно! Несите его в гостиную. Там есть удобная софа. Вот сюда, пожалуйста.

Холмса медленно и торжественно внесли в большую комнату и положили, а я через окно продолжал мои наблюдения. Зажгли лампы, но штор не опустили, так что я мог видеть лежащего на софе Холмса. Не знаю, испытывал ли он чувство раскаяния в эту минуту от принятой на себя роли, но знаю, что никогда в жизни я не испытывал такого глубокого стыда за себя, как в ту минуту, когда увидел прекрасную женщину, против которой я действовал, увидел, с какой грацией и добротой она наклонилась над избитым из-за нее человеком. А между тем отказаться от участия в этом деле было бы с моей стороны черной изменой Холмсу. Я старался ожесточить себя и вынул из кармана ракету. Ведь, мы не хотим в сущности причинить ей вреда, доказывал я себе, мы только хотим помешать ей повредить другому.

Холмс приподнялся и сел на софе, и я увидел, что он сделал руками движение, словно задыхающийся от недо-

статка воздуха человек. По комнате пробежала горничная и распахнула окно. В то же мгновенье я заметил, что он поднял руку. С криком «пожар!» я бросил ракету в комнату. Едва я выкрикнул это слово, как целая толпа зрителей: хорошо одетых и оборванцев, джентльменов, конюхов и служанок, подхватили мой крик. Возгласы о пожаре раздались по всей улице. Из окна показались густые кл бы дыма. Я увидел, как в комнате, тоже наполненной дымом, заб гали люди, и через мгновение услышал голос Холмса, успокаивавшего их заверениями, что все это напрасная тревога. Я проскользнул через шумевшую тол у к углу улицы и через десять минут был обрадован появлением моего друга. Он взял меня под руку и мы вышли из су олоки. Холмс шел молча и быстро до тех пор, пока мы не очутились в одном из тихих переулков, ведущих к улице Эджвор.

— Вы очень мило исполнили свою роль, доктор, — заметил он. — Как нельзя лучше. Все идет отлично.

— Фотографическая карточка у вас?

— Я знаю, где она.

— А как вам удалось узнать это?

— Она сама показала мне место, как я и говорил вам.

— Я все еще ничего не понимаю.

— Я отнюдь не желаю делать из этого тайны, — смеясь, проговорил он. — Дело самое простое. Конечно, вы поняли, что на улице находились наши сообщники, приглашенные на этот вечер?

— Я догадывался, по крайней мере.

— Когда началась ссора, у меня в руке было немного разведенной красной краски. Я бросился вперед, упал и, проведя рукой по лицу, придал себе жалкий вид. Это старая штука.

— Я и это понял.

— Затем меня вне ли в дом. Она вынуждена была сделать это. Могла ли она поступить иначе? Я попал в гостиную, которая и оказалась той комнатей, о которой

я думал. Гостиная находится между двумя комнатами. Меня положили на кушетку. Я знаками показал, что задыхаюсь; пришлось открыть окно, и таким образом вы получили возможность исполнить данное вам поручение.

— Чем же оно помогло вам?

— Оно имело важное значение. Когда женщина думает, что горит ее дом, она инстинктивно бросается к самой дорогой для нее вещи. Я часто уже пользовался этим непреодолимым побуждением. Замужняя женщина хватает своего ребенка, незамужняя шкатулку с драгоценностями. В данном случае мне было ясно, что самое драгоценное для хозяйки этого дома именно то, что ищем мы. Она наверняка должна была броситься за портретом. Пожарная тревога проведена была превосходно. Дыма и криков было достаточно, чтобы потрясти и стальные нервы. И хозяйка в точности выполнила мои предположения. Портрет спрятан был в нише за выдвижной заслонкой у сонетки направо. В одно мгновение она очутилась там, и я мельком увидел карточку которую она наполовину вытащила оттуда. Когда я крикнул, что это ложная тревога, она положила карточку на место, взглянула на ракету, стремительно выбежала из комнаты и я больше ее не видал. Я встал и, извинившись перед присутствовавшими, выбрался из дома. Я колебался, не взять ли мне карточку, но в комнату вошел кучер, который начал пристально следить за мной; мне показалось, что лучше подождать. Слишком большой поспешностью можно испортить все дело.

— А теперь? — спросил я.

— Наши поиски по существу закончены. Завтра я приду с моим клиентом и с вами, если вы захотите. Нас проведут в гостиную и пойдут доложить о нашем визите, но когда хозяйка войдет, она, вероятно, не найдет ни нас, ни карточки.

— А когда вы думаете быть там?

— В восемь часов утра. Она еще не встанет в это время, так что у нас будет свободное поле сражения.

Вообще же следует поторапливаться, так как замужество способно изменить весь строй ее жизни.

Мы дошли до улицы Бэкер и остановились у дверей дома, где жил Холмс. Пока он рылся в кармане, отыскивая ключ, кто-то, проходя мимо, проговорил:

— Спокойной ночи, м-р Шерлок Холмс.

На тротуаре было несколько людей, но, повидимому, эти слова произнес тонкий, стройный юноша в дождевом плаще. Он быстро прошел дальше.

— Я уже слышал этот голос, — проговорил Холмс, пристально вглядываясь в плохо освещенную улицу.

— Кто это был, хотелось бы мне знать.

III.

Я переночевал у Холмса. На следующее утро мы только-что уселись за кофе, как в комнату стремительно вбежал наш высокопоставленный клиент.

— Вы в самом деле достали фотографию? — крикнул он, схватил за плечи Шерлока Холмса, и пристально заглянул ему в глаза.

— Нет еще.

— Но есть надежда?

— Да, я надеюсь.

— Ну, так отправимся. Я просто горю от нетерпения.

— Надо послать за кэбом.

— Я в карете.

— Тогда это упрощает дело.

Мы сошли с лестницы и отправились.

— Ирена Адлер вышла замуж, — заметил Холмс.

— Вышла замуж? Когда?

— Вчера.

— Но за кого же?

— За английского адвоката Нортона.

— Но, ведь, она не может любить его?

— Я надеюсь, что любит.

— А почему надеетесь?

— Чтобы устранить для вас возможные и впредь беспокойства. Если она любит своего мужа, то, следовательно, не любит вас. А если она не любит вас, то не станет мешать и вашим планам.

— Это правда. А все же!.. Ах, если бы она была одного положения со мной! Что это была бы за королева!

И он погрузился в угрюмое молчание, которое не нарушалось до тех пор, пока мы не приехали.

Дверь в «Брайони-Лодж» была открыта, а на лестнице стояла пожилая женщина. Она окинула нас насмешливым взглядом.

— М-р Шерлок Холмс, если не ошибаюсь? — сказала она.

— Да, это я, — ответил мой приятель, смотря на нее вопросительным и несколько удивленным взглядом.

Ну, так барыня говорила мне, что вы, вероятно, зайдете к ней. Сегодня утром она уехала на континент с поездом, который с Чаринг-Кросса выходит в 5.15.

— Что?!

Шерлок Холмс так и отшатнулся от нее, побледнев от горького изумления.

— Вы хотите сказать, что она уехала из Англии?

— И никогда сюда — последовал ответ, — не вернется.

— А карточка? — спросил наш клиент хриплым голосом. — Значит все потеряно.

— Увидим.

Холмс быстро пробежал мимо служанки в гостиную, куда за ним вошли и мы. Повсюду виднелась сдвинутая мебель, открытые ящики, пустые полки; видно, что хозяйка квартиры очень торопилась с отъездом. Холмс подбежал к нише, отодвинул заслонку и, запустив руку, вынул оттуда какую-то фотографическую карточку и письмо. На карточке была изображена сама Ирена Адлер в баль-

ном платье, а письмо было адресовано: «Шерлоку Холмсу, эсквайру. До востребования». Мой друг вскрыл письмо, которое мы прочли все трое. Оно было помечено двенадцатью часами ночи и заключало в себе следующее:

«Дорогой м-р Шерлок Холмс!

Вы, действительно, все отлично проделали и провели меня. Я ничего не подозревала до крика о пожаре. Но после того, как я выдала себя, я принялась раздумывать. Уже несколько месяцев тому назад меня предупреждали насчет вас. Мне говорили, что к вам, наверно, обратятся за помощью. У меня был ваш адрес. И все же вы заставили меня открыть вам то, что вам было нужно. И даже тогда, когда у меня мелькнуло подозрение, мне трудно было подумать что-либо дурное о таком милом, добром старичке-священике. Но ведь и я актриса. Мужской костюм для меня не но[illegible] и я часто пользуюсь предоставляемой им свободой. Я послала Джека, кучера, присмотреть за вами, а сама переоделась в платье для прогулки (как я называю свой мужской костюм) и спустилась вниз как раз в то время, как вы вышли из дома.

«Ну, я проводила вас до вашей двери, и таким образом убедилась, что я, действительно, явилась предметом, заинтересовавшим собой знаменитого м-ра Шерлока Холмса. Тогда я несколько неосторожно пожелала вам спокойной ночи и направилась в Темпль к своему мужу.

«Мы оба решили, что бегство — наилучший способ избавиться от такого опасного противника; поэтому, когда вы завтра явитесь ко мне с визитом, то найдет, гнездышко пустым. Что же касается до портрета, то ваш клиент может быть спокоен. Я люблю и любима человеком, который гораздо лучше его. Ваш клиент волен поступать, как ему угодно, а та, которую он жестоко обидел, ничем ему не помешает. Я оставила карточку у себя в целях самозащиты и в качестве средства, которое может обезопасить меня от каких бы то ни было его шагов в будущем.

Я оставлю ему портрет, который, быть может, ему было бы приятно иметь, и остаюсь, дорогой мистер Шерлок Холмс, вашей

Иреной Нортон, урожденной Адлер».

— Что за женщина!... О, что за женщина!... — воскликнул наш клиент, когда мы все трое прочли это письмо. — Разве я не говорил вам о том, как она умна и решительна! Ну, разве она не была бы удивительной королевой? Как жаль, что она не одного со мной уровня!

— Все мной виденное убеждает меня, что эта леди, действительно, стоит на совершенно ином уровне! — холодно заметил Холмс. — Мне очень жаль, что я не мог привести вашего дела к благополучному концу.

— Вы ошибаетесь. Более счастливого исхода и быть не могло. Я знаю, что ее слово ненарушимо. Относительно же портрета я могу быть так же спокоен, как если бы он был сожжен. Я вам страшно обязан. Скажите, пожалуйста, чем я могу отплатить вам? Это кольцо... — прибавил он, снимая с пальца кольцо в виде змеи с изумрудом и протягивая его на ладони к Холмсу.

— О нет, есть нечто еще более драгоценное для меня, — сказал Холмс.

— А именно?

— Этот портрет.

Наш «высокопоставленный» клиент с изумлением пристально взглянул на него.

— Портрет Ирены? — вскрикнул он. — Конечно, если вы желаете!

— Благодарю вас. Итак, мне нечего здесь больше делать. Имею честь пожелать вам доброго утра.

Он поклонился и, не заметив протянутой ему руки, вместе со мной вышел и направился домой.

Вот как предотвращен был большой скандал в одном королевстве, и как лучшие планы Шерлока Холмса разрушены были умной женщиной. Раньше он всегда подсмеивался над женским умом, но в последнее время я что-то уже не слышу больше этих насмешек. Когда же он говорит об Ирене Адлер или возвращается к ее портрету, то постоянно называет ее «той женщиной».

ЛИГА РЫЖЕВОЛОСЫХ.

Однажды, прошлою осенью, я зашел к своему другу, мистеру Шерлоку Холмсу, и застал его в оживленном разговоре с каким-то очень толстым, цветущим пожилым господином, с ярко-рыжими волосами. Я извинился за свое вторжение и хотел уйти, но Холмс внезапно втащил меня в комнату и запер дверь.

— Вы пришли, как нельзя больше во-время, милый Ватсон, — ласково проговорил он.

— Я боялся помешать вам, видя что вы заняты.

— Да, занят. И даже очень.

— Ну, так я могу подождать в другой комнате.

— Незачем. Этот господин был партнером и помощником в самых моих удачных делах, мистер Вильсон, и я не сомневаюсь, что он может быть очень полезен и для вас.

Толстый господин приподнялся с кресла, кивнул головой в знак приветствия и вопросительно взглянул на меня своими проницательными, заплывшими от жира глазками.

— Присядьте на диванчик, — проговорил Холмс, опускаясь в свое кресло и перебирая кончиками пальцев, что он всегда делал во время рассуждений. — Я знаю, милый Ватсон, что вы разделяете мою любовь ко всему странному и выходящему из рамок обыденной серенькой жизни. Вы обнаружили ваше пристрастие тем энтузиазмом, который побу-

дил вас записывать и, простите за выражение, несколько разукрашивать многие из моих маленьких приключений.

— Действительно, ваши дела всегда чрезвычайно интересовали меня, — заметил я.

— Помните, недавно, прежде чем мы занялись очень простой проблемой, представившейся нам в лице мисс Мэри Сутерлэнд, я говорил, что в жизни встречаются такие странные положения и необыкновенно сложные случайности, каких не может выдумать самое пылкое воображение?

— И я осмелился высказать свои сомнения насчет этого предположения.

— Да, вы высказали ваши сомнения, но тем не менее вам придется согласиться с моей точкой зрения; иначе я буду громоздить перед вами факты за фактами до тех пор, пока ваш разум не сломится под их тяжестью, и вам придется признать правоту моего взгляда. Вот мистер Джейбез Вильсон был так добр, что навестил меня сегодня утром и начал рассказ, который обещает быть одним из самых странных, слышанных мною за последнее время. Вы слышали мое замечание, что большинство самых странных и необыкновенных явлений очень часто связано не с важными, а скорее с мелкими преступлениями, а иногда даже и с теми случаями, в которых появляется сомнение в наличности преступления. То, что я слышал в данном случае, не дозволяет мне сказать, есть ли тут преступление или нет, но события, рассказанные мне, принадлежат к числу самых странных. Может быть, мистер Вильсон, вы будете так добры, что повторите ваш рассказ. Прошу вас не то ько для того, чтобы дать моему другу, доктору Ватсону, возможность выслушать все с начала, но и для того, чтобы услышать из ваших уст малейшие подробности этой необыкновенной истории. Обыкновенно, при малейшем указании на ход данных событий, я прибегаю к помощи воспоминаний о множестве подобных случаев. Но здесь я должен признаться, что имею, по моему мнению, дело с фактами, единственными в своем роде.

Толстый клиент выпятил грудь с несколько гордым видом и вытащил из внутреннего кармана пальто грязную, смятую газету. Пока он просматривал объявления, откинув назад голову и разглаживая р кой лежавшую у него на коленях газету, я смотрел на него, стараясь, по примеру моего товарища, вывести какие-либо заключения из оде ды и вида этого человека.

Наблюдения мои не были особенно успешны. Посетитель оказался самым обыкновенным британским купцом, толстым, напыщенным и неповоротливым. На нем были несколько мешковатые серые панталоны, не очень чистый черный сюртук, расстегнутый на груди, и темный жилет, на котором виднелась тяжелая бронзовая цепочка, с привешенным к ней, в виде украшения, четыреугольным кусочком какого-то металла. Рядом с ним на стуле лежали поношенный цилиндр и выцветшее коричневое пальто со смятым бархатным воротником. Вообще, несмотря на все мои старания, я не мог найти в этом человеке ничего замечательного, за исключением разве огненных волос и выражения сильного горя и неудовольствия, видневшегося на его лице.

Шерлок Холмс зорко взглянул на меня и, улыбаясь, покачал головой на мой вопросительный взгляд.

— Из моих наблюдений я не могу вывести ничего, кроме очевидных фактов, что он был несколько времени чернорабочим, нюхает табак, принадлежит к масонам, побывал в Китае и очень много писал в последнее время,— сказал он.

М-р Джейбез Вильсон привскочил на стуле и устремил глаза на моего приятеля, не снимая пальца с газеты.

— Скажите, ради бога, как вы узнали все это, м-р Холмс?—спросил он.—Как вы, например, узнали, что я был чернорабочим? А ведь это сущая правда, я был корабельным плотником.

— Узнал по вашим рукам, сэр. Ваша правая рука значительно больше левой. Вы много работали ею, и по-

тому мускулы на ней развиты гораздо больше, чем на левой.

— Ну, а почему же вы узнали, что я нюхаю табак и принадлежу к франкмасонам?

— Не стоит даже затруднять вас объяснениями по этому поводу, тем больше, что вы несколько даже нарушаете строгие правила вашего ордена нося лук и компас в виде булавки.

— Ах, да, я и забыл об этом, Ну, а насчет того, что я много писал за это время?

— Отчего же у вас правый рукав так блестит на протяжении пяти дюймов, а на левом видно вытертое пятно, как раз в том месте, где вы опираетесь локтем об стол.

— А Китай?

— На правой руке, выше кисти, у вас вытравлено изображение рыбы. Такая татуировка делается только в Китае. Одно время я немного занимался изучением татуировки и даже писал об этом. Нежная, розовая раскраска чешуи рыбы свойственна только Китаю. К тому же на цепочке у вас висит китайская монета, что еще более упрощает дело.

М-р Джейбез Вильсон громко расхохотался.

— Ну, уж вот не ожидал! — проговорил он. — Сначала то я подумал, что вы, действительно, сделали что-то необычайно умное, а теперь вижу, что ничего тут особенного нет.

— Я начинаю думать, что я напрасно объясняю все мои выводы, Ватсон, — заметил Холмс. — Вы знаете: «Omne ignotum pro magnifico», и моя бедная репутация, как бы незначительна она ни была, может пострадать от излишней откровенности с моей стороны. Вы все еще не нашли объявления, м-р Вильсон?

— Вот оно, — ответил Вильсон, тыкая в столбец газеты своим толстым, красным пальцем. — Нашел. Все дело и началось с этого. Прочтите сами, сэр.

Я взял от него газету и прочел следующее:

«В лиге рыжеволосых. В силу завещания покойного Иезекииля Гопкинса из Либанона в Пенсильвании (Соединенных Американских Штатах) открывается новая вакансия члена лиги, который может получать четыре фунта стерлингов в неделю за необременительные услуги. Кандидатами могут явиться все здоровые духом и телом люди с рыжими волосами, старше двадцати одного года. Обращаться лично в понедельник, в одиннадцать часов к Дункану Россу, в конторе Лиги, Попс-Корт, в улице Флота».

— Что бы это могло означать! — заметил я, дважды прочитав это необыкновенное объявление.

Холмс усмехнулся и заворочался в кресле, как бывало с ним в минуты удовольствия.

— Это несколько выходит из обычной колеи, не правда ли? — сказал он. — Ну, а теперь, м-р Вильсон, расскажите-ка нам вы про село, про ваших родных и про влияние, которое это объявление имело на вашу судьбу. А вы, доктор, взгляните, пожалуйста, что это за газета и от какого числа.

— Это «Morning Chronicle» от 27 апреля 1890 г., ровно два месяца тому назад.

— Очень хорошо. Ну-с, м-р Вильсон?

— Ну, вот дело было так, как я уже рассказывал вам, м-р Шерлок Холмс, — сказал Джейбез Вильсон, утирая лоб. — У меня небольшая ссудная касса на Кобургской площади, вблизи Сити. Дело у меня всегда шло неважно, а в последние годы еле-еле хватало на одно пропитание. Прежде я держал двух помощников, а теперь у меня только один, да и тому мне было бы трудно платить, если бы он не согласился на половинную плату ради знакомства с делом.

— Как зовут этого любезного юношу? — спросил Шерлок Холмс.

— Его зовут Винцент Спаулдинг, и он уже далеко не юноша. Трудно определить его возраст. Лучшего помощника трудно найти, м-р Холмс; и я отлично знаю, что он

мог бы иметь лучшее место и получать вдвое больше жалованья, чем у меня. Но если он доволен, то не мне же вбивать ему иные мысли в голову, не так ли?

— Понятно! Зачем вам делать это. Вы очень счастливы, что вам удалось достать хорошего работника за дешевую плату. В наше время это не часто случается. Мне кажется, ваш помощник так же замечателен в своем роде, как и это объявление.

— О, у него есть и недостатки, — заметил м-р Вильсон. — Он страшно увлекается фотографией. Щелкает камерой вместо того, чтобы развивать свой ум, и бросается, словно кролик, в свою нору, в погреб, чтобы проявлять снимки. Это его главный недостаток, но вообще он хороший работник, пороков у него нет.

— Он еще у вас?

— Да, сэр. У меня в доме только он, да четырнадцатилетняя девочка, которая стряпает мне простые кушанья и прибирает квартиру. Я — вдовец, детей у меня никогда не было. Мы трое ведем очень тихую жизнь, сэр, поддерживаем кое-как дом и платим долги. Это объявление первое нарушило наш покой. Ровно неделю тому назад Спаульдинг сошел вниз с этой газетой в руках и сказал:

— Как бы я хотел быть рыжим, м-р Вильсон.

— Это почему? — говорю я.

— А потому, что вот открылась вакансия в «Лиге рыжеволосых». Ведь это целое богатство для того, кто получит ее; как кажется, вакансий больше, чем людей, и душеприказчики не знают, что делать с деньгами. Вот если бы у меня цвет волос изменился, то поместился бы и я в это теплое гнездышко.

— В чем же дело? — спрашиваю я. Видите, мистер Холмс, я страшный домосед, а так как дело само приходит ко мне, а не мне приходится бегать за ним, то я иногда по неделям не выхожу за порог дома. Таким образом, я немного знаю о том, что делается на свете, и всегда рад всякой новости.

— Вы никогда не слыхали об этой лиге? — говорит он, широко раскрыв глаза.

— Никогда.

— Ну, удивляюсь, потому что вы-то могли бы быть кандидатом на одну из вакансий.

— А что даст это мне?

— О, сотни две в год, а работа легкая, и для нее не придется бросать других занятий.

— Вы можете себе представить, как я насторожил уши при этих словах: дело шло не слишком хорошо за последние годы, и лишние сотни две в год были бы очень кстати.

— Расскажите мне все поподробно, — говорю я.

— Вот посмотрите сами, — говорит он, указывая на объявление; — в лиге рыжеволосых есть вакансия, а вот и адрес конторы, где вы можете узнать все подробности. Насколько я понимаю, лига была основана американским миллионером, Иезекиилем Гопкинсом, должно быть, каким-то чудаком. У него самого были рыжие волосы, и потому он питал особую симпатию ко всем рыжим, так что после его смерти оказалось, что он оставил все свое громадное состояние в руках душеприказчиков, завещав им употреблять проценты на обеспечение людей с волосами одного с ним цвета. Изо всего, что мне удалось слышать, я заключаю, что плата отличная, а работа очень легкая.

— Но ведь явятся миллионы рыжих, — говорю я.

— Вовсе не так много, как вы думаете, — отвечает он. — Видите, ведь приняты могут быть только лондонцы и взрослые люди. Этот американец в молодости уехал из Англии и хотел сделать добро родному городу. Потом я слышал, что волосы должны быть не просто светло- или темно-рыжего цвета, а непременно яркого, огненного. Ну, вот если бы вы обратились туда, мистер Вильсон, то вы, наверно, подошли бы подо все условия. Но, может быть, вы не найдете нужным тревожить себя из-за нескольких сот фунтов!

«Вы сами можете видеть, господа, мои волосы; они славного, роскошного оттенка, и потому поймете, что мне показалось, что в этом отношении я могу потягаться с кем угодно. Повидимому, Винцент Спаульдинг хорошо знал это дело и мог оказаться полезным для меня. Поэтому я велел ему закрыть ставни и итти со мной. Он очень охотно согласился бросить работу, мы закрыли лавочку и отправились по адресу, указанному в объявлении».

«Никогда в жизни не увижу я больше ничего подобного, м-р Холмс. С севера, юга, запада и востока шли в Сити рыжие всех оттенков. Улица была набита рыжими, а Попс-Корт имел вид целого моря апельсинов. Я думаю, что и во всей Англии не найдется столько рыжих сколько их собралось здесь по одному объявлению. Тут были все оттенки рыжего цвета — оттенки соломы, лимона, апельсина, кирпича, желчи, глины, шерсти ирландского сетера, — но, как говорил Спаульдинг, мало было волос такого яркого огненного цвета, как мои. Когда я увидел массу собравшихся, то в отчаянии хотел было отказаться от попыток, но Спаульдинг и слышать не хотел об этом. Не могу себе представить, как он это сделал, но он растолкал толпу, протиснулся со мной и втолкнул меня прямо к лестнице, которая вела в контору. На лестнице виднелся двойной поток людей: одни шли наверх и лица их сияли надеждой, другие спускались вниз с огорченным видом. Мы кое-как протиснулись и очутились в конторе».

— Занимательное было похождение, — заметил Холмс. когда его клиент остановился и сильно понюхал табак, чтобы освежить память. — Пожалуйста, продолжайте ваш интересный рассказ.

— В конторе стояло только два деревянных стула да стол, за которым сидел маленький человек с волосами еще более яркого рыжего цвета, чем мои. Каждому кандидату, входившему в комнату, он говорил несколько слов и во всех находил какой-нибудь недостаток, который делал его непригодным для нужного дела. Получить вакансию ока-

зывалось вовсе не легко. Однако, когда наступила наша очередь, человек отнесся ко мне любезнее, чем ко всем остальным, и запер за нами дверь, чтобы поговорить наедине.

— Это м-р Джейбез Вильсон, — сказал мой помощник, — и он желал бы поступить на вакансию, открывшуюся в лиге.

— Он замечательно подходит под все условия, — ответил человечек. — Не помню, чтобы мне когда-либо случалось встречать что-либо прекраснее. — Он отступил на шаг назад, надвинул шляпу на ухо и стал так пристально смотреть на мои волосы, что я положительно сконфузился. Затем он внезапно кинулся ко мне, сильно потряс мою руку и горячо поздравил меня с успехом.

— Всякие дальнейшие колебания были бы несправедливостью, — сказал он. — Но вы, наверно, извините меня за то, что я должен принять необходимые предосторожности.

— С этими словами он схватил меня обеими руками за волосы и так дернул их, что я закричал от боли.

— У вас слезы на глазах, — сказал он, отпуская меня, — значит, все как следует. Нам приходится соблюдать осторожность, так как два раза нас обманывали париком и один раз краской. Я мог бы рассказать вам целые истории про различные мошеннические проделки, которые заставили бы вас почувствовать отвращение к человеческой природе.

Он подошел к окну и крикнул изо всех сил, что вакансия замещена. Снизу донесся стон разочарования, и собравшиеся там люди разошлись по разным направлениям, так что остались только двое рыжих — я и управляющий конторы.

— Моя фамилия — Дункан Росс, — сказал он, — и я сам один из тех, кто получает пенсию из фонда, основанного нашим благородным благодетелем. Вы женаты, мистер Вильсон? Есть у вас семья?

Я ответил, что у меня нет семьи.

Лицо его сразу вытянулось.

— Вот как! Дело-то очень серьезное, — проговорил он. — С сожалением слышу от вас. Фонд был основан, само собой разумеется, столько же для распространения людей с рыжими волосами, сколько для поддержания их. Какое несчастие, что вы холостяк.

У меня так же вытянулось лицо, мистер Холмс, так как я подумал, что вакансии мне не получить. Однако, после нескольких минут размышления мой собеседник сказал, что все можно устроить.

— Будь на вашем месте кто-нибудь другой, это препятствие могло бы оказаться роковым, — проговорил он, — но для человека с такими волосами можно сделать снисхождение. Когда вы можете вступить в исполнение ваших новых обязанностей?

— Видите ли, может быть, неудобно, так как у меня уже есть дело, — сказал я.

— О, об этом не думайте, мистер Вильсон, — говорит Винцент Спаульдинг. — Я могу заменить вас.

— А в какие часы? — спросил я.

— От десяти до двух.

«В кассе ссуд дела больше по вечерам, мистер Холмс, особенно по четвергам и пятницам накануне получки, так что по утрам я был очень не прочь заработать лишнее. К тому же я знал, что помощник у меня хороший и приглядит, если нужно.

— Мне это очень удобно, — сказал я. — А какая плата?

— Четыре фунта в неделю.

— А работа?

— Только номинальная.

— Что это значит — номинальная?

— Ну, видите, вам нужно только быть в конторе или в этом доме в продолжение условленного времени. Если уйдете в эти часы, то навсегда потеряете свое положение. В завещании это выражено очень ясно. Вы не выполните условий, если будете уходить из конторы в эти часы.

— Раз это только четыре часа в день, то я вполне могу не выходить отсюда, — ответил я.

— Не принимается во внимание никаких причин неисполнения условия, — продолжал мистер Дункан Росс, — нельзя отговариваться, ни болезнью, ни делом, ни чем бы то ни было. Вы должны или сидеть здесь, или отказаться совсем.

— А что же я должен делать?

— Списывать «Британскую энциклопедию». Вот там в шкафу лежит первый том. Вы должны приносить свои собственные чернила, перья, пропускную бумагу, мы же даем стол и стул. Вы можете начать завтра?

— Конечно, — ответил я.

— В таком случае прощайте, мистер Джейбс Вильсон, и позвольте мне еще раз поздравить вас с приобретенным вами важным положением.

«Он с поклоном проводил меня из комнаты, и я пошел домой с моим помощником. От радости я положительно не знал, что делать, что говорить.

«Весь день обдумывал я это дело и к вечеру пришел опять в уныние, потому что вполне уверил себя в том, что это или мистификация, или мошенничество, цели которого я не мог себе представить. Невероятным казалось, что кто-нибудь мог оставить подобного рода завещание или чтобы стали давать такие деньги только за переписку «Британской энциклопедии». Винцент Спаульдинг употреблял все усилия, чтобы развеселить меня, но к тому времени, как я лег в постель, я убедил себя бросить это дело. На следующее утро я, однако, решил посмотреть, что из этого выйдет, купил бутылочку чернил, взял гусиное перо, семь небольших листов бумаги и отправился в контору лиги.

«К великому моему изумлению и восторгу, все оказалось в надлежащем виде. Для меня был приготовлен стол, а мистер Дункан Росс был уже на месте, чтобы наблюдать, как я примусь за дело. Он указал мне, что надо на-

чать с буквы А, и ушел из комнаты, но заходил время от времени, чтобы узнать, как у меня идет дело. В два часа он простился со мной, наговорил комплиментов по поводу того, что я столько написал, и запер за мной дверь конторы.

«Т к продолжалось изо дня в день, мистер Холмс, а в субботу пришел управляющий и выложил мне четыре золотых совер на за неделю. Так было и в следующие две недели. Каждое утро в десять часов я приходил в контору, а в два уходил оттуда. Мало-по-малу мистер Дункан Росс стал заходить то ько раз в утро, а по ом и совсем перестал бывать в конторе. Но, само собой разумеется, я не смел выйти ни на одно мгн вение из комнаты, так как не был уверен, что он не зайдет ко мне, а дельце-то было слишком хорошее д я того, чтобы рисковать.

«Так прошло два месяца, и я переписал великое множество сведений об «Аббатах», «Архитектуре», «Аттике» и т. п. и надеялся, что при прилежании могу скоро перейти к Б. Я и вел порядочно денег на бумагу, а исписанными м ою листами зап лнил почти целую полку. и вдруг это дело сразу кончилось».

— Кончилось?

— Да, сэр, И не позже как сегодня утром. Как всегда, я пошел сегодня на работу к десяти часам но дверь к нторы был зап рта на замок, а по сред не ее красовался прибитый гво диками еб льшой че ырехугольный кусок картона. Вот он, можете сами прочесть то, что написано тут.

Он подал кусок картона, величиной с лист из за исной книжк . Вот что было написано там: «*Лига рыжеволосых распалаеь. Октября 9, 1890 г.*».

Шерлок Холмс и я взгл нули на это краткое объ вление, а затем на плачевное лицо чело ека, пер дававшего его нам, и комич ская сторона приключения заставила нас забыть все остальное. Мы раз азились гр мким смехом.

— Не вижу, что тут такого смешного! — крикнул наш клиент, вспыхивая до корней своих огненных волос.— Если вы не можете придумать ничего лучшего, как смеяться надо мной, то я могу обратиться куда-нибудь в другое место.

— Нет, нет, — крикнул Холмс, толкая его обратно на стул, с которого он приподнялся. — Ни за что на свете не согласился бы я упустить ваше дело. Оно представляет собой совсем особый интерес. Но, извините, пожалуйста, в нем есть нечто смешное! Скажите, что же вы сделали, увидя на двери это объявление?

Я был поражен, сэр, и не знал, что делать. Потом я обошел все соседние конторы, но, как кажется, никто ничего не знал о том, что я спрашивал. Наконец, я пошел к хозяину дома, счетоводу, живущему в нижнем этаже, и спросил его, не может ли он сказать мне, что сталось с «лигой рыжеволосых». Он ответил, что не слыхал о подобном обществе. Тогда я спросил его, кто такой мистер Дункан Росс. Он ответил, что в первый раз слышит его имя.

— Ну, как же, — говорю я, — ведь это джентльмен из четвертого номера.

— Как, рыжий?

— Да.

— О, говорит он, — так ведь это Вильям Моррис. Он адвокат и нанял у меня комнату на время, пока будет готово его помещение. Он переехал вчера.

— Где я могу найти его?

— О, в его новой квартире.

«Он сказал мне адрес. Да, вот он: 17, Улица короля Эдуарда, близ собора св. Павла.

«Я отправился по адресу, мистер Холмс, но там оказалась фабрика наколенников, и никто н не слыхал ни о мистере Вильяме Моррисе, ни о мистере Дункане Россе».

— Ну, что же вы сделали? — спросил Холмс.

— Я пошел домой на Кобургскую площадь и посоветовался с моим помощником. И он не мог ничем помочь мне. Сказал только, что если подожду, то получу объяснение по почте. Но этого не достаточно для меня, мистер Холмс. Мне не хотелось потерять без борьбы такое место, и так как я слышал, что вы так добры, что даете советы бедным людям, нуждающимсяв них, то и пришел прямо к вам.

— И поступили очень умно, — сказал Холмс. — Ваше дело чрезвычай о занимательно, и я рад заняться им. На основании того, что вы сказали мне, я думаю, что оно важн е, чем может показаться с первого взгляда.

— Еще бы не важно! — сказал мистер Джейбез Вильсон. — Ведь я потерял четыре фунта в неделю.

— Что касается вас лично, то, мне кажется, вам нечего жаловаться на эту необыкновенную лигу, — заметил Холмс. — Напротив, насколько я понимаю; вы стали богаче на тридцать фунтов, не говоря уже о тех подробных сведениях, которые вы приобрели о всех предметах, начинающихся с буквы А. Вы ничего не потеряли от приобретения этих знаний?

— Нет, сэр. Но мне хотелось бы узнать, кто были эти люди и почему они сыграли со мной такую штуку. Дорогая эта была для них штука, так как обошлась в тридцать два фу та.

— Мы постараемся выяснить эти вопросы. А сначала позвольте предложить вам два вопроса, мистер Вильсон. Как долго служил у вас помощник, который первый указал вам на объявление?

— До того времени он служил около месяца.

— Как он попал к вам?

— По объявлению.

— По этому объявлению явился только он один?

— Нет, желающих была целая дюжина.

— Почему же вы выбрали его?

— Потому что он ловок и соглашался на меньшее жалованье.

— На половинное, в сущности?

— Да.

— Какого он вида, этот Винцент Спаульдинг?

— Маленького роста, коренастый, очень живой; ни усов ни бороды, хотя ему около тридцати лет. На лбу белый шрам.

Холмс приподнялся с кресла в сильном возбуждении.

— Я так и думал, — проговорил он. — Вы не замечали, что в ушах у него дырочки для серег?

— Да, сэр. Он рассказывал мне, что какая-то цыганка сделала это, когда он был еще мальчиком.

— Гм! — сказал Холмс в глубоком раздумье, снова опускаясь в кресло. — Он еще у вас?

— О да, сэр; я только-что расстался с ним.

— А как шло дело во время ваших отлучек?

— Не могу пожаловаться, сэр. По утрам вообще не бывает много работы.

— Довольно, мистер Вильсон. Денька через два, а может-быть, и раньше, я буду иметь счастье сообщить вам мое мнение о нашем деле. Сегодня суббота, надеюсь, что к понедельнику я приду к какому-либо заключению.

— Ну-с Ватсон, — заметил Холмс, когда ушел наш посетитель, — что вы думаете насчет этого?

— Ничего не думаю, — откровенно ответил я. — Это очень таинственное дело.

— Общее правило, что чем страннее какой-либо случай, тем менее таинственным оказывается он на самом деле. Труднее всего распутать самые обыкновенные преступления, точно так же, как труднее всего установить тожество обычного человеческого лица. Однако, надо поторопиться с этим делом.

— Что же вы намерены делать? — спросил я

— Во-первых, покурю, — ответил он. — Эта проблема стоит целых трех трубок и прошу вас не говорить со мной целых пятьдесят минут.

Он свернулся в кресле, подняв худые колени к ястребиному носу и закрыл глаза. Его черная глиняная трубка казалась клювом какой-то странной птицы. Я думал, что он заснул, и сам начал было клевать носом, как вдруг он вскочил с кресла с жестом человека, принявшего решение, и положил трубку на каменную доску.

— Сарасате играет сегодня в С.-Джемс-Холле, — заметил он. — Как вы думаете, Ватсон, могли бы оставить ваших пациентов на несколько часов?

— Сегодня мне нечего делать. Практика не отнимает у меня много времени.

— Ну, так надевайте шляпу и отправимся. Сначала я пройдусь по Сити, и дорогой мы можем где-нибудь поесть. Я замечаю, что в программе много немецкой музыки, которая мне больше по вкусу, чем итальянская и французская. Она невольно заставляет человека углубляться, а это необходимо мне в данную минуту. Ну-с, двинемся!

Мы поехали по подземной дороге до Ольдерсгейта и, после недолгой ходьбы, очутились на Саксен-Кобургской площади, — месте действия странной истории, которую мы слышали утром. Это — маленькое, тесное местечко, с жалкими потугами на приличия. Четыре ряда грязных двухэтажных кирпичных домов выходят на маленькое, обнесенное решеткой пространство, где виднеется поросшая со ной травой лужайка и несколько групп увядших лавровых кустов, ведущих тяжелую борьбу с неподходящей для них атмосферой, насквозь пропитанной запахом табака. Три позолоченные шара и темная вывеска с именем «Джейбез Вильсон», написанным белыми буквами, красовавшиеся на угловом доме, указали нам место занятий нашего рыжего клиента.

Шерлок Холмс остановился перед домом и стал внимательно осматривать его, наклонив голову набок. Глаза его сверкали между прищуренными веками. Он медленно прошелся взад и вперед по улице, все время пристально смотря на дома. Наконец, он вернулся к дому закладчика,

сильно стукнул раза два-три палкой по тротуару, подошел к двери и постучался. Ему сейчас же отпер молодой малый с чисто выбритым, веселым лицом и попросил его войти.

— Благодарю вас,—сказал Холмс,—я хотел только спросить, как пройти отсюда к Странду.

— Третья улица направо, четвертая налево, — быстро ответил помощник закладчика и запер дверь.

— Ловкий малый, — заметил Холмс, когда мы отошли от дома.—По моему мнению, он четвертый по счету ловкий человек в Лондоне, а по смелости, пожалуй, и третий. Мне он несколько знаком.

— Очевидно, помощник мистера Вильсона играет большую роль в тайне «лиги рыжеволосых». Я уверен, что вы зашли спросить дорогу только для того, чтобы повидать его.

— Не его самого.

— А что же?

— Колени его брюк.

— Ну, и что же вы увидали?

— То, что ожидал.

— Зачем вы стучали палкой по тротуару.

— Милый мой доктор, теперь надо заниматься наблюдениями, а не разговорами. Мы — шпионы в неприятельской стране. В настоящее время мы получили некоторое понятие о Саксен-Кобургской площади. Остается заняться исследованием ее окрестностей.

Когда мы повернули с площади, то нам представилось зрелище настолько противоположное ей, насколько задняя часть картины противоположна самой картине. Перед нами была одна из главных артерий Сити, ведущая с севера на запад города. По мостовой непрерывно двигались длинные ряды всяких экипажей и фур, а тротуары чернели от роя пешеходов, торопливо шедших в обе стороны. Трудно было представить себе, глядя на ряды прекрасных магазинов и величавых банков, что, с другой стороны, они примы-

кают к поблекшей, неподвижной площади, которую мы только-что покинули.

— Дайте-ка посмотреть, — сказал Холмс, останавливаясь на углу и окидывая взглядом всю улицу, — мне хочется хорошенько запомнить расположение домов. Знать хорошенько Лондон — мой конек. Вот дом Мортимера, табачная лавочка, где продают газеты. Кобургское отделение городского и пригородного банка, вегетарианский ресторан и депо экипажной фабрики Макферлана. Таким образом, мы доходим до конца. А теп рь, доктор, мы сделали свое дело и можем развлечься. Съедим по сандвичу, выпьем по чашке кофе, а потом отправимся в страну скрипки, где все прелесть, нежность, гармония, где нет рыжих клиентов, надоедающих своими загадками.

Мой друг был страстный любитель музыки; он не только хорошо играл, но и принадлежал к числу композиторов. Все время концерта он просидел в полном блаженстве, по временам тихо двигая своими длинными, худыми пальцами в такт музыке, а нежная улыбка на лице и мечтательный взгляд глаз нисколько не напоминали выражение лица и глаз Холмса-ищейки, Холмса, беспощадного, умного, ловкого агента по уголовным делам. Двойственность его натуры постоянно проявлялась в его странном характере, и мне часто казалось, что его чрезвычайная логичность и проницательность представляют собой реакции против охватывавшего его иногда поэтического и задумчивого настроения. Размах его натуры заставил его переходить от полной бездеятельности к всепожирающей энергии; я отлично знал, что он бывает всего более в ударе после нескольких дней, проведенных в кресле, среди импровизаций и старинных книг. После таких дней страсть к поискам внезапно охватывала его, и блестящая способность анализа доходила до такой высоты, что люди, не знакомые с его методом, с удивлением смотрели на него, как на человека, знания которого превосходят знания простых смертных. Видя его так увлеченным музы-

кою, я чувствовал, что плохо придется тем, которых он собирается преследовать.

— Вам, наверно, хочется домой, доктор, — заметил Холмс при выходе из концерта.

— Да хотелось бы.

— А мне нужно будет позаняться несколько часов. Дело Кобургской площади серьезно.

— Неужели серьезное?

— Задумано большое преступление. У меня есть основания предполагать, что нам удастся предотвратить его. Жаль только, что сегодня суббота: это осложняет дело. Сегодня вечером мне нужна ваша помощь.

— В какое время?

— Часов в десять.

— В десять часов я буду у вас.

— Отлично. И знаете что, доктор? Дело-то может выйти несколько опасное и потому запаситесь вашим револьвером.

Он махнул рукой в знак приветствия, повернулся и мгновенно исчез среди толпы.

Надеюсь, я не тупее моих ближних, но чувство моей глупости угнетает меня всегда, когда я имею дело с Шерлоком Холмсом. Вот и теперь: я слышал то же, что слышал он, видел, что он видел, а между тем из его слов следовало, что он ясно понимает не только то, что уже случилось, но и то, что будет впереди, тогда как для меня все кажется смутным и нелепым. Пока я ехал домой в Кинсингтон, я обдумывал все, начиная от необыкновенной истории рыжего переписчика «Энциклопедии» до посещения Кобургской площади и многозначительных слов Холмса при прощании. Что это за ночная экспедиция, и почему я должен быть вооружен? Куда мы пойдем и что будем делать? Холмс намекнул мне, что безбородый помощник закладчика — опасный человек, человек, который может вести опасную игру. Я пробовал найти разгадку этих слов, но отказался и в отчаянии решил не думать ни о чем до вечера, когда все объяснится.

Было четверть десятого, когда я вышел из дома и прошел парком и Оксфордской улицей до улицы Бэкер. У подъезда стояло два кабриолета. В коридоре я услышал доносившийся сверху шум голосов. Войдя в комнату Холмса, я застал его в оживленном разговоре с двумя людьми, в одном из которых я узнал Питера Джонса, полицейского агента; другой был длинный, худой человек с печальным лицом. На нем была очень блестящая шляпа и удручающе приличный фрак.

— Ага! вот мы все в сборе, — сказал Холмс, застегивая свою матросскую куртку и беря со стены охотничий хлыст.

— Ватсон, вы, я думаю, знаете мистера Джонса? Позвольте мне представить вас мистеру Мерривэзеру, который примет участие в нашем ночном похождении.

— Как видите, мы опять сходимся парами, доктор, — сказал Джонссо свойственным ему многозначительным тоном. — Наш друг удивительно умеет устраивать охоту. Ему нужна только старая, опытная собака, чтобы загнать зверя.

— Только бы наша охота не кончилась какими-нибудь пустяками, — угрюмо заметил Мерривэзер.

— Можете положиться на мистера Холмса, сэр,—свысока сказал полицейский агент. — У него, если мне позволено будет сказать, свои методы, по-моему, несколько слишком теоретичные и фантастические, но вообще он обладает всеми данными для сыщика. Можно по справедливости сказать, что в двух делах он оказался прозорливее официальных агентов.

— Ну, уж если вы говорите это, мистер Джонс, так значит правда! — почтительно проговорил незнакомец. — Но, признаюсь, мне не достает роббера. Это первый субботний вечер за двадцать семь лет, что я сегодня без роббера.

— Я думаю, вы убедитесь, что сегодня ваша ставка будет гораздо выше всех ваших ставок за всю жизнь, а игра предстоит азартная, — заметил Шерлок Холмс. — Для вас мистер Мерривэзер, ставка будет тысяч тридцать

фунтов, а для вас, Джонс, она будет заключаться в человеке, которого вам так хочется поймать.

— Джон Клэй, убийца, вор, банкрот, подделыватель векселей. Он — молодой человек, мистер Мерривэзер, но он стоит во главе людей своей профессии, и я охотнее надену мои браслеты на него, чем на всякого другого преступника в Лондоне. Молодой Джон Клэй — замечательный человек. Его дедушка был герцог королевской крови, а сам он учился и в Итоне, и в Оксфорде. Он так же изворотлив, как его пальцы, и хотя мы на каждом шагу встречаем его следы, но никогда не можем найти его самого. На одной неделе он отколет какую-нибудь штуку в Шотландии, а на следующей неделе собирает в Корнваллисе деньги для постройки сиротского дома. Я годами слежу за ним и никогда еще не видел его в глаза.

— Надеюсь, что буду иметь удовольствие представить вас ему сегодня вечером. Мне также приходилось раза два иметь дело с мистером Джоном Клэй, и я вполне согласен с вашим мнением, что он самый выдающийся человек своей профессии. Однако, уже более десяти часов, и нам пора отправляться. Вы двое садитесь в первый кэб, а Ватсон и я поедем во втором.

Шерлок Холмс мало разговаривал во время нашей продолжительной поездки и, откинувшись в угол, напевал сквозь зубы слышанные им в этот день мотивы. Мы проехали через бесчисленное множество освещенных газом улиц и, наконец, очутились в улице Фаррингд н.

— Теперь мы близки к развязке, — заметил мой друг. — Мерривэзер — директор одного из банков и лично заинтересован в этом деле. Я счел нужным взять с собой и Джонса. Он не дурной малый, хотя полный дурак в своем деле. У него есть одна добродетель: храбр, как бульдог а если уж поймает кого, то вцепится словно рак клещами. Вот мы и пришли. Здесь уже ждут нас.

Мы снова очутились в той оживленной улице, где были уже сегодня утром. Мы отпустили кэбы и, вслед за мисте-

ром Мерривэзером дошли по узкому проходу до боковой двери, которую он открыл для нас. Мы вошли в маленький коридор, заканчивавшийся массивной железной решеткой. Решетка отворилась, и по ступеням витой каменной лестницы мы спустились к другой такой же решетке. Мистер Мерривэзер остановился, зажег фонарь и потом повел нас вниз по темному коридору, пропитанному запахом сырой земли, к третьей двери, и отпер ее. Мы очутились в громадном подвале или погребе, уставленном плетеными корзинами и массивными ящиками и сундуками.

— Ну, сверху-то вы неуязвимы, — заметил Холмс, поднимая фонарь и оглядывая все вокруг.

— Да и снизу также, — ответил мистер Мерривэзер, ударяя палкой по плитам пола. — Но, что же это! Что за глухой звук? — внезапно проговорил он, с удивлением взглядывая на нас.

— Прошу вас быть поспокойнее, — сурово сказал Холмс. — Вы и так уже подвергли опасности успех нашей экспедиции. Будьте так добры, присядьте на один из сундуков и не вмешивайтесь ни во что.

Важный мистер Мерривэзер с весьма обиженным выражением лица уселся на плетеной корзине, а Холмс стал на колени и при свете фонаря принялся рассматривать в увеличительное стекло трещины между плитами. Через несколько секунд он вскочил на ноги и положил в карман стекло.

— У нас целый час времени, — заметил он, — так как они не могут приняться за дело раньше, чем наш простодушный закладчик не заснет спокойно на своей кровати. Тогда они не станут терять ни минуты, потому что, чем скорее они покончат со своим делом, тем больше им будет времени на то, чтоб убраться вон. Вы вероятно, уже догадались доктор, что в настоящее время мы находимся в подвале отделения одного из главных лондонских банков, находящеося в Сити. Мистер Мерривэзер, председатель правления этого банка, объяснит вам причину, по

которой этот погреб представляет в данную минуту особый интерес в глазах самых смелых преступников Лондона.

— Дело касается нашего французского золота, — шепнул мне директор. — Мы получили уже несколько предупреждений насчет покушений на него.

— Ваше французское золото?

— Да. Несколько месяцев тому назад нам оказалось необходимым усилить наши денежные средства, и потому мы сделали во французском банке заем в тридцать тысяч наполеондоров. Между тем нам не пришлось пустить в дело этих денег, и они остались нераспакованными в этом погребе. В корзине, на которой я сижу, лежит две тысячи наполеондоров, упакованных между листами свинцовой бумаги. Обыкновенно мы не держим такого количества слитков в отделениях, а потому директора беспокоятся на этот счет.

— И имеют основательный повод к этому, — заметил Холмс. — Ну, а теперь пора приступить к составлению наших планов. Я думаю, что через час наступит развязка. А пока мистер Мерривэзер, придется прикрыть фонарь.

— И сидеть в темноте?

— Боюсь, что так. Я захватил с собой карты, думал, что нас четверо, и вы можете не пропустить вашего роббера, но теперь вижу, что приготовления врага зашли так далеко, что мы не должны рисковать, и дать ему заметить свет. Это люди смелые, и хотя мы нападаем на них врасплох, все-таки следует остерегаться. Я стану за этой корзиной, а вы спрячьтесь вон за теми. Когда я вдруг наведу на них свет фонаря, немедленно окружайте их. Если они станут стрелять, Ватсон, то, пожалуйста, не постесняйтесь продырявить их.

Я взвел курок моего револьвера и положил его на верх деревянного ящика, за которым притаился. Холмс закрыл фонарь, и мы очутились в такой темноте, какой мне никогда еще не приходилось испытывать. Только по запаху горячего металла можно было чувствовать, что свет не

вовсе потух и может засиять в каждое мгновение. Нервы мои были страшно напряжены, и я испытывал какое-то особенное чувство подавленности среди этого внезапного мрака в холодном, сыром воздухе подвала.

— У них только один выход, — шепнул Холмс. — Через дом в Саксен Кобургский сквер. Надеюсь, вы исполнили мою просьбу, Джонс.

— У входной двери дежурит инспектор с двумя полицейскими.

— Ну, так все щели заткнуты. А теперь будем молчать и ждать.

Как долго тянулось время! Впоследствии оказалось, что мы ждали только час с четвертью, но тогда мне казалось, что ночь уже приходит к концу, и скоро должна з нятъся заря. Все члены у меня закоченели, потому что я боялся изменить мою позу, а нервы дошли до высшей точки напряжения; слух так обострился, что я не только слышал, как дышали мои товарищи, но мог даже различить глубокое тяжелое дых ие Джонса от тихого, похожего на вздох, дыхания директора б нка. С моего места, за корзиной, мне были видны плиты пола. Внезапно я заметил на них луч света.

Сначала мелькнула слов о бледная искра. Потом она ста а длиннее и превратилась в желтую полосу. Затем в образовавшемся вдруг отверстии бесшумно показалась белая, почти женская рука, которая стала ощупывать плиты вокр г того места, куда падал слабый свет. Минуты две рука эта торчала из-под пола и затем исчезла так же внезапно, как появилась, и кругом воцарилась прежняя тьма. Только между щелями плит продолжал мерцать слабый свет.

Однако рука исчезла только на одно мгновение. Одна из больших белых плит вдруг перевернулась с резким ш мом и образовала громадную четырехугольную дыру, через которую прорвался яркий свет от фонаря. Из щели выглянуло молодое лицо с чистыми чертами. Человек этот внимательно огляделся, поднялся на руках и стал на ко-

лени у края отверстия. Через мгновение он был уже на полу и помогал подниматься товарищу с бледным лицом и массой яркорыжих волос, такому же маленькому и ловкому, как он сам.

— Путь свободен, — прошептал он. — У вас долото и мешки?.. О, чорт возьми! Прыгай назад, Арчи! Прыгай скорее, а я уж отвечу!

Шерлок Холмс выскочил из своей западни и схватил его за шиворот. Сообщник пойманного бросился назад в отверстие, и я услышал, как треснуло сукно его одежды, когда Джонс схватил его за фалды сюртука. Луч света осветил револьвер в руке преступника, но Холмс ударил его хлыстом по руке, и револьвер с шумом упал на каменный пол.

— Все напрасно, Джон Клэй, — любезно проговорил Холмс, — вам не повезло.

— Вижу, что не повезло, — с величайшим хладнокровием ответил молодой человек. — Кажется мой товарищ спасся, хотя у вас в руках остались фалды его сюртука.

— У дверей его ждут трое людей, — сказал Холмс.

— О, вот как! Оказывается, вы все отлично устроили. Остается только поздравить вас.

— С своей стороны, позвольте и мне поздравить вас, — ответил Холмс. — Ваша идея насчет рыжих очень оригинальна и блестяща.

— Сейчас увидите своего приятеля, — сказал Джонс. — Он лучше меня умеет опускаться в дыры. Погодите только, пока я надену наручники.

— Пожалуйста, не трогайте меня вашими грязными руками, — заметил наш пленник, когда наручники зазвенели на его руках. — Вы может-быть, не знаете, что в моих жилах течет королевская кровь. Потрудитесь называть меня «сэр» и прибавлять «пожалуйста», когда будете разговаривать со мной.

— Отлично, — насмешливо ответил Джонс, пристально смотря на него. — Итак, сэр, неугодно ли вам подняться

наверх; там мы можем найти кэб для того, чтобы отвезти ваше высочество в полицейский участок.

— Вот так-то лучше, — спокойно заметил Джон Клэй. Он вежливо с достоинством поклонился нам и спокойно вышел с Джонсом.

— Не знаю, как и чем может банк достаточно отблагодарить вас, мистер Холмс, — сказал мистер Мерривэзер, когда мы вслед за ними вышли из погреба. — Нет сомнения, что вам удалось открыть и предотвратить одну из самых смелых попыток обокрасть банк.

— У меня были свои маленькие счеты с мистером Джоном Клэем, — сказал Холмс. — Были у меня небольшие затраты, которые, надеюсь, банк возместит мне, но, во всяком случае, я щедро вознагражден тем, что испытал единственное в своем роде приключение и слышал замечательный рассказ о «лиге рыжеволосых».

— Видите, Ватсон, — говорил он мне, когда рано утром мы сидели с ним в улице Бэкер за стаканом виски с содой. — С самого начала было ясно видно, что целью этого несколько фантастического объяснения насчет «лиги» могло быть только желание удалить на несколько дней из дома этого не слишком-то умного закладчика. Это была странная манера, но, право, трудно было бы выдумать что-либо лучше. Изобретательному Клэю, наверно, пришло на ум воспользоваться цветом волос своего сообщника. Четыре фунта в неделю была достаточная приманка, чтобы привлечь Вильсона, а что значит эта сумма для тех, кто играет на тысячи? Они поместили объявление; один мошенник основал временную контору, другой подстрекнул Вильсона обратиться по объявлению, и таким образом им удалось удалять его ежедневно на несколько часов. Как только я услышал, что помощник согласился служить на половинном жалованьи, мне стало ясно, что у этого человека должен быть какой-нибудь очень важный повод, чтобы желать получить это место.

— Но как вы могли угадать этот повод?

— Будь в доме женщина, я заподозрел бы простую любовную интригу. Но здесь не могло быть и речи об этом. Дела у Вильсона не значительные, и в доме у него нет ничего такого, что могло бы вызвать подобные тщательные приготовления и значительные расходы. Значит, надо искать вне дома. Что же это могло быть? Я подумал о страсти помощника к фотографии, о том, что он часто исчезает в погреб. Погреб! вот нить к запутанной загадке. Тогда я навел справки о таинственном незнакомце и узнал, что имею дело с одним из самых хладнокровных и дерзких преступников Лондона. Он делает что-то в погребе ежедневно, в продолжение нескольких часов; и это длится целые месяцы. Еще раз, что бы это могло быть? Я только и мог думать, что он роет подкоп под какое-нибудь здание.

«Вот до каких выводов дошел я, когда мы пришли на место действия. Я удивил вас тем, что стал стучать палкой по мостовой. Мне хотелось убедиться, где идет подкоп — впереди дома или сзади. Оказалось, что впереди его не было. Тогда я позвонил, и, как я надеялся, приказчик Вильсона отпер дверь. Между нами бывали и прежде стычки, но мы никогда не видали в глаза друг друга. Я почти не взглянул ему в лицо. Мне нужно было видеть его брюки. Вероятно, вы и сами заметили, как они были изношены, смяты и грязны на коленях. Они так и говорили о целых часах, проведенных за рытьем земли. Оставалось только узнать, зачем они это делают. Я зашел за угол, увидел, что здание «Городского и пригородного банка» выходит к дому нашего приятеля, и убедился, что нашел разгадку тайны. Когда вы поехали домой после концерта, я зашел в полицию и к директору банка. Результат этого вы видели».

— А почему вы подумали, что они произведут покушение сегодня ночью? — спросил я.

— Если они закрыли свою контору «лиги», то, очевидно, уже не нуждались в отсутствии мистера Джейбеза Вильсона, другими словами, им удалось провести свой тун-

нель. Но им было необходимо воспользоваться им как можно скорее, так как его могли открыть или банк мог взять деньги из подвала. Суббота — самый удобный для этого день, потому что перед ними были два дня, во время которых они могли уехать далеко от Лондона. Поэтому-то я и ожидал покушения именно в эту ночь.

— Ваше рассуждение великолепно! — вскрикнул я в непритворном восторге. — Такая длинная цепь, и вместе с тем каждое звено в ней прочно.

— Это было развлечением для меня, — проговорил он, зевая. — Увы! я чувствую, как скука начинает одолевать меня. Вся моя жизнь — усилие избавиться от пошлости. Подобного рода маленькие проблемы помогают осуществлению этих усилий.

ДВОЙНИК.

— Дорогой мой, — заявил Шерлок Холмс, когда мы сидели у камина в его квартире на Бэкер-стрит, — жизнь куда более странна и неожиданна, чем может придумать человеческий ум. Нам и в голову не пришло бы то, что сплошь и рядом встречается в действительности. Если бы мы могли, с вами вылетев из этого окна, полететь над этим громадным городом, тихонько приподнять крышки с домов и взглянуть внутрь на все происходящее там, мы увидели бы такие удивительные вещи, такие странные совпадения обстоятельств, такие планы, такие неожиданные результаты событий, что все романы с их условностью и заранее известными окончаниями оказались бы скучными и банальными.

— Далеко не убежден в этом, — ответил я. — Случаи, попадающие в газеты, достаточно вульгарны. Реализм полицейских отчетов доходит до крайних пределов, а между тем нельзя же их назвать интересными и изящными.

— Для того, чтобы произвести впечатление в реалистическом духе, необходим известный навык, нужен тщательный выбор, — заметил Холмс. — Вот этого-то и нет в судебных отчетах, может-быть, потому, что там обращают больше внимание на формальную сторону дела, а не на мелочи, которые составляют его главную сущность в глазах наблюдателя. Поверьте, нет ничего неестественнее всего обыденного.

Я улыбнулся и покачал головой.

— Я понимаю вас, — сказал я. — Конечно, вам, как неофициальному советчику, к которому прибегают за помощью в загадочных делах жители трех континентов, приходится иметь дело, действительно, с редкими, странными приключениями. Но вот возьмем на пробу, — прибавил я, подымая с пола утреннюю газету. — Вот первая попавшаяся статья: «Жестокое обращение мужа с женой». Тут целых полстолбца, но я наперед знаю содержание отчета. Конечно, другая женщина, пьянство, побои, сострадательная сестра и хозяйка. Самому бездарному писателю не выдумать ничего банальнее.

— Но вы выбрали как раз неудачный пример, — сказал Холмс, взяв газету и пробежав ее глазами. — Это дело о разводе супругов Дэвидс, и мне как раз пришлось выяснить некоторые подробности его. Супруг — член общества трезвости, никакой другой женщины не было, а вот он имел привычку после еды швырять в жену своими вставными зубами. Согласитесь, что подобного рода штука придет в голову не всякому писателю. Возьмите-ка табачку, доктор, и сознайтесь, что мне удалось побить вас вашим же оружием.

Он протянул мне золотую табакерку с большим аметистом на крышке. Эта роскошная вещица представляла такой контраст с обстановкой квартиры Холмса и его скромным обиходом, что я не мог не выразить своего удивления.

— Ах, я и забыл, что не виделся с вами несколько недель, — проговорил он. — Это я получил в благодарность за участие в деле Ирены Адлер.

— А кольцо? — спросил я, смотря на великолепный брильянт, сверкавший у него на пальце.

— От голландской королевской фамилии. Это дело такое щекотливое, что я не могу рассказывать его даже вам, так мило описавшему некоторые из моих приключений.

— А есть у вас теперь дела? — спросил я.

— Есть дел десять, двенадцать, но ни одного особенно интересного. Понимаете — важные, но нисколько не интересные. Я давно уж пришел к заключению, что именно в маловажных делах открывается более обширное поле для наблюдений и для того анализа причин и следствий, который и составляет прелесть исследования. Чем крупнее преступление, тем оно проще, тем мотив его очевиднее. В настоящее время среди моих дел нет ни одного интересного, за исключением разве запутанной истории, о которой мне писали из Марселя. Может быть, сейчас будет что-нибудь получше; если не ошибаюсь, вот одна из моих будущих клиенток.

Он встал со стула, подошел к окну и, раздвинув занавеси, стал смотреть на скучную однообразную лондонскую улицу. Я заглянул через его плечо и увидел на противоположной с ороне высокую женщину, с тяжелым меховым боа на шее, в шляпе с большим красным пером и с широкими полями, фасона «Герцогини Девонширской», кокетливо надетой набок. Из под этого соору ения она смущенно и тревожно поглядывала на наши окна, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону и нервно теребя пуговицы перчатки. Внезапно, словно пловец, бросающийся в воду, она торопливо перешла улицу, и мы услышали сильный звонок.

— Эти симптомы знакомы мне, — сказал Холмс, бросая папиросу в огонь. — Эти колебания, войти или нет, всегда указывают на то, что дело идет о каком-нибудь сердечном деле. Ей нужен совет, а между тем она думает, что данный вопрос слишком деликатного свойства, чтобы обсуждать его с кем бы то ни было. Но и тут бывает различие. Если женщина серьезно оскорблена мужчиной, то обычным симптомом является оборванный колокольчик. В настоящую минуту можно предположить любовную историю, но барышня не так разгневана, как поражена или огорчена. Но вот и она сама является, чтобы разрешить наши сомнения.

Раздался стук в дверь, и мальчик, прислуживавший Холмсу, доложил о мисс Мэри Сутерлэнд. Вслед за ним выплыла и сама барышня, словно большое грузовое судно за крошечным катером. Шерлок Холмс приветствовал ее со свойственной ему спокойной вежливостью, запер дверь, предложил ей сесть в кресло и оглядывал ее своим быстрым и пристальным, но и в то же время как бы небрежным взглядом.

— Разве вам не трудно так много писать на машинке при вашей близорукости? — спросил он.

— Сначала было трудно, но теперь я умею находить буквы и работать, не глядя, — ответила она.

Внезапно, как будто только что поняв значение слов Холмса, она вздрогнула, и выражение страха и изумления показалось на ее широком, добродушном лице.

— Вы уже слышали обо мне, мистер Холмс, — крикнула она, — иначе как бы вы могли узнать это?

— Не обращайте на это внимания, — смеясь проговорил Холмс, — ведь в мои обязанности входит знать то, что не замечают другие. Иначе зачем бы вы пришли посоветоваться со мною?

— Я пришла к вам, сэр, потому что слышала о вас от миссис Этредрж. Вы так скоро нашли ее мужа, когда и полиция и все остальные считали его мертвым. О, мистер Холмс, если бы вы могли сделать то же для меня! Я небогата, но все же имею сто фунтов дохода в год и, кроме того, зарабатываю еще, выстукивая на пишущей машине. Я охотно отдала бы все, только бы узнать, что сталось с мистером Госмером Энджелем.

— Отчего вы так спешили ко мне? — спросил Шерлок Холмс, сложив вместе концы пальцев и смотря в потолок.

На тупом лице мисс Мэри Сутерлэнд появилось испуганное выражение.

— Да, я просто вылетела из дому, — проговорила она. — Я рассердилась на мистера Виндибанка — это мой отец —

за то, что он так легко относится к этому делу. Он не хотел итти ни в полицию, ни к вам. Ну, наконец, так как он ничего не хотел делать и доказывал мне, что ничего дурного не случилось, я и взбесилась, оделась и пошла прямо к вам.

— Отец, говорите вы? Наверно, отчим, так как у вас разные фамилии, — заметил мистер Холмс.

Да, отчим, но я называю его отцом, хотя это смешно, так как он только на пять лет и два месяца старше меня.

— А жива ваша матушка?

— О, да! Она и жива и здорова. Я не очень-то была довольна, мистер Холмс, когда она вышла замуж так скоро после смерти отца и за человека почти на пятнадцать лет ее моложе. Отец вел торговлю свинцом в Тоттенгэме и оставил после смерти прибыльное дело, которое мать продолжала с помощью нашего старшего приказчика, мистера Харди. Но мистер Виндибанк заставил мать продать это дело. Он слишком горд для этого, так как состоит агентом по продаже вин. Они выручили за продажу четыре тысячи семьсот фунтов стерлингов. Будь жив отец, наверно, продал бы дороже.

Я думал, что этот бессвязный рассказ должен надоесть Шерлоку Холмсу. Наоборот, он слушал его с напряженным вниманием.

— А ваш доход получается с этого вырученного капитала? — спросил он.

— О, нет, сэр! Я получаю его с наследства, оставленного мне дядей Нэдом из Оклэнда. Он оставил мне две тысячи пятьсот фунтов в $4^1/_2$% новозеландских облигациях с тем, чтобы я получала только проценты.

— Все, что вы рассказываете, чрезвычайно интересно, — сказал Холмс. — Получая такой доход и к тому же зарабатывая несколько, вы, конечно, можете и путешествовать и позволять себе все, что угодно. Я думаю, что одинокая дама может отлично прожить и на шестьдесят фунтов в год.

— Я могла бы прожить и на меньшее, мистер Холмс. Но, понимаете, пока я живу дома, я не желаю быть в тягость родным, и потому они пользуются моим доходом. Понятно, это только на время. Мистер Виндибанк получает каждую четверть года проценты за меня и передает их матери, а мне хватает и того, что зарабатываю п репиской на машине. Я получаю по два пенса за лист и могу переписывать в день от пятнадцати до двадцати листов.

— Вы очень ясно обрисовали мне свое положение, — сказал Холмс. — Это — м й друг, доктор Ватсон. Вы можете говорить при нем так же откровенно, как наедин со мной. Пожалуйста, расскажите нам про ваши отношения с ми тером Госмером Энджелем.

Румянец вспыхнул на лице мисс Сутерлэнди она принялась нервно обдергивать бахрому своей кофточки.

— Я встретила его первый раз на балу служащих газового завода, — сказала она. — Когда был жив отец, они всегда присылали ему билеты, и тут также вспомнили о нас и прислали билеты. Мистер Виндибанк не хотел, чтобы мы ехали на бал. Он вообще не любит, чтобы мы выезжали. Он бесился, если я собиралась даже на какой-нибу ь школьный праздник. Но на этот раз я решила ехать во что бы то ни стало. Какое право имел он удерживать меня? Он говорил, что нам не следует знаться с такими людьми, тогда как должны были встетиться там с друзьями отц. Потом он сказал, что мне нечего надеть, а у меня в шкафу было ненадеванное красное плюшевое платье. Н конец, когда он увидел, что ничего не поделает, он уехал по делам фирмы во Францию, а мы с м терью, в сопровождении нашего приказчика, мистера Харди, отправились на бал, где я и встретила мистера Госмера Энджеля.

— Я полагаю, что мистер Виндибанк был очень недоволен, когда он вернулся из Франции и узнал, что вы все-таки были на балу? — спросил Холмс.

— О, нет, он добродушно отнесся к этому. Я помню, он засмеялся, пожал плечами и сказал, что напрасно за-

прещать что-либо женщине, так как она непременно поставит на своем.

— Понимаю. Итак, на этом балу встретились с одним джентльм ном, фамилия которого была Энджель.

— Да, сэр. Я познакомилась с ним в тот вечер; на следующий день он зашел к нам, чтобы узнать, благополучно ли мы возвратились домой, а потом мы, т.-э. я хочу сказать я, мист р Холмс, вст ечала его дв раза на прогулке. Но потом вернулся отец, и мистер Госмер Энджель уж не мог больш приходит к нам.

— Не мог?

— Ну, знаете, отец не любит подобного рода вещей. Ему бы хотелось, чтобы у нас и совсем не бывало гостей. Он говорит, что женщина должна быть счастлива в своем семейном кругу. Но я всегда говорила матери, что женщина прежде всего должна составить себе этот круг, а у меня его еще не было.

— Ну, а что же мистер Госмер Энджель? Он так и не пробовал повидаться с вами?

— Отец должен был через неделю опять уехать во Францию, и Госмер написал мне, что для нас б зопаснее и лучше не видаться до его отъезда, а переписываться все время. Он писал ежедневно, и я получала письма утром так, что отец не знал о нашей переписке.

— Вы уже дали ему слово?

— О, да, мистер Холмс. Я дала ему слово после первой нашей прогулки. Госмер, т.-е. мистер Энджель... был кассиром в одной конторе в улице Лиденголль...

— В какой конторе?

— Вот в том-то и дело, мистер Холмс, что я не знаю, в какой.

— Но где же он жил?

— Он ночевал в конторе.

— И вы не знаете его адреса?

— Н т, знаю только, что он жил в улице Лиденголль...

— Куда же вы адресовали ему письма?

— В почтовое отделение на улице Лиденголль, до востребования. Он говорил, что если я буду посылать ему письма в контору, то товарищи станут поддразнивать его, что он получает дамские записочки. Я предлагала ему, что буду писать на машине, как он писал мне, но он отказался и сказал, что если будет получать такие письма, ему все будет казаться, бу то между нами машинка. Даже по этим мелочам вы можете видеть, как он любил меня, мистер Холмс.

— Это очень важно,— заметил Холмс. — Для меня давно стало аксиомой, что мелочи гораздо важнее более значительных фактов. Не можете ли вы припомнить еще каких-либо мелочей насчет мистера Госмера Энджеля?

— Это был очень застенчивый человек, мистер Холмс. Он предпочитал гулять со мной по вечерам, говоря, что не любит обращать на себя внимание. Очень скромный и приличный молодой человек. Голос у него был очень слабый. Он говорил мне, что в детстве болел жабой, и с тех пор у него часто болело горло. Он всегда был хорошо одет, чисто и скромно, а глаза у него были слабые, так же, как и у меня, и он носил темные очки для защиты от света.

— Хорошо. Ну, а что же произошло, когда ваш отчим, мистер Видибанк, вновь уехал во Францию?

— Мистер Госмер Энджель опять пришел к нам и предложил мне обвенчаться с ним до возвращения отца. Он говорил страшно серьезно и заставил меня поклясться на Библии, что я навсегда останусь верна ему. Мать сказала, что он совершенно прав и что это показывает силу его страсти. Мать была с самого начала очень хорошо расположена к нему и любила его даже больше, чем я. Потом они стали говорить о том, чтобы нам обвенчаться на этой же неделе. Я предложила было подождать до приезда отца, но они оба сказали, что на это не стоит обращать внимания, можно сказать ему и после. Мать бралась уладить все. Мне это было не по душе, мистер Холмс. Конечно, смешно было спрашивать

позволения у человека только на несколько лет старше меня, но я не хотела ничего делать потихоньку и потому написала отцу в Бордо, где есть отделение того общества, где он служит, но получила это письмо обратно как раз утром в ден. моей свадьбы.

— Так он не получил письма?

— Да, сэр, потому что выехал в Англию как раз перед тем, как оно пришло в Бордо.

— А, какая несчастная случайность. Итак, ваша свадьба была назначена на пятницу в церкви Спасителя?

— Да, сэр, мы должны были самым скромным образом венчаться в церкви Спасителя, а потом завтракать в отеле Панкрас. Госмер приехал за нами в кэбе, и так как я была с матерью, он посадил нас туда, а сам сел в карету, случайно стоявшую на улице. Мы приехали к церкви первые, а когда подъехала карета, мы ожидали, что он выйдет; но он не выходил так долго, что кучер слез с козел и заглянул в карету, — там никого не оказалось. Кучер говорил, что понять не может, куда седок девался, так как собственными глазами видел, как он вошел в карету. Это было в последнюю пятницу, мистер Холмс, и с тех пор я не слышала о нем и не видела его.

— По-моему, с вами сыграли постыдную штуку, — сказал Холмс.

— О, нет, сэр. Он слишком хорош и добр, чтобы бросить меня так Ведь все утро он говорил мне, чтоб я оставал сь ему верной; во всяком случае, если бы даже случилось что-нибудь совершенно непредвиденное и нам пришлось бы расстаться, я никогда не должна забывать, что я ему дала слово, и он, рано или поздно, явится требовать исполнения этого слова. Конечно, это был странный разговор для дня свадьбы, но после того, что случилось, я понимаю его смысл.

— Да, смысл этого р зговора вполне понятен. Так вы лично приписываете все какой-нибудь непредвиденной катастрофе?

— Да, сэр. Я думаю, что он предвидел опасность, иначе он не говорил бы так. Ну, а потом и случилось то, что он предвидел.

— Вы не имеете ни малейшего понятия о том, что это могло быть?

— Ни малейшего.

— Еще один вопрос. Как отнеслась ваша мать к этому случаю?

— Она рассердилась и сказала, чтобы я никогда не упоминала о нем.

— А ваш отец? Вы рассказали ему все?

— Да, и он, кажется, думал, как и я, что произошло что-то неожиданное, и я услышу еще о Госмере. Зачем ему было, говорил он, довести меня до дверей церкви и бросить меня там? Если бы он занял у меня денег или женился бы и перевел на себя мои деньги, ну, тогда другое дело; но Госмер был человек не нуждающийся в средствах, и не взял бы ни шиллинга из моих денег. Однако, что же могло случиться? Отчего он не написал мне? О, я с ума схожу от этих мыслей и не сплю целыми ночами!

Она вынула из муфты платок и, приложив его к лицу, тяжело зарыдала.

— Я займусь вашим делом и не сомневаюсь, что мы добьемся успешных результатов, — проговорил Холмс, вставая с места. — Предоставьте все мне и не слишком много думайте об этом. А главное постарайтесь, чтобы мистер Госмер Энджель так же исчез из вашей памяти, как он уже исчез из вашей жизни.

— Так вы думаете, что я не увижу его?

— Боюсь, что так.

— Но что же случилось с ним?

— Предоставьте мне разрешение этого вопроса. Мне бы хотелось иметь подробное описание мистера Энджеля. Нет ли у вас также его писем, которые вы могли бы дать мне.

— В прошлую субботу я поместила объявление в «Chronicle», — ответила мисс Мэри Сутерлэнд. — И вот вырезка и четыре письма ко мне.

— Благодарю вас. Как ваш адрес?

— 31, площадь Лайон, Кемберуелль.

— Насколько я знаю, адрес мистера Энджеля неизвестен ва . Где контора вашего отца?

— Он служит у Вестгауза и Мэрбанка, оптовых торговцев кларетом, в улице Фенчерч.

— Благодарю вас. Вы очень ясно объяснили ваше дело. Оставьте ваши бумаги здесь и помните мой совет. Хорошенько забудьте весь этот случай, и пусть он не окажет никакого влияния на вашу жизнь.

— Вы очень добры, мистер Холмс. Но я не могу этого сделать. Я останусь верной Госмеру и буду ждать, когда он вернется.

Несмотря на смешную шляпу и невыразительное лицо нашей посетительницы, в ее наивной вере было что-то благородное, так что мы невольно почувствовали к ней уважение. Она положила на стол маленькую связку бумаг и ушла, дав обещание, что придет, если ее вызовут.

Шерлок Холмс несколько времени сидел молча, сложив вместе кончики пальцев, вытянув ноги и устремив глаза в потолок; потом он взял старую глиняную трубку, служившую ему советницей, и откинулся на кресле. Густые голубоватые облака дыма окутали его лицо, на котором появилось выражение бесконечной усталости.

— Преинтересная особа для изучения, эта барышня, — проговорил он. — Она интереснее ее дела, которое, между прочим, принадлежит к числу довольно обыкновенных. Подобного рода случаи вы найдете в моей записной книжке в 1877 году в Андовере; нечто похожее произошло в прошлом году в Гааге. Тут есть несколько новых подробностей, но интереснее всего сама барышня.

— Вы, кажется, нашли в ней много такого, что осталось совершенно неизвестным мне, — заметил я.

— Вернее, просто незамеченным, Ватсон. Вы не знали, на что смотреть, а потому проглядели многое. Я никак не могу научить вас понимать, какое огромное значение имеют рукава, как многое могут объяснить ногти и какие важные заключения можно вывести из шнуровки сапога. Ну-с опишите, что вы вывели из осмотра этой женщины?

— На ней была серая соломенная шляпа с большими полями и пером кирпично-красного цвета. Кофточка черная, вышитая черным бисером, с черной стеклярусной бахромой. Платье темно-коричневого цвета, отделанное на вороте и рукавах красным плюшем. Перчатки сероватого цвета, порванные на правом указательном пальце. Ботинок я не разглядел. Серьги маленькие, круглые, золотые. Вообще вид девицы из зажиточного круга, вульгарной и небрежной в привычках.

Шерлок Холмс тихо захлопал в ладоши и засмеялся.

— Честное слово, Ватсон, вы делаете удивительные успехи. Правда, вы упустили из виду все важное, но зато усвоили себе метод и умеете хорошо различать цвета. Никогда не доверяйте общим впечатлениям, мой милый, но обращайте все свое внимание на детали. У женщины я прежде всего смотрю на рукава. У мужчины, пожалуй, лучше исследовать колени его брюк. Как вы заметили, рукава платья у этой женщины обшиты плюшем — материей, на которой ясно сохраняются следы. Двойная полоса, немного выше кисти, в том месте, где пишущий на машинке надавливает на стол, прекрасно обрисована. Ручная швейная машина оставляет такой же след, но на левой руке и подальше от большого пальца, тогда как здесь полоса проходит по самой широкой части. Потом я взглянул на ее лицо и заметил по обеим сторонам носа следы пенснэ. Я и решился высказать предположение о ее близорукости и о переписке на машине, что, кажется, удивило ее.

— Да и меня также.

— Но ведь это даже было очень ясно. Потом меня очень удивило и заинтересовало, что на ней были, очевидно, разные ботинки; у одной носок был с украшениями, а у другой — гладкий. Одна была застегнута только на две нижние пуговицы из пяти, а другая только на первую, третью и пятую. Ну, вот видите ли, если молодая девушка, вообще прилично одетая, выходит из дома в разных, наполовину застегнутых башмаках, то не трудно вывести заключение, что она очень торопилась.

— Что же дальше? — спросил я, как всегда сильно заинтересованный остроумными умозаключениями моего друга.

— Между прочим я заметил, что перед выходом она, уже одетая, написала записку. Вы заметили, что на одной перчатке был разорван палец, но, очевидно, не обратили внимания на то, что перчатка и палец выпачканы фиолетовыми чернилами. Она очень спешила и слишком глубоко обмакнула перо. Вероятно, это случилось сегодня утром, иначе пятно не было бы так заметно. Все это хоть и занятно, но уж очень элементарно, а я должен заняться делом, Ватсон. Не прочтете ли вы мне описание господина Госмера Энджеля.

Я поднес к свету маленькую вырезку. Там говорилось:

«Утром четырнадцатого числа исчез господин Госмер Энджель. Ростом около пяти футов семи дюймов; крепкого сложения, с бледным лицом, темными волосами, несколько поредевшими на макушке, с густыми черными бакенбардами и усами. Носил темные очки, несколько шепелявит. В последний раз, когда его видели, был одет в черный сюртук, подбитый шелком, черный жилет, серые брюки и коричневые гамаши поверх сапог. На нем была золотая цепочка. Известно, что служил в какой-то конторе в улице Лиденголль. Всякий, кто доставит и т. д.».

— Довольно, — проговорил Холмс. — Что же касается писем, то они самые обыкновенные, — сказал он, пробежав их глазами. — Из них ничего не узнаешь о мистере

Энджеле, кроме того, что раз он приводит слова Бальзака. И однако, тут есть одно обстоятельство, которое, наверно, поразит вас.

— Это — то, что письма написаны на машинке,— заметил я.

— Не только письма, но и подпись. Посмотрите, как аккуратно внизу написано «Госмер Энджель». Видите, проставлено число, но больше ничего. «Улица Линденголль» — это довольно-таки неопределенно. Эта подпись имеет важное, можно даже сказ ть, решающее значение.

— Какое?

— Дорогой мой, да неужели же вы не видите, как это окрашивает все дело?

— Должен признаться, не вижу. Разве только в том отношении, что он может отречься от своей подписи в случае, если к нему будет предъявлен иск о нарушении обещания.

— Нет, дело не в этом. Ну, я напишу сейчас два письма: одно — торговому дому в Сити, другое — отчиму барышни, господину Виндибанку, чтоб попросить его притти сюда завтра в шесть часов вечера. Лучше иметь дело с мужской родней. А теперь, доктор, мы ничего не можем сделать до тех пор, пока не получим ответов на эти письма, а потому постараемся забыть об этой загадке.

Я привык полагаться на удивительное уменье и поразительную энергию моего друга, это он понял, и поэтому, имеет основание говорить так уверенно о занимавшей его тайне. Должно быть, он уже ра гадал ее.

Я оставил его курящим свою старую трубку, с полной уверенностью, что, придя к нему завтра вечером, узнаю, что в его руках находятся уже все данные для разыскания пропавшего жениха мисс Мэри Сутерлэнд.

В то время у меня на руках был тяжелый больной, и я провел у его постели весь день. Было уже почти шесть часов, когда я, наконец, освободился, вскочил в кэб и велел ехать в улицу Бэкер. Я боялся, что, пожалуй,

опоздаю к развязке этой таинственной истории. Однако, Шерлок Холмс был один в своей комнате и дремал в кресле, свернувшись всем своим длинным, худым телом. Перед ним стояла целая батарея бутылей и пробирок. В комнате стоял едкий запах хлора. Ясно было, что Холмс весь день провел в занятиях своей любимой химией.

— Ну, что узнали? — спросил я.

— Да. Это был серно-кислый барий.

— Да нет же, нет; я спрашиваю вас, разгадали ли вы тайну?

— Ах, вот что! А я думал, что вы спрашиваете меня насчет соли, над которой я производил опыт. Что касается того дела, то ведь еще вчера я сказал вам, что тут нет никакой тайны; есть только несколько интересных подробностей. Одно только жаль: кажется нет закона, по которому можно было бы заставить отвечать этого негодяя.

— Кто же он и почему он бросил мисс Сутерлэнд?

Я только-что успел предложить этот вопрос, а Холмс не успел еще открыть рта, чтобы ответить на него, как чьи-то тяжелые шаги послышались в коридоре и раздался стук в дверь.

— Это — отчим барышни, мистер Джемс Виндибанк, — сказал Холмс. Он написал мне, что будет в шесть часов. Войдите!

Вошел человек среднего роста, крепкого сложения, лет тридцати, с гладко выбритым, бледным лицом, с мягкими вкрадчивыми манерами и удивительно проницательными серыми глазами. Он окинул нас вопросительным взглядом, поставил на столик свой блестящий цилиндр, слегка поклонился и сел на ближайшее кресло.

— Добрый вечер, мистер Виндибанк, — сказал Холмс. — Я думаю, что полученное мною письмо, написанное на машине, с извещением, что вы будете у меня в шесть часов, прислано вами.

— Да, сэр. Я, кажется, немного опоздал, но, видите ли, я человек не вполне свободный. Очень сожалею, что

мисс Сутерлэнд обратилась к вам с подобного рода делом, так как думаю, что не следует перемывать грязное белье на виду у всех. Она пошла к вам совершенно против моей воли, но, как вы, вероятно, заметили, это девица раздражительная, легко поддающаяся впечатлению, и ее не легко удержать, раз она решила что-либо сделать. Конечно, вы не имете отношения к полиции, но все же, знаете, неприятно, чтобы пошли слухи о подобного рода семейном несчастии. Кроме того, это только напрасный расход, так как вы, конечно, не можете найти этого Госмера Энджеля?

— Напротив, — спокойно сказал Холмс, — я вполне уверен, что мне удастся найти мистера Госмера Энджеля.

Мистер Виндибанк сильно вздрогнул и уронил перчатки.

— Рад это слышать, — проговорил он.

— Любопытно, что письмо на машинке имеет такие же особенности, как и человеческий почерк, — продолжал Холмс. — Если машины не новы, то не найдется и двух, которые писали бы одинаково. Некоторые буквы стираются больше других; другие стираются лишь с одной стороны. Вот обратите внимание на ваше письмо, мистер Виндибанк: буква «е» всегда выходит неясно, есть недостаток и в букве «ч». Есть еще четырнадцать других характерных особенностей, но эти больше бросаются в глаза.

— Мы все наши корреспонденции пишем в конторе на машине, и потому, без сомнения, она несколько попортилась, — ответил наш посетитель, пристально смотря на Холмса своими блестящими глазками.

— А теперь я вам покажу, действительно, интересную штучку, мистер Виндибанк, — продолжал Холмс. — В скором времени я намереваюсь написать маленькую статейку о пишущей машине и ее роли в преступлениях. Я внимательно занялся этим вопросом. Вот четыре письма, полученные от пропавшего жениха. Все они написаны на машине. Во всех них неясно отпечатаны буквы «е» и «ч»,

и если вы возьмете увеличительное стекло, то найдете и те четырнадцать особенностей, о которых я говорил.

Мис ер Винтиб нк вскочил с места и схватил шляпу.

— Мне некогда терять время на такие пустяки, мистер Холмс, — сказал он. — Если вы можете изло ить его, поймайте и дайте мне знать, когда это случится.

— Конечно, — проговорил Холмс, подходя к двери и запирая ее на ключ. — Вот я и даю вам знать, что он пойман.

— Когда? Где? — вскрикнул мистер Виндибанк.

Он страшно побледнел и оглядывался, словно крыса, попавшаяся в западню.

— О, право, не стоит так волноваться, — любезно сказал Холмс. — Вам никак не вывернуться, мистер Виндибанк. Дело совершенно ясное, и вы сделали мне плохой комплимент, сказав, что я не смогу решить такого простого вопроса. Сядьте-ка лучше, да поговорим хорошенько.

Виндибанк упал на стул. Он был смертельно бледен, и на лбу у него выступали капли пота.

— За это... нельзя привлечь к суду, — пробормотал он.

— Очень боюсь, что вы правы в этом отношении. Но, говоря между нами, Виндибанк, мне никогда в жизни не случалось иметь дела с подобного рода жестокой, эгоистичной и бессердечной проделкой. Ну, теперь я расскажу вам, как все произошло, а вы возражайте, если я ошибусь.

Виндибанк сидел на стуле, опустив голову на грудь, с видом совершенно пришибленного человека. Холмс протянул ноги к камину и, откинувшись в кресло, засунув руки в ка маны, заговорил, казалось скорее сам с собою, чем с нами.

— Человек женился из-за денег на женщине гораздо старше его, — сказал он, — и мог распоряжаться также и деньгами ее дочери, пока она жила с ними. Для людей их круга это была значительная сумма, и потеря ее отразилась бы на их бюджете. Следовало сделать что-нибудь,

чтобы удержать эти деньги. Дочь была милая, добрая девушка и с ее красивой внешностью и небольшим приданым могла найти жениха в недалеком будущем. Но с ее замужеством родные теряли сто фунтов в год. Что же делает отчим для избежания такого случая? Сначала он держит ее постоянно дома и запрещает ей бывать в обществе молодых людей. Но скоро он увидел, что это не может долго продолжаться. Девушка стала упрямиться, настаивать на своих правах и, наконец, решительно заявила о своем намерении отправиться на бал. Что же делает ее мудрый отчим? У него является идея, делающая более чести его уму, чем сердцу. С согласия своей жены и с ее помощью, он переодевается, прикрывает свои проницательные глаза темными очками, приклеивает усы и густые баки, меняет свой звонкий голос на вкрадчивый шепот и, вполне рассчитывая на близорукость девушки, является в виде мистера Госмера Энджеля, устраняя, таким образом, всех других ухаживателей.

— Сначала это было сделано в шутку, — пробормотал наш посетитель. — Мы никак не думали, что она увлечется так сильно.

— Очень возможно. Как бы то ни было, барышня увлеклась очень сильно и так как была уверена, что ее отчим уехал во Францию, то мысль об обмане не могла притти ей в голову. Ухаживание молодого человека льстило ее самолюбию, а нескрываемое восхищение матери еще более усиливало ее чувство к жениху. Затем мистер Госмер Энджель стал ходить в дом: ясно, что это требовалось для произведения вящшего эффекта. Молодые люди виделись несколько раз и дали друг другу слово: надо же было предохранить девушку от увлечения кем-нибудь другим. Однако, нельзя же было вечно поддерживать обман. Постоянные поездки во Францию становились все более затруднительными. Оставалось привести дело к концу и таким драматическим способом, чтобы произвести сильное впечатленае на молодую девушку и заставить ее на неко-

торое время отказывать новым женихам. Вот причина требования клятв в верности, произнесенных над Библией, и намеков на возможность каких-то случайностей, высказанных в самый день свадьбы. Джемс Виндибанк хотел связать мисс Сутерлэнд с Госмером Энджелем настолько, чтобы она лет десять не знала, что случилось с ее женихом, и не обращала внимания ни на кого другого. Он довел ее до дверей церкви и так как не мог войти туда за ней, то преспокойно исчез, употребив в дело старый прием: вошел в одну дверцу кареты и вышел в другую. Вот каков был ход событий, мистер Виндибанк!

Пока Холмс говорил, наш посетитель успел несколько оправиться. Теперь он поднялся со стула с холодной насмешкой на бледном лице.

— Все это может быть и не быть, мистер Холмс, — сказал он, — но если вы такой проницательный, всезнающий господин, то должны бы были знать, что вы, а не я, нарушаете закон. Я не подлежу суду, а вот вас так можно судить за то, что вы совершаете насилие, запирая дверь и не выпуская меня отсюда.

— Закон, действительно, бессилен против вас, — сказал Холмс, отпирая дверь и раскрывая ее, — но редко кто заслуживал наказание больше вас. Если бы у барышни был брат или друг, он отхлестал бы вас. Чорт возьми! — прибавил он, увидя насмешку на лице Виндибанка, — хоть это и не входит в мои обязанности, но я доставлю себе удовольствие...

Он быстро подошел к стене, на которой висел хлыст, но, прежде чем успел взять его, на лестнице послышался отчаянный топот ног, стук захлопнувшейся входной двери а из окна мы увидели мистера Виндибанка, изо всех сил бежавшего по улице.

— Что за негодяй! — смеясь, проговорил Холмс. Он снова опустился в свое кресло. — От преступления к преступлению этот малый непременно дойдет до виселицы. Дело-то вышло довольно интересное.

— Я все-таки еще не вполне уяснил себе ход ваших рассуждений, — заметил я.

— Ну, ведь с самого начала можно было предположить, что Госмер Энджель имеет основание вести себя так странно. Ясно было так же, что это дело могло быть выгодно только отчиму. Имело значение и то обстоятельство, что Госмер и Виндибанк никогда не встречались, и один бывал всегда, когда другого не было дома. Темные очки, странный голос, густые баки, — все указывало на переодевание. Все мои подозрения подтвердились, когда я увидель подпись, писанную на машине. Очевидно, что почерк отчима был так хорошо знаком барышне, что она сейчас же узнала бы его. Вы видите, все эти отдельные факты, вместе с другими менее важными, подтверждали мои подозрения.

— А как вы проверили эти факты?

— Ну, это было уже не трудно. Я знал торговый дом, в котором он служит. Я взял объявление, выбросил оттуда все, что могло быть употреблено для того, чтобы изменить свой наружный вид — баки, очки, голос — и послал в контору торгового дома с просьбой уведомить меня, есть ли у них агент по продаже вина, к которому подошли бы эти приметы. Я заметил особенности машины, которой были написаны письма Госмера, и написал Виндибанку в контору, прося его притти сюда. Как я и ожидал, он ответил так же на машине и с теми же самыми недостатками. С той же почтой я получил письмо от фирмы Вестгауз и Мэрбанк в улице Фенчерч, в котором меня уведомляли, что все присланные мной приметы вполне подходят к одному из их служащих, Джемсу Виндибанку. Voilà tout.

— А мисс Сутерлэнд?

— Она не поверит, если я расскажу ей все. Помните старую персидскую поговорку: «Горе укравшему детеныша у тигрицы, горе отнявшему иллюзию у женщины». Гафиз был так же умен, как Гораций, и так же хорошо знал людей.

ПЯТЬ АПЕЛЬСИННЫХ ЗЕРНЫШЕК.

Когда я просматриваю свои заметки о Шерлоке Холмсе за период от 1882 до 1890 года, я нахожу столько странных и интересных случаев, что положительно затрудняюсь, который из них выбрать, чтобы рассказать читателям. Некоторые из них уже известны из газет, а другие лишали возможности моего друга проявить те особенные свойства его таланта, которые я отмечаю в моих заметках. Были и такие случаи, в которых его искусный анализ не приводил к окончательным результатам, так что рассказ об этих событиях является чем-то вроде рассказа без конца; случалось ему открывать только часть истины и то, скорее, по догадкам и предположениям, чем по дорогим ему логическим выводам. Между записанными мною рассказами встречается один настолько замечательный, по деталям и по результатам, что мне хочется передать его, несмотря на то, что в нем есть некоторые обстоятельства, невыясненные до сих пор, и которым, по всем вероятиям, суждено навеки остаться невыясненными.

В 1887 году у Холмса было много более или менее интересных дел, отмеченных в моих записках. Между прочим, я нахожу отчеты о деле «Парадольская комната», общества нищих-любителей, имевших роскошный клуб в подвале одного мебельного магазина, о расследовании фактов, связанных с пропажей судна «Софи Андерсон», о странных приключениях Патерсонов на острове Уффа и,

наконец, дело об отравлении Кэмбервеля. Не мешает припомнить, что в этом деле Шерлоку Холмсу удалось доказать, что часы покойного были заведены за два часа до прибытия судебных властей, и что, следовательно, он лег спать в это время — заключение, имевшее громадное значение для разъяснения дела. Но ни одно из дел не представляет таких странных особенностей, как то, которое я собираюсь рассказать.

Стоял конец сентября, и равноденственная буря отличалась особой свирепостью. Весь день ветер ревел беспрерывно, а дождь стучал в окна так, что даже здесь, в самом сердце громадного сотворенного руками человека Лондона, люди невольно, хотя на мгновение, отрывались от обычной рутины жизни и признавали величие сил природы, которые грозят человечеству, словно дикие звери, заключенные в клетку. С наступлением вечера буря еще усилилась, ветер завывал в камине и стонал как дитя. Шерлок Холмс угрюмо сидел у камина, перелистывая свои записки. Я же совершенно углубился в чтение романа Кларка Pесселя из морской жизни. Завывание бури как бы смешивалось с текстом, а шум дождя переходил в шум волн. Моя жена гостила у тетки, и я поселился на несколько дней в старой квартире на улице Бэкер.

— Что это? Как будто звонят? — сказал я, взглянув на Холмса. — Кто может притти в такую погоду? Кто-нибудь из ваших приятелей?

— Вы мой единственный приятель, — ответил он. — Гостей я не люблю.

— Ну, так, может-быть, клиент.

— Если так, то по очень серьезному делу. Кому иначе охота выходить из дома так поздно и в такую погоду? Вернее, это какая-нибудь приятельница хозяйки.

Шерлок Холмс ошибся, однако, так как в коридоре послышались шаги, и кто-то постучался в дверь. Он переставил лампу так, чтобы свет падал на кресло, предназначенное для посетителя.

— Войдите! — сказал Холмс.

Вошел молодой человек лет двадцати двух, хорошо одетый, изящный и, видимо, из порядочного круга. Мокрый зонтик, с которого лили потоки воды, и длинный, блестевший от сырости дождевой плащ давали ясное представление о том, что делалось на улице. Вошедший беспокойно огляделся вокруг. Я заметил, что лицо его было бледно, а в глазах выражалась душевная тревога.

— Прошу извинения, — сказал он, надевая золотое pince-nez. — Надеюсь, что не помешал вам. Боюсь, что принес следы бури и дождя в вашу уютную комнату.

— Дайте ваш плащ и зонтик, — сказал Холмс. — Их можно повесить на вешалку, и они скоро высохнут. Вы пришли из юго-западной части Лондона?

— Да, из Хоршэма.

— Это ясно видно по глине, приставшей к вашим сапогам.

— Я пришел за советом.

— Готов дать его.

— И за помощью...

— Это не так легко.

— Я слышал о вас, мистер Холмс, от майора Прендергаста. Он рассказал мне, как вы спасли его от скандала в Тэнкервильском клубе.

— А! да! Его несправедливо обвинили в шуллерстве.

— Он сказал, что вы все можете сделать.

— Ну, уж это слишком много.

— Что вас нельзя провести.

— Меня провели четыре раза: три раза мужчины и один раз женщина.

— Но что это значит в сравнении с вашими многочисленными успехами?

— В общем, действительно, мне многое удается.

— Может быть вам удастся помочь и мне.

— Пожалуйста, пододвиньте кресло к камину и расскажите ваше дело.

— Дело совсем необычайное.

— У меня других не бывает. Я представляю собой высшую инстанцию.

— А между тем, сэр, я сомневаюсь, чтобы вам приходилось слышать что-либо более таинственное и необъяснимое, чем то, что произошло в нашей семье.

— Вы заинтересовали меня, — сказал Холмс. — Пожалуйста, расскажите нам сначала главные факты, а потом я попрошу вас указать подробности, которые, вообще, имеют большую важность в моих глазах.

Молодой человек пододвинул кресло к камину и протянул ноги к огню.

— Меня зовут Джон Опеншо, — начал он, — но, насколько я понимаю, личные мои дела не имеют никакого отношения к ужасным событиям, переходящим из рода в род в нашей семье. Для того, чтобы вы могли составить себе ясное понятие об этом, я начну по порядку.

«У моего деда было два сына: мой дядя Элиас и мой отец Джозеф. У отца была небольшая фабрика в Ковентри, которую он расширил когда появились велосипеды. Он изобрел новые шины Опеншо, и дела его пошли настолько удачно, что ему удалось выгодно продать свое предприятие и обеспечить себе хорошую ренту.

«Дядя Элиас эмигрировал в Америку еще в молодости и сделался плантатором во Флориде. Говорили, что дела его шли очень хорошо. Во время войны он сражался в армии Джексона, потом под начальством Гуда и получил чин полковника. Когда Ли сложил оружие, дядя вернулся к себе на плантации и прожил там три или четыре года. Около 1869 или 1870 года он вернулся в Европу и купил маленькое поместье в Суссексе, вблизи Хоршэма. Он составил себе очень хорошее состояние в Штатах, покинул же Америку вследствие отвращения к неграм и недовольства республиканским правительством, освободившим их от рабства. Дядя был странный человек, суровый, вспыльчивый,

не стеснявшийся в выражениях, когда сердился, и очень нелюдимый. Сомневаюсь, чтоб он хоть раз побывал в городе за все время, что прожил в Хоршэме. Он прогуливался только по саду и по полям вблизи дома и очень часто по целым неделям не выходил из комнаты. Он пил и курил очень много, но не любил общества и не приглашал к себе ни друзей, ни своего родного брата.

«Мне было около двенадцати лет, когда дядя в первый раз увидел меня. Это было спустя лет восемь или девять после того, как он переселился в Англию, в 1878 году. Я сразу понравился дяде, он попросил отца отпустить меня жить с ним и был, по-своему, очень добр ко мне. В трезвом состоянии он любил играть со мной в карты и шахматы, приказывал прислуге слушаться меня, как его самого. Я вел за него переговоры с торговцами и в шестнадцать лет стал полным хозяином в доме. У меня были все ключи, я мог делать, что мне угодно, и расхаживать всюду, с одним только условием: не нарушать уединения дяди. Впрочем, было и исключение: даже мне, не говоря уже о других, не позволялось входить в одну постоянно запертую комнату на чердаке. С любопытством, свойственным мальчику, я несколько раз заглядывал туда сквозь замочную скважину, но не видел ничего, кроме старых чемоданов и узлов.

«Однажды — это было в марте 1883 года — полковник, садясь за завтрак, увидел лежащее на столе письмо. Это было необычное для него явление, так как счета он всегда оплачивал наличными деньгами, а друзей, от которых он мог бы получать письма, у него не было. «Из Индии!» — сказал он, «из Пондишерри! Что бы это могло быть?» Он поспешно вскрыл конверт, и оттуда на тарелку выпало пять сухих апельсинных зернышек. Я рассмеялся, но смех замер у меня на губах, когда я взглянул на дядю. Нижняя губа у него отвисла, лицо было смертельно бледно. Широко раскрытыми глазами он смотрел на конверт, который держал в дрожащей руке.

«— К. К. К..., — крикнул он и прибавил: — Боже мой, Боже мой, вот оно наказание за мои грехи!

«— Да что же это такое, дядя? — спросил я.

«— Смерть! — ответил он, и ушел к себе в комнату, оставив меня в полном ужасе. Я взял конверт и увидел, что внутри его красными чернилами была написана три раза буква К. Кроме пяти апельсинных зернышек там ничего не было. Что за причина безумного ужаса дяди? Я вышел из-за стола и пошел наверх.

«На лестнице я встретил дядю. В одной руке у него был заржавленный старый ключ — должно быть, от чердака, в другой — маленькая шкатулка, вроде кассы.

«— Пусть их делают, что хотят, я еще поборюсь с ними, — с ругательством проговорил он. — Скажи Мэри, чтобы она затопила камин у меня в комнате, и пошли в Хоршэм за адвокатом Фордгэмом.

« Я исполнил его приказания и, когда приехал адвокат, меня позвали в комнату дяди. Огонь ярко пылал в камине, где виднелась масса пепла, как бы от сожженной бумаги. Вблизи стояла пустая медная шкатулка. Я заглянул в нее и невольно вздрогнул, увидев на крышке такие же три буквы К., какие я видел на конверте.

«— Я хочу, чтобы ты был свидетелем при составлении моего завещания, Джон, — сказал дядя. — Я оставляю мое имение, со всеми его выгодами и невыгодами, моему брату, твоему отцу, от которого оно, без сомнения перейдет к тебе. Если можешь мирно наслаждаться им — отлично! Если же увидишь, что это невозможно — прими мой совет, мой мальчик, и отдай его своему смертельному врагу. Очень жалею, что приходится оставлять тебе такое наследство, но не могу сказать, какой оборот примут дела. Подпиши, пожалуйста, бумагу там, где тебе укажет мистер Фордгэм.

«Я подписал завещание, и мистер Фордгэм взял его с собой. Этот странный случай, понятно, произвел на меня глубокое впечатление; я постоянно думал о нем, но

не мог придти к какому-либо заключению и не мог избавиться от смутного чувства страха. Однако, по мере того, как шло время и жизнь наша продолжала итти своим чередом, я начал мало-по-малу успокаиваться. Но в дяде я заметил большую перемену. Он пил больше прежнего и стал еще нелюдимее. Большую часть времени он проводил, запершись у себя в комнате, но по временам бегал, словно бешеный, по дому и саду с револьвером в руке и кричал, что он никого не боится и не позволит ни человеку, ни дьяволу зарезать его, как овцу в овчарне. Когда эти приступы бешенства проходили, он с тревогой бежал к двери своей комнаты и запирался там, как человек который не может совладать с охватившим его ужасом. В такие минуты я видел, как на лице его выступал пот, хотя на дворе бывало холодно.

«Ну, не стану больше злоупотреблять вашим терпением, мистер Холмс, и скажу вам только, что в одну прекрасную ночь он выбежал из дома в припадке пьяного бешенства и не возвратился больше домой. Мы нашли его лежащим вниз лицом в маленьком, поросшем тиной пруде в конце сада. Знаков насилия на теле не оказалось, пруд был всего в два фута глубины, и присяжные, приняв во внимание его известные странности, признали факт самоубийства. Я знал, как он боялся даже мысли о смерти, и потому никак не мог допустить этого предположения. Мой отец вступил во владение поместьем и получил еще четырнадцать тысяч фунтов наличными деньгами.

— Извините, — прервал Холмс. — Ваш рассказ один из самых интересных, какие мне когда-либо доводилось слышать. Скажите мне, пожалуйста, когда ваш дядя получил письмо и когда он умер?

— Письмо было получено 10-го марта 1883 года. Умер он через семь недель после этого, в ночь на второе мая.

— Благодарю вас. Продолжайте, пожалуйста.

— Когда отец вступил во владение Хоршэмским поместьем, он, по моей просьбе, тщательно обыскал комнату

на чердаке, которая была всегда заперта при жизни дяди. Мы нашли там медную шкатулку, но внутри ее ничего на было. На внутренней стороне крышки была приклеена бумажка с тремя буквами К. К. К. и с надписью: «Письма, счета, квитанции и реестр». Вероятно, это и были бумаги, уничтоженные полковником Опеншо. Но вообще в комнате не оказалось ничего особенно важного, за исключением записных книг и разбросанных бумаг, касавшихся жизни дяди в Америке. Некоторые из этих бумаг относились ко времени войны и доказывали, что дядя хорошо исполнял свой долг и пользовался репутацией храброго воина. Другие относились к преобразованию южных штатов и касались большей части политических вопросов, так как дядя, очевидно, принимал большое участие в оппозиции против северных политиков.

«Ну, так вот отец мой поселился в Хоршэме в начале 1884 года и до января 1885 года у нас все шло как нельзя лучше. На четвертый день после Нового года мы сидели за завтраком, когда отец внезапно вскрикнул от удивления. В одной руке у него был вскрытый конверт, а на ладони другой лежало пять сухих апельсинных зернышек. Он всегда смеялся над тем, что я рассказывал о письме, полученном полковником, называя это чепухой. Теперь он казался очень смущенным и испуганным.

— Чтобы это могло значить, Джон? — пробормотал он.

Сердце у меня упало.

— Это К. К. К., — ответил я.

Отец взглянул внутрь конверта.

— Верно, — вскрикнул он. — Вот эти буквы. А что написано наверху.

— «Положите бумаги на солнечные часы», — прочитал я из-за плеча отца.

— Какие бумаги? Какие солнечные часы? — спросил он.

— Солнечные часы в саду. Других нет, — ответил я, — а бумаги, должно-быть, те, которые сжег дядя.

— Фу! — сказал отец, собравшись с духом. — Мы живем в цивилизованной стране и не можем допускать подобного рода чепухи. Откуда прислано это письмо?

— Из Денди, — ответил я, взглянув на штемпель.

— Какая-нибудь глупая штука, — сказал отец. — Что мне за дело до каких-то бумаг и солнечных часов? Не стоит обращать внимания на такую чепуху.

— На вашем месте я заявил бы полиции, — заметил я.

— Чтобы там посмеялись надо мной? Ни за что.

— Так позвольте мне сделать это.

— Нет, я запрещаю тебе. Я не хочу подымать шума из-за таких пустяков.

«Спорить дальше было напрасно, так как отец был очень упрямый человек, но сердце у меня ныло от предчувствия чего-то недоброго.

«На третий день после получения письма, отец отправился навестить своего старинного друга, майора Фрибод, командующего одним из фортов на Портсдауне. Я был рад, что он уехал, так как мне казалось, что там он подвергается меньшей опасности, чем дома. Оказалось, однако, что я ошибся. На второй день после его отъезда, я получил телаграмму от майора, в которой он умолял меня приехать немедленно. Отец мой упал в одну из ям, которых очень много в той местности, и лежал без памяти с разбитым черепом. Я поспешил к нему, но он умер, не приходя в сознание. Повидимому, он возвращался в Форгэм в сумерки. Так как он ехал по незнакомой ему местности и яма не была огорожена, то суд признал, что смерть последовала от несчастного случая. Я тщательно исследовал все факты, но не мог найти ничего, что указывало бы на убийство. На теле отца не найдено никаких знаков насилия, вещи его были все в целости; на дороге не было никаких следов, не было замечено и появления посторонних личностей. И все же — как вы сами можете понять — я был почти уверен, что отец попал в коварно расставленные сети.

«При таких печальных условиях, я вступил во владение моим поместьем. Отчего же я не отказался он него? — спросите вы. Да потому, что был уверен, что обрушивающиеся на нас несчастия являются следствием какого-то поступка дяди, и что опасность угрожает нам, где бы мы ни жили.

«Мой бедный отец умер в январе 1885 г., и с тех пор прошло два года восемь месяцев. В продолжение этого времени я счастливо жил в Хорш ме и начал надеяться, что проклятие снято с нашей семьи, исчезло с последним поколением. Однако, я напрасно успокоился. Вчера утром меня постиг такой же удар, как и отца».

Молодой человек вынул из кармана жилета скомканный конверт и высыпал из него на стол пять сухих апельсинных зернышек.

— Вот конверт, — продолжал он. — Почтовый штемпель — «Лондон — восточное отделение». Внутри написано то же, что в письме отца: «К. К. К.» и «положите бумаги на солнечные часы».

— Что же вы сделали? — спросил Холмс.

— Ничего.

— Ничего?

— Сказать правду, — проговорил молодой человек, закрывая лицо тонкими белыми руками, — я почувствовал себя вполне беспомощным. Я очутился в положении кролика, к которому приближается змея. Мне кажется, что я во власти какого-то злого рока и ничто не может спасти меня от него.

— Фи, фи! — крикнул Шерлок Холмс. — Надо действовать, а нето вы пропали. Только энергичный образ действия может спасти вас. Теперь не время отчаиваться.

— Я заявил полиции.

— Ну?

— Меня выслушали, улыбаясь. Я уверен, что инспектор решил, что письма ни что иное, как шутка, а смерть моих родственников, действительно, одна случайность, как

признал суд, не имеющая никакого отношения к этим письмам.

Холмс погрозил кому-то кулаком в воздухе.

— Невероятная глупость! — крикнул он.

— Впрочем, мне дали полицейского, который может остаться у меня дома.

— Он пришел теперь с вами?

— Нет. Ему приказано оставаться дома.

Холмс повторил свой угрожающий жест.

— Почему вы не пришли ко мне сразу?

— Я не знал. Только сегодня я рассказал майору Прендергасту о моем отчаянном положении и он посоветовал мне обратиться к вам.

— С тех пор, как вы получили письмо, прошло уже два дня. Следовало начать действовать раньше. У вас нет никаких указаний, кроме этих писем, ничего, что могло бы помочь нам?

— Есть одна вещица, — сказал Джон Опеншо. Он порылся в кармане сюртука и, вынув оттуда кусочек полинялой синей бумаги, положил его на стол. — Я помню, — продолжал он, — что, когда дядя сжег бумаги, я заметил, что необгоревшие края бумаг, лежавшие среди пепла, были такого же цвета. Этот лист я нашел на полу комнаты дяди и думаю, что он случайно выпал и, таким образом, не попал в камин; за исключением намека на зернышки, он вряд ли пригодится нам. Я думаю, что это страница из дневника. Почерк, несомненно, дяди.

Холмс подвинул лампу, и мы оба наклонились над листом, очевидно, вырванным из записной книжки. Наверху была надпись: «Март, 1869», а внизу стояли следующие загадочные слова.

«4-го. Гудсон прибыл. Прежние убеждения.

«7-го. Зернышки посланы Мак-Коулею, Парамору и Джону Свэйну из Сент Аугустина.

«9-го. Мак-Коулей устранился.

«10-го. Джон Свэйн устранился.

«12-го. Навестили Парамора. Все благополучно».

— Благодарю вас, — сказал Холмс, складывая бумагу и возвращая ее нашему посетителю. — А теперь вам нельзя терять ни одной секунды. Нам некогда даже поговорить о том, что вы рассказали мне. Отправляйтесь сейчас же домой и действуйте.

— Что я должен делать?

— Сделайте только одно немедленно. Положите бумагу, которую вы только что показали нам, в описанную вами медную шкатулку. Положите туда же записку, где скажите, что все остальные бумаги сожжены вашим дядей, и это единственная, оставшаяся целой. Надо написать так, чтобы слова внушили доверие. Сделав это, поставьте сейчас же шкатулку на солнечные часы. Вы понимаете?

— Да.

— В настоящую минуту не помышляйте о мести. Я думаю, что суд поможет нам в этом отношении, а теперь нам надо плести сеть, тогда как их сеть сплетена уже давно. Прежде всего надо удалить угрожающую вам опасность, а потом уже открыть тайну и наказать виновных.

— Благодарю вас, — сказал молодой человек, вставая и накидывая на себя плащ. — Вы влили в меня новую жизнь и возбудили надежду. Я поступлю по вашему совету.

— Не теряйте ни минуты. И, главное, будьте осторожны, так я не сомневаюсь, что вам грозит большая опасность. Как вы едете обратно?

— По железной дороге с вокзала Ватерлоо.

— Еще нет девяти часов. На улицах много народа, так что, надеюсь, вы в безопасности. Но все-таки будьте как можно осторожнее.

— Со мной револьвер.

— Это хорошо; завтра я займусь вашим делом.

— Так значит вы приедете в Хоршэм?

— Нет. Тайна вашего дела кроется в Лондоне. Я буду искать ее здесь.

— Так я зайду к вам денька через два и расскажу про шкатулку и бумаги. Я последую всем вашим советам.

Он пожал нам руки и вышел из комнаты. На улице ветер завывал попрежнему, и дождь хлестал в окна. Дикий, страшный разсказ словно был занесен к нам разъяренной стихией, которая снова поглотила его.

Шерлок Холмс несколько времени сидел молча, опустив голову на грудь и устремив взгляд на пламя в камине. Затем он зажег трубку и, откинувшись в кресле, стал следить за голубыми кольцами табачного дыма, поднимавшимися к потолку.

— Мне кажется, Ватсон, — сказал он, — что это самое фантастическое дело изо всех, за которые нам приходилось браться.

— За исключением разве «Знака четырех».

— Пожалуй! Но, по-моему, этому Джону Опеншау угрожает большая опасность, чем Шольто.

— А составили вы уже себе какое-нибудь мнение относительно угрожающей опасности?

— Да тут и вопроса быть не может.

— В чем же состоит эта опасность? Кто этот К. К. К.? Почему он преследует эту несчастную семью?

Шерлок Холмс закрыл глаза, облокотился на спинку стула и сложил вместе кончики пальцев.

— Идеальный мыслитель, — сказал он, — на основании одного факта выводит не только всю цепь предшествовавших ему событий, но и последующие результаты. Как Кювье мог вполне правильно описать животное по одной его кости, так и мыслитель, вполне уяснив себе одно звено в цепи явлений, должен уметь выяснить все то, что предшествовало им и что следует за ними. Но для достижения полного успеха мыслителю необходимо воспользоваться всеми представляющимися ему фактами; для этого, согласитесь, надо знать все, а это даже в наши дни энциклопедического образования встречается очень редко. Однако, человек может знать все то, что полезно для его дела, и я всегда

стремился достичь этого. Насколько я помню, вы в начале нашей дружбы определили очень точно сумму моих знаний.

— Да, — ответил я, смеясь. — Свидетельство вышло довольно странное. Философия, астрономия и политика—ноль. Ботаника — посредственно, геология — отлично во всем, что касается грязи на разстоянии пятидесяти миль от Лондона; химия — много знаний, но без всякой системы; анатомия — отсутствие систематических знаний; поразительное знание сенсационной литературы и криминальной хроники; скрипач, боксер, фехтовальщик, хорист и самоотравитель кокаином и табаком. Вот, кажется, главнейшие результаты моего анализа.

Холмс рассмеялся.

— Ну, и теперь, как тогда, я скажу, что человеку следует держать на своем умственном чердаке всю нужную ему мебель, а остальное можно спрятать в кладовую — библиотеку, откуда он может достать что понадобится. Для выслушанного нами сейчас дела придется пустить в ход все ресурсы. Пожалуйста, передайте мне американский энциклопедический словарь на букву К, который стоит на полке. Благодарю вас. Теперь рассмотрим положение дела и посмотрим, не удастся ли нам вывести какое-нибудь заключение. Во-первых, у нас есть много оснований предполагать, что полковник Опеншау имел серьезный повод уехать из Америки. Люди его возраста не любят менять своих привычек и не так охотно переселяются из чудного климата Флориды в английский провинциальный городок. Его стремление к уединению заставляет предполагать, что он боялся кого-то или чего-то. Приняв эту гипотезу, мы можем утверждать, что эта боязнь и была причиной его отъезда из Америки. Узнать, чего он именно боялся, мы можем путем исследования ужасных писем, полученных им и его наследниками. Обратили вы внимание на штемпеля писем?

— Первое было из Пондишерри, второе — из Дёнди, а третье — из Лондона.

— Из восточной окраины Лондона. Какое вы выводите заключение из этого?

— Все приморские места. Писаны эти письма на борте судна.

— Превосходно. Вот у нас есть уже ключ. По всем вероятиям, автор письма находился на борте судна. Теперь обсудим другие обстоятельства. Между получением письма с угрозой из Пондишерри и смертью адресата прошло семь недель; после письма, присланного из Дёнди до смерти получившего его — три или четыре дня. Что это может означать?

— Разница расстояний.

— Но ведь и письмо шло дольше.

— Тогда отказываюсь понять.

— Можно предположить, что судно, на котором находились авторы или автор писем, парусное. Как кажется, они отсылали свое странное предостережение прежде, чем отправились сами для выполнения своей миссии. Видите, как быстро последовало исполнение угрозы, содержавшейся в письме из Дёнди. Если бы они ехали из Пондишерри на пароходе, то приехали бы почти одновременно с письмом. Однако, прошло семь недель. Мне кажется, эти семь недель указывают на то, что письмо было привезено пароходом, а автор письма прибыл на парусном судне.

— Очень возможно.

— Не только возможно, но вероятно. Теперь вы можете судить, почему я так торопил молодого Опеншау и уговаривал его быть как можно осторожнее. Удар всегда разражался по истечении того времени, которое было нужно для переезда. На этот раз письмо получено из Лондона, и потому нельзя рассчитывать на отсрочку.

— Боже милостивый! — вскричал я. — Что бы могло значить это беспощадное преследование?

— Бумаги, находившиеся у Опеншо, очевидно, имеют громадное значение для того или тех, кто прибыл на па-

русном судне. Мне кажется очевидным, что их несколько человек. Один человек не мог подстроить двух смертей так, чтобы обмануть следователя. Их несколько, и это люди предприимчивые и смелые. Они во что бы то ни стало решили завладеть нужными бумагами, кому бы они ни принадлежали. Таким образом, вы видите, что К. К. К. — вовсе не инициалы какой-нибудь отдельной личности, а эмблема целого общества.

— Какого общества?

— Вам никогда не приходилось слышать, — сказал Шерлок Холмс, наклоняясь ко мне и понижая голос, — о Ку-Клукс-Клане?

— Никогда.

Холмс стал перелистывать лежавшую у него на коленях книгу.

— Вот, — проговорил он, — «Ку-Клукс-Клан. Название, данное вследствие некоторого сходства со звуком, слышимым при разряжении ружья. Это ужасное тайное общество было основано после гражданской войны бывшими военными-конфедератами в южных штатах и имело отдельные комитеты в различных местностях страны — в Тенесси, Луизиане, обеих Каролинах, Георгии и Флориде. Общество преследовало политические цели, терроризируя сторонников. Члены общества предупреждали намеченных ими жертв, посылали им фантастические, но уже ставшие известными, предупреждения в виде дубовых листьев, дынных семячек или апельсинных зернышек. Человек, получивший это предостережение, должен был или открыто отказаться от своих воззрений, или бежать из страны. Если он решался сопротивляться, то его постигала неминуемая смерть, наступавшая обыкновенно самым странным и непредвиденным образом. Организовано общество было превосходно, так что едва ли найдется хоть один случай, когда жертве удалось спастись, а полиции найти убийц. Общество процветало в продолжение нескольких лет, несмотря на все усилия правительства Соединенных

Штатов и лучших классов населения юга к искоренению его. Наконец, это движение внезапно прекратилось в 1869 г., хотя давало себя знать спорадически и после этого времени».

— Заметьте, — сказал Холмс, откладывая книгу, — внезапное прекращение действий общества совпадает как раз с отъездом из Америки Опеншо. Он увез бумаги, и потому нет ничего удивительного в том, что он и его семья находятся во власти неумолимых врагов. Вы понимаете, что в этих бумагах могут быть упомянуты некоторые из высокопоставленных людей, и, может-быть, многие не могут спать покойно, пока не получат этих документов.

— Так, значит, виденная нами страничка...

— Именно такая, какой следовало ожидать. Если я не ошибаюсь, там было написано: «Зернышки посланы А. В. С.», то-есть, им послано предостережение от общества. Потом сказано, что А. и В. «устранились», то-есть уехали, а С. «навестили»; по всем вероятиям, дело кончилось для него плохо. Ну, я думаю, доктор, нам удастся пролить свет на это темное дело, а молодой Опеншо может спастись, только исполнив мой совет. Теперь же нам нечего больше делать, а потому передайте мне скрипку и постараемся, хоть на полчаса, забыть об отвратительной погоде и еще более отвратительных действиях наших ближних.

К утру погода прояснилась, и лучи солнца прорывались сквозь туман, окутывавший громадный город. Шерлок Холмс сидел за завтраком, когда я спустился вниз.

— Извините, что не дождался вас, — сказал он. — Полагаю, что не придется много поработать по делу Опеншо.

— Что вы думаете предпринять? — спросил я.

— Все будет зависеть от того, что мне удастся узнать. Может-быть, придется ехать в Горшэм.

— Вы не сразу поедете туда?

— Нет, сначала попробую узнать что-нибудь в Сити. Позвоните, пожалуйста, чтобы девушка принесла кофе.

В ожидании кофе я взял со стола газету и стал просматривать ее. Вдруг взгляд мой упал на одну из заметок, и кровь застыла у меня в жилах.

— Холмс! Вы опоздали! — крикнул я.

— А! — сказал он, ставя чашку на стол. — Я опасался этого. Как было дело?

Он говорил спокойно, но я видел, что он глубоко взволнован.

— Мне бросилась в глаза фамилия Опеншау и название заметки: «Трагический случай у моста Ватерлоо». Вот что пишут: «Вчера вечером, между девятью часами, констэбль Кук, стоявший на посту у моста Ватерлоо, услышал крик о помощи и всплеск тела, упавшего в воду. Ночь была чрезвычайно темная и бурная, так что, несмотря на старания некоторых из прохожих, все попытки спасти утопавшего оказались напрасными. С помощью речной полиции удалось, однако, вытащить тело из воды. Утопленник оказался, судя по найденному у него в кармане конверту, Джоном Опеншо, жившим в Горшэме. Предполагают, что торопясь к последнему поезду, отходящему от станции Ватерлоо, молодой человек в темноте сбился с пути и попал на одну из речных пристаней. На теле не оказалось знаков насилия, так что нет никакого сомнения в том, что покойный стал жертвой несчастного случая. Властям следовало бы обратить внимание на состояние речных пристаней».

Несколько времени мы сидели молча. Я никогда не видел Холмса так сильно потрясенным.

— Это задевает мое самолюбие, Ватсон, — наконец проговорил он. — Конечно, это мелкое, низменное чувство, но все же я чувствую себя оскорбленным. Теперь это становится моим личным делом и, если бог даст мне здоровья, я поймаю эту шайку. Он пришел ко мне за помощью, а я послал его на смерть...

Он вскочил с места и в сильном волнении стал расхаживать по комнате. Он нервно сжимал свои длинные, тонкие руки.

— Хитрые черти!—крикнул он. — Как это им удалось завести его туда? Набережная не по дороге на станцию. На мосту, даже в такую ночь, конечно, было слишком много людей для исполнения их замысла Ну, Ватсон, посмотрим еще, на чьей стороне будет победа. Я ухожу.

— В полицию?

— Нет. Я сам себе полиция. Я сотку сначала паутину, а потом они могут ловить мух, если желают. Не раньше.

Весь день я был занят и только поздно вечером вернулся в улицу Бэкер. Шерлока Холмса еще не было дома. Около десяти часов он, бледный и усталый, вошел в комнату, подошел к буфету и, отломив кусок хлеба, жадно съел его, запив водой.

— Вы голодны?—спросил я.

— До смерти. Я совсем забыл, что ничего не ел с утра...

— Ничего?

— Ни крошки. Времени не было.

— А как дело? Удачно?

— Да.

— Вы нашли ключ?

— Я держу их всех в руках. Молодой Опеншо не долго останется неотомщенным. Знаете что, Ватсон, мы пошлем им предостережение их же дьявольским способом.

Он вынул из буфета апельсин, разделил его на части, вынул зернышки, отобрал из них пять штук и положил в конверт. Внутри конверта он написал: «Ш. Х. за Дж. О.»; потом запечатал конверт и надписал: «Капитану Джемсу Кэльгуну, судно «Lone Star», Саванна, Георгия».

— Это будет ожидать его в порту, — смеясь, проговорил он.—Пожалуй, придется ему провести бессонную ночь. Убедится, что его ждет та же судьба, что и Опеншо.

— А кто такой этот капитан Кэльгун?

— Предводитель шайки. Сначала разделаюсь с ним, а потом доберусь и до других.

— Как вам удалось открыть шайку?

Шерлок Холмс вынул из кармана большой лист бумаги, весь испещренный числами и именами.

— Я целый день просматривал отчеты «Ллойда» и старые газеты, следя за всеми судами, которые приходили в Пондишерри и уходили оттуда в январе и феврале 1883 года. Упомянуто было тридцать шесть судов. Одно из них «Lone Star» сразу привлекло мое внимание: помечено оно было вышедшим из Лондона, а такое прозвище дается одному из американских штатов.

— Кажется, Техасу.

— Не знаю наверно, но только я решил, что судно это американское.

— Ну, и что же?

— Я стал просматривать сведения о движении судов в Дёнди, и когда увидел, что «Lone Srar» было там в 1885 году, мое подозрение обратилось в уверенность. Тогда я осведомился насчет судов, находящихся в настоящее время в Лондоне.

— Ну?

— «Lone Star» прибыло сюда на прошлой неделе. Я спустился к доку Альберт и узнал, что сегодня утром судно вышло назад в Саванну. Я телеграфировал в Грейвзэнд и узнал, что оно прошло там; так как ветер попутный, то, наверно, они прошли мимо Гудвинс и находятся теперь вблизи острова Уайт.

— Что же вы теперь будете делать?

— О, он у меня в руках! Он и два штурмана — единственные природные американцы на судне. Остальные — финны и немцы. Знаю, что всех троих не было на судне в прошлую ночь. Это сказал мне грузовщик. К тому времени, как их парусное судно доплывет до Саванны, почтовый пароход доставит это письмо, а телеграф сообщит

полиции Саванны, что троих джентльменов требуют сюда по обвинению в убийстве!

Но лучшие человеческие планы могут расстроиться, и убийцам Джона Оупеншо не пришлось получить апельсинных зернышек, которые должны были доказать им, что они будут иметь дело с человеком таким же хитрым и энергичным, как сами они. В тот год равноденственные бури отличались особой продолжительностью и силой. Долго мы ожидали известий о «Lone Star», но так и не дождались их. Наконец до нас дошли слухи, что где-то далеко в Атлантическом океане на волнах был виден обломок кормы судна с буквами «L. S.»—и это все, что мы знаем о судьбе «Lone Star».

ЧЕЛОВЕК С УРОДЛИВОЙ ГУБОЙ.

Иза Витней, брат покойного Элиаса Витней, директора колледжа Св. Георгия, был страстным курильщиком опиума. Курить он начал еще в колледже, когда прочитал описание грез и впечатлений де-Кпнсея под влиянием опиума и решился испытать их собственным опытом. Как и многие другие, он убедился, что приобрести какую-либо привычку гораздо легче, чем бросить ее, и в продолжение многих лет был рабом своей страсти, предметом ужаса и сожаления для всех своих друзей и родных. Я так и вижу перед собой его желтое, одутловатое лицо с опущенными веками, с сузившимися зрачками. Он казался развалиной некогда красивого человека.

Однажды вечером — дело было в июне 1889 г. — в моей квартире внезапно раздался звонок как раз в то время, когда начинаешь уже зевать и посматривать на часы. Я приподнялся на стуле; жена опустила работу на колени, и выражение неудовольствия показалось на лице ее.

— Верно пришли звать к больному! — сказала она. — Тебе придется выйти из дома.

В ответ я только простонал, потому что недавно вернулся домой после целого дня утомительной работы.

До нас донесся стук отпираемой входной двери, перешептывание и чьи-то быстрые шаги. Дверь в нашу комнату поспешно отворилась. Вошла дама в темной одежде, под черной вуалью.

— Извините меня, что пришла так поздно, — начала она, потом, внезапно теряя всякое самообладание, быстро бросилась к моей жене, обняла ее и зарыдала у нее на плече.

— Ах, у меня такое горе! —проговорила она. — Помогите мне!

— Как, это ты Кэт Витней! — сказала моя жена, приподнимая вуаль гостьи.—Как ты испугала меня. Кэт! Я не узнала тебя.

— Я не знала, что делать, а потому пришла к тебе,— ответила Кэт.

Это обычное явление: все, у кого есть горе, приходят к моей жене, словно птицы, слетающиеся на огонь маяка.

— И очень хорошо сделала. Ну, присядь же, выпей воды с вином и расскажи нам все как следует. Может быть ты хочешь, чтобы я отослала Джэмса спать?

— О, нет, нет. Мне нужен также совет доктора и его помощь. Дело идет об Изе. Вот уже два дня, как его нет дома. Я так боюсь за него!

Не в первый раз она говорила нам о своих тревогах насчет мужа,—мне, как доктору, жене, как старинной подруге по школе. И теперь, насколько было можно, мы старались успокоить и утешить ее. Знает ли она, где может быть ее муж? Можем ли мы вернуть его ей?

Оказалось, что это вполне возможно. Кэт знала, что в последнее время он курил опиум в одной из отдаленнейших трущоб Сити. Обыкновенно его отсутствие продолжалось только один день, и к вечеру он возвращался домой усталым и разбитым. Но теперь прошло уже двое суток, и он, без сомнения, лежит в «Золотом пруте», в Соундэмской аллее, среди подонков столицы, упиваясь ядом или высыпаясь после курения. Но что может она сделать, она — молодая, застенчивая женщина? Как пробраться туда и вырвать из трущобы мужа, окруженного разными негодяями?

Оставался только один исход: мне следовало итти с ней. А впрочем, зачем итти ей? Я лечил Изу Витней и мог иметь на него влияние как доктор. Без нее я лучше сумею

управиться с ним. Я дал ей слово, что пришлю ее мужа домой в кэбе через два часа, если найду его по данному ею адресу. Через десять минут я покинул удобное кресло и уютную комнату и ехал по делу, казавшемуся мне довольно странным, однако не настолько, насколько это оказалось в действительности.

Сначала все шло благополучно. Соуидэмская аллея — грязный переулок, идущий вдоль высокой набережной северного берега реки, на восток к Лондонскому мосту. Я нашел разыскиваемую мной трущобу между какой-то грязной лавчонкой и кабаком. Спускаться в нее пришлось по крутой лестнице. Я велел кучеру подождать меня и спустился по ступенькам, вытоптанным посредине ногами курильщиков опиума. При свете мигающей масляной лампочки, висевшей над дверью, я нашел щеколду и вошел в длинную, низкую комнату, насквозь пропитанную густым дымом и устав ленную деревянными койками, наподобие эмигрантского судна.

Во мраке еле можно было рассмотреть людей, лежавших в самых фантастических позах, с приподнятыми коленями, закинутыми головами, торчащими вверх подбородками. Там и сям взгляд темных потухших глаз устремлялся на нового посетителя. В темноте видно было, как вспыхивали маленькие, красные огоньки, то разгораясь, то потухая, смотря по тому, увеличивалось или уменьшалось количество яда в металлических трубках. Большинство курильщиков молчало, но некоторые бормотали что-то про себя, а иные разговаривали между собой странным, тихим, монотонным голосом, то порывисто, то внезапно умолкая, при чем каждый бормотал свое, не обращая внимания на слова соседа. В дальнем углу комнаты стояла маленькая жаровня с горящими угольями. Перед ней на деревянном стуле с тремя ножками сидел высокий худощавый старик и, подперев руками голову, смотрел в огонь.

Когда я вошел, смуглый малаец подскочил ко мне с трубкой и опиумом и указал мне свободную койку.

— Благодарю, я не останусь здесь,—сказал я. — Тут у вас мой друг, м-р Иза Витней. Мне нужно поговорить с ним.

Справа от меня послышались восклицания, я всмотрелся во мраке и увидел Витнея, бледного, угрюмого, с нечесаными волосами.

— Боже мой! Это Ватсон, — сказал он. В настоящую минуту он испытывал реакцию, и нервы у него были страшно разбиты.— Который теперь час, Ватсон?

— Скоро одиннадцать.

— А число?

— Пятница, 19 июня.

— Боже мой! Я думал сегодня среда. Да и наверно среда. Зачем вы пугаете меня?

Он закрыл лицо руками и зарыдал беспомощно.

— Говорю вам, сегодня пятница. Ваша жена ждет вас целых два дня. Как вам не стыдно!

— Да мне и стыдно. Но только вы все перепутали, Ватсон. Я тут несколько часов, три-четыре трубки... уж, право, не помню сколько. Но я пойду домой с вами. Я не хочу пугать Кэт... мою бедную, маленькую Кэт. Дайте мне руку. У вас есть кэб?

— Да, ждет меня.

— Ну, так я поеду с вами. Но надо заплатить. Узнайте, сколько я должен, Ватсон. Я совсем размяк. Ничего не могу делать.

Я пошел по узкому проходу среди двойного ряда спящих, задерживая дыхание, чтобы не вдыхать одуряющих ядовитых паров, и стал отыскивать хозяина. Проходя мимо высокого человека, сидевшего у жаровни, я почувствовал, что меня дернули за платье и кто-то шепнул мне: «Пройдите мимо и потом обернитесь».

Я отчетливо расслышал эти слова и оглянулся. Сказать их мог только старик, но он сидел попрежнему, сгорбленный, весь в морщинах. Трубка с опиумом повисла у него между колен, как бы вывалившись из его обессилевших

рук. Я сделал два шага вперед, снова обернулся и еле удержался, чтобы не вскрикнуть от изумления. Старик повернулся ко мне так, что только я один мог видеть его. Стан его выпрямился, морщины исчезли, потухшие глаза засверкали — перед огнем сидел ни кто иной, как Шерлок Холмс, и посмеивался над моим удивлением. Он сделал мне украдкой знак, чтобы я подошел к нему, и лицо его опять приняло старческий вид.

— Холмс, — шепнул я, — что вы делаете в этой трущобе?

— Говорите как можно тише, — ответил он. — Слух у меня отличный. Освободитесь, пожалуйста, от вашего пьянчуги. Мне очень бы хотелось поговорить с вами.

— У меня есть кэб.

— Так пошлите домой вашего друга в этом кэбе. С ним ничего не случится. Пошлите с кучером записку вашей жене, что вы со мной. Подождите меня на улице, я выйду через пять минут.

Трудно отказать Шерлоку Холмсу в чем бы то ни было: требования его всегда выражены так определенно и решительно. К тому же я чувствовал, что, усадив Витнея в кэб, я выполню свою миссию, а ничего я так не люблю, как принимать участие в странных приключениях моего друга, составлявших обыкновенное его времяпрепровождение. В несколько минут я написал записку, заплатил за Витнея и посадил его в кэб, который скрылся в темноте. Вскоре из трущобы вышла дряхлая фигура старика, и я пошел с Шерлоком Холмсом. Несколько времени он шел сгорбившись, неверными шагами, но потом, быстро оглядевшись вокруг, вдруг выпрямился и разразился веселым смехом.

— Вероятно, вы думаете, Ватсон, что, вдобавок к впрыскиваниям кокаина и к другим моим слабостям, осуждаемым вами с медицинской точки зрения, я стал еще курить опиум?

— Действительно, я был удивлен, увидя вас в этой трущобе.

— Не больше меня, когда я увидел вас.

— Я пришел искать друга.

— А я врага.

— Врага?

— Да, одного из моих естественных врагов, или, вернее сказать, мою естественную задачу. Короче сказать, Ватсон, я занят чрезвычайно интересным делом и надеялся узнать кое-что из бессвязной болтовни этих пьяниц, что я делал и прежде. Если бы меня узнали в этой трущобе, я мог бы поплатиться жизнью, так как я не раз пользовался этим способом, и негодяй малаец поклялся отомстить мне. В задней стене этого здания есть оп скная дверь вблизи пристани Павла, которая могла бы порассказать многое о тех странных предметах, которые выходят через нее в безлунные ночи.

— Что вы говорите! Неужели трупы?

— Да, трупы, Ватсон. Мы с вами стали бы богачами, если бы получали по тысяче фунтов за каждого несчастного, погибающего в этой трущобе. Это самый ужасный притон на всем берегу реки. Боюсь, что Невиль С.-Клэр не выйдет никогда отсюда.

Он приложил ко рту два пальца и свистнул. В ответ послышался такой же резкий свист и затем шум колес и топот лошадиных копыт.

— Ну, что же, Ватсон, — сказал Холмс, когда к нам подъехал экипаж с двумя фонарями, бросавшими яркие полосы света,—поедете вы со мною?

— Если могу быть полезен вам.

— О, верный товарищ всегда может пригодиться. А журналист тем более. В моей комнате под «Кедрами» две постели.

— Под «Кедрами»

— Да, это дом мистера С.-Клэра. Я живу там в настоящее время.

— Где же это?

— Близ Ли, в Кенте. Нам придется ехать семь миль.

— Ничего не понимаю.

— Конечно. Я объясню вам сейчас все. Садитесь! Ну, Джон, нам вас не нужно. Вот вам полкроны. Ждите меня завтра около одиннадцати. Отпустите вожжи! Вот так.

Он хлестнул лошадь, и мы понеслись по бесконечным, темным, пустынным улицам, постепенно расширявшимся, пока не очутились на широком мосту с перилами, под которым медленно текла мутная река. За мостом лежали такие же улицы с каменными и кирпичными домами. Царившая в них тишина нарушалась только тяжелыми, размеренными шагами полицейских да песнями и криками запоздавших гуляк. По небу медленно ползли черные тучи, по временам несколько звезд слабо мерцало между ними. Холмс правил молча, опустив голову на грудь. Он казался погруженным в глубокое раздумье. Я сидел рядом с ним, думая о том, какое дело так занимает его, и в то же время не желая нарушать течения его мыслей. Мы проехали несколько миль и приближались к дачным местностям, когда он вдруг встряхнулся, пожал плечами и зажег трубку, с видом человека, убедившегося, что он поступает как следует.

— Вы одарены замечательным уменьем молчать, Ватсон,—сказал он,—и прямо незаменимы в этом отношении. Даю вам слово, мне очень важно иметь вблизи себя человека, с которым можно поговорить, а то в голове у меня бродят не очень приятные мысли. Я придумывал, что бы сказать этой милой молодой женщине, когда она встретит меня сегодня вечером.

— Вы забываете, что я ничего не знаю.

— У меня как раз хватит времени рассказать вам все, пока мы доедем до Ли... Дело кажется до смешного простым, а между тем не знаю, как за него взяться. Нитей очень много, но я не могу ухватиться ни за одну из них. Ну, я расскажу вам подробно все дело, Ватсон. Может, вам удастся набрести на огонек в окружающем меня мраке.

— Рассказывайте.

— Несколько лет тому назад, — а именно в мае 1884 года — в Ли появился джентльмен, очевидно с большими средствами—Невиль де-С.-Клэр. Он нанял большую виллу, развел красивый сад и, вообще, зажил отлично. Постепенно он приобрел много друзей и в 1887 году женился на дочери местного пивовара, от которой имеет теперь двух детей. Определенных занятий у него нет, но он принимает участие в нескольких предприятиях и каждый день ездит в город, возвращаясь с поездом 5.14 из улицы Каннон. Мистеру С.-Клэру теперь 37 лет. Он ведет скромный образ жизни, хороший муж, любящий отец, очень популярен среди всех знающих его. Могу еще прибавить, что долгов у него всего на 88 фунтов 10 шиллингов, а в банке на текущем счету — 220 фунтов стерлингов. Поэтому нет никакого основания предполагать каких-либо денежных затруднений.

«В прошлый понедельник мистер Невилль С.-Клэр отправился в город раньше обыкновенного. Перед отъездом он сказал, что у него два важных дела в городе, и обещал привезти кубики своему маленькому сыну. Случайно в тот же день жена его получила телеграмму, что на ее имя в Эбердинском пароходном обществе получена небольшая, очень ценная посылка, которую она ожидала уже давно. Если вы хорошо знакомы с Лондоном, то, наверное, знаете, что контора этого пароходного общества находится в улице Фресно, которая выходит к верхней Суондэмской аллее, где вы нашли меня сегодня. Мисс С.-Клэр отправилась после завтрака в Сити, сделала несколько покупок, зашла в контору пароходного общества, получила посылку и в 4 часа 35 минут шла к станции железной дороги по Соундэмской аллее. Вы следите за моим рассказом?

— Да, пока все вполне ясно.

— Если помните, в понедельник было очень жарко. Миссис С.-Клэр шла медленно, оглядываясь, нет ли вблизи кэба, так как местность не нравилась ей. Внезапно она

услышала крик и вся похолодела, увидев мужа, смотревшего на нее из окна второго этажа какого-то дома и, как ей показалось, манившего ее к себе рукой. Окно было открыто, и она ясно разглядела лицо мужа, показавшееся ей чрезвычайно взволнованным. Он отчаянно жестикулировал, затем исчез так внезапно, как будто его насильно оттащили от окна. Одно обстоятельство не ускользнуло от ее зоркого женского глаза: хотя на муже был темный сюртук, в котором он уехал из дома, но не видно было ни крахмального воротничка, ни галстуха.

«Уверенная в том, что с мужем случилось что-то неладное, м-с С.-Клэр бросилась вниз по лестнице—так как дом этот был ни что иное, как трущоба, в которой вы видели меня сегодня—и, пробежав через комнату, выходящую на улицу, хотела подняться в первый этаж. Но внизу лестницы ее встретил негодяй малаец, о котором я говорил вам, и, с помощью слуги-датчанина, вытолкал ее на улицу. Охваченная безумным ужасом, она бросилась бежать по аллее и, к величайшему счастию, на улице Фресно встретила несколько констэблей, совершавших обход под начальством инспектора. Последний, с двумя полицейскими, пошел с м-с С.-Клэр и, несмотря на упорное сопротивление хозяина, все они вошли в комнату, из окна которой она видела мужа. Но там не оказалось и следа его. Во всем этаже нашли только какого-то калеку ужасного вида, который, как кажется, живет тут. И он, и малаец клялись, что в передней комнате никого не было в этот день. Они говорили так уверенно, что инспектор стал сомневаться, не ошиблась ли м-с С.-Клэр, как вдруг она с криком бросилась к небольшому деревянному ящику, стоявшему на столе, и сорвала с него крышку. Оттуда выпали кубики,—игрушка, которую ее муж обещал привезти сыну из города.

«Это открытие и смущение, выказанное при этом калекой, убедили инспектора в серьезности дела. Комнаты были тщательно обысканы, и результатом явилось предположение об ужасном преступлении. Передняя комната,

обставленная, как скромная гостиная, вела в маленькую спальню, выходившую на задворки одной из верфей. Между верфью и окном спальни есть узкий канал, сухой во время отлива, но наполняющийся водой в прилив, по крайней мере, на четыре с половиною фута. Окно в спальне широкое и открывается снизу. При осмотре на подоконнике оказались следы крови; капли крови виднелись также и на деревянном полу комнаты. За занавеской, в передней комнате, была свалена одежда м-ра Невилля С.-Клэра — сапоги, носки, шляпа, часы, — все, за исключением сюртука. На одежде не было заметно никаких следов преступления. Что же касается самого м-ра Невилля, то остается предполагать, что он мог исчезнуть только через окно, при чем кровавые пятна на подоконнике указывают на то, что вряд ли он мог спастись вплавь, так как в то время должен был быть сильный прилив.

«Теперь обратимся к негодяям, на которых может пасть подозрение. Малаец известен, как человек самой плохой репутации, но из рассказа м-с С.-Клэр мы знаем, что он был внизу лестницы через несколько секунд после появления ее мужа у окна, так что он является разве только соучастником преступления. Он говорит, что ничего не знает ни о преступлении, ни о Хьюге Буне и не может объяснить появления одежды С.-Клэра в квартире своего жильца.

«Вот все, что известно о малайце. Что же касается до страшного калеки, Хьюга Буна, то он живет над притоном и, несомненно, последний видел С.-Клэра. Его отвратительное лицо известно всем бывающим в Сити. Он профессиональный нищий, хотя торгует восковыми спичками, чтоб избежать преследований полиции. Как вы знаете, на улице Среднидл в стене есть ниша. Бун ежедневно сидит там, поджав ноги, и предлагает прохожим свой небольшой запас спичек. Его жалкий вид вызывает сострадание добрых людей, и монеты так и сыплются в засаленную шапку, лежащую около него на мостовой. Я часто

наблюдал за этим малым, когда еще не думал, что придется иметь дело с ним, и всегда удивлялся, сколько денег набирал он в короткое время. Его наружность невольно бросается в глаза. Целая шапка ярко-рыжих волос, бледное лицо, обезображенное ужасным шрамом, захватывающим верхнюю губу, подбородок, как у бульдога, и проницательные, темные глаза, составляющие странный контраст с цветом волос,—все это выделяет его из общего уровня нищих, равно как и его остроумные ответы на шутки прохожих. Таков человек, который живет в известном нам притоне и который последним видел С.-Клэра».

— Но что же мог сделать калека с человеком в полн м расцвете сил?—заметил я.

— Он калека только в том отношении, что хром на одну ногу; в общем же, это, кажется, сильный, хорошо развитой человек. Вы, Ватсон, как врач, конечно, знаете, как часто слабость одного члена вознаграждается необычайной силой других.

— Пожалуйста, продолж йте ваш рассказ.

— При виде крови миссис С.-Клэр лишилась чувств, и полиция отправила ее домой в кэбе, так как ее присутствие не могло помочь розыскам. Инспектор Бартон тщательно обыскал все помещение, но ничего не выяснил. Сделали ошибку, что не сразу арестовали Буна и дали ему возможность переговорить с малайцем. Однако, скоро спохватились и исправили эту ошибку. Буна арестовали и обыскали, но не нашли никаких улик против него. Правда, на правом рукаве рубашки у него оказались следы крови, но он показал палец, на котором виднелся порез, и объяснил, что, по всем вероятиям, следы крови на подоконнике являются следствием этого пореза, так как он подходил к окну, когда у него шла кровь из пореза. Он упорно утверждал, что никогда не видел м-ра С.-Клэра, и клялся, что совершенно не знает, каким образом платье этого джентльмена попало в его комнату. Что же касается до слов м-с С.-Клэр о появлении у окна ее мужа, то

это или почудилось ей, или она просто помешалась. Его увели, при чем он громко протестовал против насилия, а инспектор остался ожидать отлива в надежде открыть что-либо.

«Ожидания его увенчались успехом, хотя он нашел не то, что ожидал».

«В канале нашли не самого Невилля С.-Клэра, а его сюртук. И как вы думаете, что было в кармане сюртука?»

— Представить себе не могу.

— Да, трудно угадать. Карманы были набиты пенсами и полупенсами — 421 пенс и 271 полупенс. Неудивительно, что прилив не унес сюртука. Человеческое тело — дело иное. Между верфью и домом сильное течение. Понятно, что тяжелый сюртук остался на дне, а тело унесено течением в реку.

— Но ведь другие вещи остались в комнате. Неужели же на теле был только сюртук?

— Нет, сэр, но этому можно найти объяснение. Предположим, что Бун выбросил из окна Невилля С.-Клэра так, что никто не видел этого. Что же дальше? Наверно, ему пришла в голову мысль, что надо отделаться от улик в виде платья. Он схватывает сюртук и уже готов выбросить его в окно, как вдруг вспоминает, что сюртук не опустится на дно, а всплывет наверх. Времени у него мало, так как он слышит суматоху на лестнице, слышит, как жена С.-Клэра требует, чтобы ее пустили к мужу, а может-быть, и малаец, сообщник его, успел предупредить его о приближении полиции. Нельзя терять ни одного мгновения. Он бросается в укромный уголок, где спрятаны его сбережения, и набивает карманы сюртука попадающимися ему под руку монетами. Затем он выбрасывает сюртук и хочет сделать то же с остальными вещами, но слышит шум шагов на лестнице и еле успевает захлопнуть окно до появления полиции.

— Это правдоподобно.

— Примем эту гипотезу за неимением лучшей. Бун, как я уже говорил вам, был арестован и приведен в по-

лицейское управление, но против него нельзя ничего было сказать. В продолжение нескольких лет он известен как профессиональный нищий, но ведет жизнь очень скромную. Так обстоит дело в настоящее время. Вопросы о том, что делал Невилль С.-Клэр в этой трущобе, что случилось с ним там, где он теперь, и какую роль играет в его исчезновении Гуго Бун — остаются попрежнему неразрешенными. Признаюсь, что не помню случая, который представлялся бы таким простым на первый взгляд и оказался бы таким затруднительным.

Пока Шерлок Холмс рассказывал мне подробности этого странного приключения, мы проехали мимо последних домов предместья громадного города и выехали на дорогу, тянувшуюся между двумя рядами заборов. Как раз в ту минуту, когда он окончил свой рассказ, мы увидели огоньки в домах двух деревень, лежавших по сторонам дороги.

— Мы въезжаем в Ли, — сказал Холмс. — За нашу короткую поездку мы проехали по трем английским графствам: начав с Миддльсекса, мы проехали частью по Серрей и заканчиваем Кентом. Вот «Кедры». Там, за лампой, сидит женщина, которая, наверно, тревожно прислушивается к шуму копыт наших лошадей.

— Но отчего вы не ведете дела, сидя у себя в улице Бэкер? — спросил я.

— Потому что много справок приходится наводить здесь. М-с С.-Клэр чрезвычайно любезно предоставила в мое распоряжение две комнаты, и можете быть уверены, что она радушно встретит моего друга и помощника. Очень мне неприятно встретиться с ней, не имея вестей о ее муже, Ватсон. Вот мы приехали. Тпру! Стой.

Мы остановились перед большой виллой, окруженной лугами. Конюх подбежал, чтобы взять лошадь, а мы с Холмсом пошли по усыпанной песком дорожке к дому. При нашем приближении дверь открылась, и на пороге показалась маленькая блондинка в светлом легком платье и отделкой из розового шифона на рукавах и вороте. Фи-

гура ее ясно выделялась на потоке света, падавшего из дома, и вся она, с одной рукой, державшейся за дверь, другой приподнятой от нетерпения, с наклоненным туловищем, с жадно устремленными вперед глазами и раскрытыми губами, казалась олицетворенным вопросом.

— Ну, что? Как? — спросила она.

Увидав, что нас двое, она радостно вскрикнула, но восклицание это перешло в стон, когда она заметила, что мой товарищ покачал головой и пожал плечами.

— Нет хороших вестей?

— Нет.

— А дурных?

— Тоже нет.

— И то слава богу. Но входите же. Ведь, вы, наверно, устали.

— Вот мой друг, доктор Ватсон. Он был чрезвычайно полезен мне во многих важных делах, и, по счастливой случайности, мне удалось привезти его сюда и уговорить помочь мне в наших поисках.

— Очень рада вас видеть,—сказала она, горячо пожимая мне руку.—Надеюсь, вы извините, если найдете какие-нибудь беспорядки в доме, и примете во внимание постигший нас неожиданно удар.

— Сударыня, я отставной солдат, — ответил я, — да к тому же вам нечего извиняться. Я буду очень счастлив, если могу помочь вам и моему другу.

— М-р Шерлок Холмс,—сказала она, вводя нас в ярко освещенную столовую, где на столе был приготовлен холодный ужин,—я хочу предложить вам несколько откровенных вопросов, на которые прошу вас дать такие же прямые и откровенные ответы.

— Извольте, сударыня.

— Не щадите моих чувств. Со мной не бывает ни истерик, ни обмороков. Я хочу выслушать ваше откровенное мнение.

— Насчет чего?

— Скажите, думаете ли вы, в глубине души, что Невилль жив?

Шерлок Холмс, казалось, смутился.

— Говорите откровенно!—повторила м-с С.-Клэр, стоя перед Шерлоком Холмсом, сидевшим на стуле, и пристально смотря ему в глаза.

— Откровенно говоря, сударыня, я не думаю, чтобы он был жив.

— Вы думаете, что он умер?

— Да.

— Убит?

— Я не говорю этого. Может-быть.

— Когда же он умер?

— В понедельник.

— Тогда, может-быть, вы объясните мне, м-р Шерлок Холмс, каким образом я могла получить от него сегодня это письмо?

Шерлок Холмс вскочил со стула, словно от электрического удара.

— Что такое?—закричал он.

— Да, сегодня.

Она, улыбаясь, показала ему клочок бумаги.

— Можно посмотреть?

— Пожалуйста.

Холмс поспешно схватил записку, положил ее на стол, разгладил и стал пристально рассматривать ее при свете лампы. Я встал с места и заглянул ему через плечо. Конверт был очень грубый, с гревэндским штемпелем и помечен сегодняшним, вернее, вчерашним днем, так как было уже позже полуночи.

— Грубый почерк! — пробормотал Холмс; — наверно, это не почерк вашего мужа, сударыня?

— Не его на конверте, но письмо написано им.

— Я замечаю, что тому, кто надписывал конверт, пришлось справляться об адресе.

— Почему вы так думаете?

— Как видите, имя и фамилия написаны черными чернилами, которые высохли сами собой. Остальной адрес какого-то серого цвета. Очевидно, тут прикладывали пропускную бумагу. Если бы весь адрес был написан сразу и пропускная бумага была приложена к нему, то часть его не была бы так черна. Кто-то написал сначала имя и фамилию и только через несколько времени прибавил адрес, которого не знал раньше. Конечно, это пустяк, но пустяки имеют важное значение. Дайте мне взглянуть на письмо. Ага! Здесь было вложено что-то.

— Да, кольцо. Его кольцо с печатью.

— Вы уверены, что это почерк вашего мужа?

— Да, один из его почерков.

— Как, один из его почерков?

— Он пишет так, когда торопится. В другое время его почерк совсем иной.

— «Не беспокойтесь, дорогая. Все кончится благополучно. Очевидно, тут вышло какое-то большое недоразумение, для выяснения которого придется потратить не мало времени. Имейте терпение. Невилль», написано карандашом на листке, вырванном из книги формата in octavo. Гм! Отправлено сегодня в Гревзэнде человеком с грязным большим пальцем. Ага! Лицо, которое заклеивало конверт, если не ошибаюсь, жует табак. Вы не сомневаетесь, сударыня, что это почерк вашего мужа?

— Нисколько. Эти слова написаны Невиллем.

— А письмо послано сегодня из Гревзэнда! Ну, миссис С.-Клэр, тучи начинают расходиться, хотя не могу сказать, что опасность уже вполне прошла.

— Но ведь он жив, мистер Холмс?

— Если только это не ловкая подделка, чтобы направить нас на ложный след. Кольцо еще ничего не доказывает. Его могли отнять.

— Нет, нет; письмо написано им.

— Хорошо. Но ведь оно могло бы быть написано в понедельник, а послано сегодня.

— Это возможно.

— Ну, а за этот промежуток многое могло случиться.

— О, не разочаровывайте меня, мистер Холмс. Я знаю, что с ним ничего не случилось. При той симпатии, которая существует между нами, я бы почувствовала, если бы с ним произошло что-либо дурное. В тот самый день, когда я видела его в последний раз, он порезал себе палец в спальне. Я была в это время в столовой и бросилась наверх, так как была уверена, что с ним случилось что-то. Неужели вы думаете, что я не чувствовала бы его смерти, когда даже такой пустяк влияет на меня.

— Я видел на своем веку слишком много для того, чтобы не знать, насколько женская впечатлительность может быть иногда ценнее логического размышления. И это письмо, конечно, служит важным подтверждением вашего мнения. Но если ваш муж и в состоянии писать письма, то отчего он не с вами?

— Не знаю и не могу придумать.

— В понедельник, при отъезде, он не говорил ничего особенного?

— Нет.

— Вы очень удивились, увидя его в Суондэмской аллее?

— Очень.

— Окно было открыто?

— Да.

— Так что он мог крикнуть вам?

— Да, мог.

— А, между тем, насколько я помню, у него вырвалось только какое-то бессвязное восклицание?

— Да.

— Вы подумали, что он зовет на помощь?

— Да. Он взмахнул руками.

— Но, может быть, это был возглас удивления. Он мог всплеснуть руками от изумления, неожиданно увидев вас

— Это возможно.

— Вам показалось, что его оттащили от окна?

— Он исчез так внезапно...

— Может быть, он просто отскочил от окна. Вы не видели, чтобы в комнате был еще кто-нибудь?

— Нет, но ведь отвратительный нищий признался, что был там, а малаец стоял внизу лестницы.

— Совершенно верно. Насколько вы могли разглядеть, ваш муж был одет как всегда.

— Да, но без воротничка и галстука. Я ясно видела, что шея у него была обнажена.

— Говорил он когда-нибудь с вами о Суондэмской аллее?

— Никогда.

— Не было ли признаков, указывавших на то, что он курит опиум?

— Не было.

— Благодарю вас, миссис С.-Клэр. Это главные вопросы, требовавшие выяснения. Теперь мы поужинаем и затем удалимся в свои комнаты, так как завтра нам, быть-может, предстоит много работы.

Нам была отведена большая комната с двумя кроватями. Я тотчас же разделся чтобы заснуть, так как устал от вечерних приключений. Что же касается Шерлока Холмса, то когда у него бывало какое-нибудь загадочное дело, он мог не спать целыми днями и даже неделями, обдумывая загадку, сопоставляя факты, обсуждая их со всех сторон и взвешивая данные. Я сейчас же понял, что и теперь он намеревается провести всю ночь. Он снял сюртук и жилет, надел синий халат и принялся ходить по комнате, собирая подушки с постели, диванов и кресел. С помощью этих подушек он устроил себе нечто вроде восточного дивана, сел на него, поджав ноги, и поставил перед собой пачку табаку и коробочку спичек.

При слабом свете лампы я видел его сидящим со старой глиняной трубкой во рту, с глазами, рассеянно

устремленными в потолок, окруженным облаками голубого дыма, безмолвным, неподвижным. Свет лампы падал на его резко обозначенные черты. Таким я оставил его, засыпая, и таким же нашел, когда проснулся от вырвавшегося у него восклицания. Лучи летнего солнца заливали комнату. Холмс сидел попрежнему, с дымящейся трубкой во рту. В комнате стоял густой табачный дым, но от кучи табака, виденной мною вечером, ничего не осталось.

— Проснулись, Ватсон?—спросил он.

— Да.

— Хотите прокатиться?

— С удовольствием.

— Ну, так одевайтесь. В доме еще все спят, но я знаю, где живет конюх, и нам скоро подадут экипаж.

Он усмехался; глаза его блестели. Это был совсем иной человек, чем тот мрачный мыслитель, с которым я расстался вечером.

Одеваясь, я взглянул на часы и нисколько не удивился, что в доме все спали: было только двадцать пять минут четвертого. Я только-что оделся, как Холмс пришел сказать, что лошадь уже запрягают.

— Хочу испытать одну из своих теорий,—сказал он, надевая сапоги.—Знаете ли вы, Ватсон, что перед вами в настоящее время один из величайших дураков в Европе. Стоило бы задать мне хорошую встряску. Но теперь, кажется, ключ к загадке найден.

— А где он?—улыбаясь, спросил я.

— В ванне,—ответил он.—О, я вовсе не шучу,—прибавил он, заметив мой недоверчивый взгляд.—Я только-что был там, нашел его и взял к себе в мешок. Поедем, мой милый, и посмотрим, подойдет ли он к замку.

Мы тихонько спустились с лестницы и вышли во двор, залитый солнечным светом. Тут нас ожидал экипаж с запряженной лошадью, которую держал под уздцы полуодетый конюх. Мы вскочили в экипаж и быстро поехали в Лондон.

Несколько телег, нагруженных овощами, тянулось по дороге к столице, но на дачах царило полное безмолвие; все обитатели покоились мертвым сном.

— В некоторых отношениях замечательный случай, — проговорил Холмс, пуская лошадь в галоп.—Сознаюсь, что я был слеп, как крот, но лучше научиться уму-разуму хотя бы поздно, чем никогда.

Когда мы въехали в город со стороны Сурея, там все еще спало; лишь изредка заспанные лица людей, привыкших вставать рано, виднелись в окнах. Мы проехали по улице Веллингтона и, круто повернув направо, очутились в Баустрите. Шерлока Холмса хорошо знали в полицейском управлении, и два констэбля, стоявшие у подъезда, отдали ему честь. Один из них взял под уздцы лошадь, другой повел нас внутрь.

— Кто дежурный?—спросил Холмс.

— Инспектор Брэдстрит, сэр.

— А, Брэдстрит, как поживаете?

Из устланного каменными плитами коридора навстречу нам вышел высокий, полный полицейский в форменной фуражке и тужурке.

— Мне нужно сказать вам несколько слов, Брэдстрит.

— Пожалуйста, м-р Холмс. Войдите в мою комнату.

Мы вошли в небольшую комнату. На столе лежала громадная книга для записей, а на стене висел телефон. Инспектор сел за стол.

— Чем могу служить, м-р Холмс?

— Я хочу узнать о нищем Буне, который замешан в деле исчезновения м-ра Невилля С.-Клэра из Ли.

— Да. Его привезли сюда для снятия допроса.

— Слышал. Он здесь и теперь?

— В камере.

— Спокойный малый?

— О, да, совершенно. Но грязен поразительно.

— Грязен?

— Да. Еле-еле заставили его вымыть руки, а лицо у него черно, как у трубочиста. Ну, когда окончится следствие, мы уже посадим его в ванну. Если бы вы его видели, то, наверно бы, согласились со мной, что ему нужна ванна.

— Мне бы очень хотелось повидать его.

— В самом деле? Так ведь это очень легко устроить. Пойдемте со мной. Мешок можете оставить здесь.

— Нет, я возьму его с собой.

— Отлично. Пожалуйте сюда.

Он провел нас по коридору, открыл запертую дверь и спустился по винтовой лестнице. Мы очутились в коридоре с выкрашенными в белую краску стенами и рядом дверей по обе стороны.

— Третья дверь направо, — сказал инспектор: — Вот здесь!

Он отодвинул дощечку в верхней части двери и заглянул в отверстие.

— Он спит, — сказал он. — Вы можете хорошо рассмотреть его теперь.

Мы оба приложились к окошку. Арестант лежал лицом к нам. Он крепко спал и дышал медленно и тяжело. Это был человек среднего роста, одетый, как и подобало, в грубую одежду; сквозь прорехи его изодранного сюртука проглядывала цветная рубашка. Он был действительно ужасно грязен и, к тому же, отталкивающе безобразен. Широкий шрам шел от глаза до подбородка, захватывал верхнюю часть губы так, что обнажал три зуба; масса ярко-рыжих волос обрамляла лоб и спускалась на глаза.

— Красавец, не правда ли? — сказал инспектор.

— Несомненно, ему следует умыться, — заметил Холмс. — Я предполагал это и потому позволил себе принести все необходимое для мытья.

Говоря это, он раскрыл свою сумку и, к великому моему удивлению, вынул оттуда большую губку.

— Хи-хи! И чудак же вы! — со смехом проговорил инспектор.

— Если вы будете так добры, откроете тихонько дверь, то мы скоро придадим ему гораздо более приличный вид.

— Пожалуй! — сказал инспектор. — Во всяком случае он не делает чести Баустриту.

Он повернул ключ, и мы тихо вошли в камеру. Арестант шевельнулся, но сейчас же погрузился в глубокий сон. Холмс подошел к рукомойнику, намочил губку и два раза сильно провел по лицу арестанта.

— Позвольте вам представить м-ра Невилля С.-Клэра из Ли, в графстве Кент,—крикнул он.

Никогда в жизни не приходилось мне видеть ничего подобного. Безобразная маска спала под губкой с лица арестанта, как древесная кора. Пропал грубый темный цвет кожи! Пропал ужасный шрам и изуродованная губа, придававшая такое отталкивающее выражение этому лицу, Лохматые рыжие волосы исчезли от одного взмаха руки Холмса — и перед нами, на постели, очутился изящный человек с бледным печальным лицом, черными волосами, нежной кожей. Он протирал глаза и в недоумении оглядывался вокруг, еще не очнувшись от сна. Внезапно он понял все и с криком отчаяния зарылся головой в подушки.

— Боже мой! — вскрикнул инспектор. — Ведь это действительно тот, кого разыскивают. Я знаю это по фотографической карточке.

Арестант поднял голову с видом человека, решившегося отдаться на волю судьбы.

— Ну, хорошо, — проговорил он. — В чем же меня обвиняют?

— В убийстве м-ра Невилля С... Ну, нельзя же вас судить за это, — с усмешкой проговорил инспектор; — в крайнем случае вас можно только обвинить в покушении на самоубийство. Двадцать семь лет служу в полиции, но не замню подобного дела.

— Если я—Невилль С.-Клэр, то, очевидно не может быть и разговора о преступлении и я незаконно посажен в тюрьму.

— Преступления нет, но совершена большая ошибка,— сказал Холмс.—Вам следовало бы довериться жене.

— Дело не в жене, а в детях,—простонал арестант.— Я не хотел, чтобы им было стыдно за отца. Боже мой, боже мой! Какой позор! Что мне делать?

Шерлок Холмс присел к нему на кровать и ласково погладил его по плечу.

— Если вы предоставите суду разъяснить ваше дело, то, конечно, оно не может избежать огласки,—проговорил он.—Но если вам удастся убедить полицию, что вас нельзя привлечь к ответственности, то не думаю, чтобы газеты заговорили о вашем деле. Инспектор Брэдстрит может записать ваши показания и передать их надлежащим властям. Таким образом, дело не дойдет до суда.

— Как мне благодарить вас!—страстно воскликнул арестант.—Я охотнее перенес бы заточение, даже смертную казнь, лишь бы не опозорить детей раскрытием моей тайны. Вы первые услышите мою историю. Мой отец был школьным учителем в Честерфильде. Я получил превосходное образование, в молодости много путешествовал, пристрастился к сцене и сделался актером, наконец, сотрудником одной из лондонских вечерних газет. Однажды моему издателю вздумалось напечатать ряд статей о нищенстве в столице, и я предложил ему свои услуги. С этого и начались все мои приключения. Чтобы хорошенько ознакомиться с делом и писать статьи, я оделся нищим-любителем. Будучи актером, я, конечно, изучил грим и славился своим искусством в этом отношении. Теперь это уменье пригодилось мне. Я загримировал себе лицо, придав как можно более жалкий вид, сделал большой шрам и, с помощью пластыря тельного цвета, изуродовал губу, приподняв ее с одной стороны. Затем, надев на голову рыжий парик и облекшись в подходящую одежду, я стал на самом оживленном месте Сити и принялся продавать спички, в действительности же просил милостыню. Когда я вернулся домой вечером, после семичасовой «работы», то,

к великому своему удивлению, увидел, что набрал двадцать шесть шиллингов и четыре пенса.

«Я написал статьи и забыл обо всем до тех пор, пока мне не предъявили векселя, по которому я поручился уплатить за приятеля 25 фунтов. Я положительно не знал, откуда добыть деньги. Внезапная идея вдруг осенила меня. Я попросил редактора отпустить меня на две недели и провел это время, выпрашивая милостыню в Сити. Через десять дней я уплатил мой долг.

«Вы можете себе представить, как трудно было работать за два фунта в неделю, когда можно достать столько же в день! Надо было лишь раскрасить лицо, положить на землю шапку и сидеть смирно. Долго длилась борьба между гордостью и стремлением к легкой наживе... Наконец, последнее одержало верх, и я стал сидет изо дня в день на своем излюбленном местечке, вызывая сожаление моим ужасным видом и набивая карманы медяками. Только один человек знал мою тайну—это хозяин трущобы, в которой я жил и откуда выходил по утрам в виде жалкого нищего, а по вечерам хорошо одетым джентльменом. Я хорошо платил хозяину-малайцу за комнату, и потому знал, что он сохранит мою тайну.

«Скоро у меня оказалось много денег. Конечно, не всякий нищий в Лондоне может зарабатывать по семисот фунтов в год и даже более. Я обладал особыми преимуществами и умел остроумно отвечать на всякое, мимоходом сделанное замечание, так что стал своего рода известностью в Сити... Целый день в мою шапку сыпались пенсы, и я считал очень плохим тот день, в который не набирал двух фунтов.

«Я богател, стал честолюбивым, нанял себе дом за городом и, наконец, женился. Никто не знал, чем я занимался. Жена знала только, что у меня есть какие-то дела в Сити, но не подозревала, какие.

«В прошлый понедельник я переодевался в своей комнате и, взглянув в окно, к величайшему удивлению и ужасу, увидел жену, стоявшую на улице и пристально

смотревшую на меня. Я вскрикнул от изумления, закрыл лицо руками и выбежал к моему поверенному—малайцу. Я умолял его не пускать никого ко мне. Снизу до меня доносился голос жены, но я знал, что ее не допустят ко мне. Я быстро сбросил сюртук, надел свое нищенское рубище, разрисовал себе лицо и натянул парик. Даже глаз жены не мог бы признать меня в этом виде. Но вдруг я вспомнил, что при обыске комнаты платье может выдать меня. Я закрыл окно, при чем нечаянно задел палец, и ранка от пореза, сделанного утром, раскрылась. Потом я схватил сюртук с карманами, полными медяками, которые я переложил из мешка, и выбросил его из окна. Он исчез в Темзе. Я хотел швырнуть туда же и остальную одежду, но в эту минуту в комнату вбежали констэбли, и через несколько мгновений — должен признаться к немалому моему облегчению — я был арестован не как Невилль С.-Клэр, а как его убийца.

«Больше мне нечего прибавить. Я решился скрывать как можно дольше мое настоящее имя и положение и потому не хотел мыться. Зная, что жена будет страшно тревожиться обо мне, я украдкой от полицейских снял с пальца кольцо и передал его малайцу вместе с наскоро написанной запиской, в которой я писал ей, что мне не угрожает никакая опасность».

— Она только вчера получила эту записку, — сказал Холмс.

— Боже мой! Какую неделю провела она!

— За мальцем следила полиция, — заметил инспектор Брэдтрит, — и потому вполне понятно, что он не мог переслать письма. Вероятно, он передал его кому-нибудь из своих посетителей-матросов, а тот забыл о письме и отправил его только через несколько дней.

— Совершенно верно, — сказал Шерлок Холмс, одобрительно покачивая головой. — Но неужели вас никогда не судили за собирание милостыни? — прибавил он, обращаясь к С.-Клеру.

— Много раз, но что значил для меня штраф.

— Теперь вам придется прекратить это ремесло, — сказал Брэдстрит. — Если вы желаете, чтобы полиция замяла это дело, то Хьюг Бун должен перестать существовать на свете.

— Я уже дал себе торжественную клятву.

— В таком случае, я думаю, все будет забыто. Но если возвратитесь к прежнему ремеслу, дело выйдет наружу. Очень благодарен вам за выяснение этого случая, м-р Холмс. Хотел бы я знать, как вы достигаете подобного рода результатов?

— В данном случае я достиг разъяснения тайны, посидев на пяти подушках и выкурив пачку табаку... Я думаю, Ватсон, что если мы сейчас поедем на улицу Бэкер, то поспеем как раз к завтраку.

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ.

На второй день Рождества я зашел к моему другу Шерлоку Холмсу, чтобы поздравить его с праздником. Он лежал на диване в красном халате. На столе перед ним были разложены трубки и груда смятых газет, очевидно, только что прочитанных. Около дивана стоял деревянный стул, на спинке которого висела ветхая, неопрятного вида поярковая шляпа, сильно поношенная и изорванная в нескольких местах. Лежавшая на сиденьи лупа и щипцы указывали, что шляпа подверглась тщательному осмотру.

— Вы кажется, заняты, — заметил я. — Не помешаю ли я вам?

— Нисколько. Напротив, я рад, что есть с кем поговорить о достигнутых мною результатах. Дело самое пустое, — прибавил он, указывая на шляпу, — но в нем есть несколько интересных и даже поучительных подробностей.

Я сел в кресло и стал греть руки пред камином, в котором весело потрескивали дрова. На дворе стоял сильный мороз, и окна в комнате замерзли.

— По всем вероятиям, несмотря на невзрачный вид этой шляпы, с ней связана какая-никудь страшная история. Она является ключем к разгадке тайны и наказанию преступления?

— Ну, о преступлении тут нет и речи, — со смехом возразил Шерлок Холмс. — Просто одна из тех странных случайностей, которые всегда могут встретиться на про-

странстве нескольких квадратных миль, где скучено четыре миллиона человеческих существ. В таком большом улье всегда возможно появление необычайных сцеп енний обстоятельств и странных, поразительных загадок, не имеющих ничего общего с преступлением.

— Действительно, из последних шести случаев, занесенных в мои записки, в трех не было наличного состава преступления.

— Совершенно верно. Вы говорите о моей попытке добиться писем от Ирены Адлер, о странном деле мисс Мэри Саутерлэнд и о человеке с изуродованной губой. Не сомневаюсь, что и данный случай относится к той же категории. Вы знаете посы ьного Петерсона?

— Знаю.

— Это его трофей.

— Т.-е. его шляпа?

— Нет, нет, он нашел ее. Владелец же неизвестен. Пожалуйста, не смотрите на нее с презрением и отнеситесь серьезно к этому делу. Прежде всего расскажу вам, как очутилась здесь эта шляпа. Она явилась сюда утром в первый день Рождества вместе с жирным гусем, который, без сомнения, жарится теперь на кухне у Петерсона. Вот как все произошло. Около четырех часов утра, в Рождество, Петерсон, честный малый, как вам известно, возвращался домой с пирушки по Тоттенгэмской дороге. При свете газовых рожков он увидел перед собой какого-то высокого человека, шедшего несколько неровной походкой. Через плечо незнакомца, на веревке, был перекинут белый гусь. На углу улицы Гудж между незнакомцем и встречными бродягами произошла ссора. Один из последних сбил шапку с головы высокого человека. Тот, защищаясь, поднял палку, размахнулся ею и разбил окно в лавке. Петерсон бросился на помощь, но незнакомец, испуганный тем, что разбил окно, и заметив, что к нему приближается какой-то человек в форме, уронил гуся, бросился бежать со всех ног и исчез в лабиринте неболь-

ших улиц, лежащих позади Тоттенгэмской дороги. Бродяги также убежали при виде Петерсона, так что за ним осталось поле сражения и трофей в виде этой рваной шляпы и чудеснейшего рождественского гуся.

— Конечно, он вернул его владельцу?

— Вот тут-то и кроется загадка. Правда, на карточке, привязанной к правой ноге птицы, написано: «М-с Генри Бэкер». Те же инициалы «Г. Б.» можно разобрать на подкладке шляпы. Но у нас в городе тысячи Бэкеров и несколько сотен с именем Генри, поэтому не так-то легко возвратить потерянную одним из них собственность.

— Что же сделал Петерсон?

— Он принес мне и шляпу и гуся, зная, как все загадочное интересует меня. Гуся мы держали до сегодняшнего утра, пока по некоторым признакам не пришли к убеждению, что, несмотря на легкий мороз, его следует съесть поскорее. Петерсон унес гуся, а у меня осталась шляпа неизвестного джентельмена, потерявшего рождественский обед.

— Он не помещал объявление в газете?

— Нет.

— Какие же вы имеете данные для того, чтобы узнать кто он?

— Только те, которые можно вывести из наблюдений!

— Над его шляпой?

— Именно.

— Вы шутите. Что может дать эта старая, рваная шляпа?

— Вот лупа. Вы знаете мой метод. Что можете вы заключить об индивидуальности человека, носившего этот головной убор?

Я взял в руки шляпу и оглядел ее с некоторым сомнением. Это была самая обыкновенная черная шляпа, круглая, жесткая и сильно поношенная, с красной шелковой, сильно вылинявшей подкладкой. Названия магазина, в котором она была куплена, не значилось, но как уже говорил Холмс, на одной стороне виднелись инициалы «Г. Б.».

На краю шляпы была дырочка, очевидно, для резинки, придерживавшей шляпу, но самой резинки не оказалось. Вообще шляпа была рваная, сильно запыленная и вся в пятнах, хотя обладатель ее и старался скрыть последний недостаток, замазывая пятна чернилами.

— Не могу вывести никакого заключения, — сказал я, отдавая шляпу Холмсу.

— Напротив, Ватсон, вы могли бы вывести много заключений, — возразил он, — если бы только обдумали все хорошенько. Вы, просто, слишком робки.

— Ну, скажите, пожалуйста, что же можно вывести из осмотра этой шляпы?

Холмс взял ее в руки и оглядел ее со свойственным ему проницательным взглядом.

— Конечно, она могла бы иметь и более ясные признаки, — сказал он, — но все же она представляет известные характерные особенности, из которых можно вывести некоторые заключения, как определенные, так и вероятные. Очевидно, носивший ее человек вполне интеллигентный и обладавший, года три тому назад, известными средствами; теперь же находится в тяжелом положении. Прежде он был более предусмотрителен, чем в настоящее время, что указывает на нравственное падение и, в соединении с упадком благосостояния, говорит, что он находится под влиянием какого-либо порока, вероятно, пьянства. Этим же можно объяснить и то обстоятельство, что жена перестала его любить.

— Милый Холмс!..

— Все же он сохранил остатки самоуважения, — продолжал мой приятель, не обратив внимания на мое восклицание. — Он ведет сидячую жизнь, выходит из дому очень редко, так что совершенно отвык ходить. Это человек средних лет, волосы у него начинают седеть; он стригся на-днях и мажет голову помадой. Вот главные факты, которые можно вывести из осмотра его шляпы. Да еще: дом, в котором он живет, не освещается газом.

— Вы все шутите, Холмс!

— Нисколько. Неужели и теперь вы не понимаете, каким образом я достиг всех этих результатов?

— Вероятно, я очень глуп, но должен признаться, что не понимаю вас. Ну, из чего, например, вы вывели, что этот незнакомец — человек интеллигентный?

Вместо ответа, Холмс надел шляпу на голову. Она закрыла ему лоб и села на нос.

— Это вопрос кубического измерения, — проговорил он; — раз у человека такой череп, должно же в нем быть что-нибудь.

— А упадок благосостояния?

— Эта шляпа куплена три года тому назад. Тогда были в моде плоские поля с загнутыми краями. Шляпа — лучшего качества. Посмотрите на ленту и на прекрасную подкладку. Если человек три года тому назад был в состоянии купить подобного рода шляпу, а с тех пор не купил себе новой, то ясно, что средства его стали хуже.

— Конечно, это достаточно ясно. Ну, а как же насчет предусмотрительности и нравственного падения?

Шерлок Холмс рассмеялся.

— Вот где она предусмотрительность, — проговорил он, указывая на дырочку для резинки. — Это не продается со шляпами. Если незнакомец велел пришить резинку, то это признак известного рода предусмотрительности, так как он позаботился принять предосторожность на случай ветра. Но при этом мы видим, что, порвав резинку, он не заменил ее новой, и выводим из этого заключение, что он стал менее предусмотрительным, чем прежде, а это служит верным признаком того, что человек опустился. В то же время он старался скрыть пятна, замазывая их чернилами а это показывает, что он не потерял еще вполне самоуважения.

— Ваше рассуждение правильно.

— Что он человек средних лет, с седеющими, недавно подстриженными волосами и употребляет помаду, в этом

можно убедиться, пристально рассмотрев нижнюю часть подкладки шляпы. В лупу ясно видно множество кончиков волос, аккуратно подрезанных ножницами парикмахера. Все они прилипли к подкладке и пахнут помадой. Пыль на шляпе, как видите, не похожа на серую уличную пыль; это мелкая темная домашняя пыль. Пятна от влаги внутри шляпы положительно указывают на то, что обладатель ее сильно вспотел, а это, в свою очередь, служит признаком того, что он потерял привычку много ходить.

— А его жена?... Вы сказали, что она разлюбила его.

— Эта шляпа не чищена уже несколько недель. Если когда-нибудь я увижу у вас, мой милый Ватсон, в шляпе, на которой накопилось пыли за целую неделю, и ваша жена допустит вас выйти на улицу в таком виде, я подумаю, что, к сожалению, ваша жена разлюбила вас.

— Может-быть он холост.

— Нет, он нес гуся жене в знак примирения. Вспомните карточку, привязанную к ноге птицы.

— У вас на все найдется ответ. Но из чего вы вывели, что дом, в котором он живет, не освещается газом?

— Одно-два сальных пятна могут попасться случайно; но когда видишь штук пять таких пятен, то перестаешь сомневаться в том, что данному человеку приходится часто иметь дело с сальными свечами, по всей вероятности, пробираться ночью вверх по лестнице со шляпой в одной руке и с плывущей свечей в другой. От газового рожка не может быть сильных пятен. Ну-с, удовлетворились вы этими объяснениями?

— Они очень остроумны, — со смехом ответил я, — но так как, по вашим словам, тут нет ни преступления, ни вреда кому бы то ни было, за исключением потери гуся, то мне кажется, что вы только напрасно потратили энергию на это дело.

Шерлок Холмс только-что открыл рот, чтоб ответить мне, как дверь внезапно раскрылась, и в комнату влетел

посыльный Петерсон, с красным лицом и с видом полного изумления.

— Гусь то, м-р Холмс! Гусь, сэр! — с трудом проговорил он.

— Э? Что с ним? Ожил, что ли, и вылетел в окно кухни? — спросил Холмс, поворачиваясь на диване так, чтобы лучше рассмотреть взволнованное лицо Петерсона.

— Посмотрите, сэр! Взгляните, что жена нашла у него в зобу!

Он протянул руку. На ладони лежал сверкающий синий камень, с большую горошину величиной, но удивительной чистоты и блеска.

Шерлок Холмс приподнялся на диване и свистнул.

— Клянусь Юпитером, Петерсон, — сказал он, — это действительно драгоценная находка. Я думаю, вы знаете, что вы нашли?

— Брильянт сэр! Драгоценный камень! Он свободно разрежет стекло.

— Это не просто драгоценный камень. Это самый драгоценный камень.

— Неужели голубой карбункул графини Моркар? — вскрикнул я.

— Да, он! Мне ли не знать его величины и формы, когда все последнее время я читал в «Таймсе» объявление о его пропаже. Этот камень — единственный в своем роде; ценность его можно определить только приблизительно, но во всяком случае вознаграждение в тысячу фунтов не составляет и одной двадцатой его цены.

— Тысяча фунтов! Боже милостивый! Господи боже мой!

Посыльный опустился в кресло и беспомощно смотрел то на одного, то на другого из нас.

— Такова сумма объявленного вознаграждения, но у меня есть основание предполагать, что у графини имеются особые причины, в силу которых она готова отдать половину своего состояния, чтобы вернуть этот камень.

— Насколько я помню, он пропал в отеле «Космополитен» — заметил я.

— Именно так, двадцать второго декабря, пять дней тому назад. Подозрение пало на Джона Горнера, паяльщика. Говорили, что он украл камень из шкатулки графини. Улики против него настолько важны, что дело решено передать на слушание в будущую сессию. Вот здесь, кажется, отчет об этом случае.

Он стал перебирать газеты по числам и, найдя ту, которую искал, сложил ее вдвое и прочел следующую заметку:

«Отель «Космополитэн». Кража брильянтов. Джон Горнер, 26 лет, паяльщик, обвиняется в краже, 22 го числа текущего месяца, из шкатулки графини Моркар драгоценного камня, известного под названием «голубого карбункула». Джэмс Райдер, слуга в отеле, показал, что в день кражи он привел Горнера в уборную графини, чтобы починить решетку у камина. Он оставался в комнате впродолжение некоторого времени, но потом его вызвали по делу. По возвращении в комнату, он не нашел уже там Горнера. Бюро было открыто а маленький сафьянный футляр, в котором, как оказалось потом, графиня держала обыкновенно камень, лежал пустым на туалетном столе. Райдер сейчас же дал знать о происшествии, и Горнера арестовали в тот же вечер, но камня не нашли ни при нем, ни в его квартире. Катерина Кезак, горничная графини, показала, что, услышав отчаянный крик Райдера, когда он открыл покражу, вбежала в комнату и увидела все в том виде, в каком описывал свидетель. Полицейский инспектор Брэдстрит показал, что при аресте Горнер бешено отбивался и в сильнейших выражениях доказывал свою невинность. Так как подсудимый уже ранее судился за кражу, то судья отказался разбирать это дело и передал его суду присяжных. Горнер, все время выказывавший сильное волнение, упал в обморок при объявлении решения судьи и был вынесен из камеры».

— Гм? Вот сведения, собранные полицией, — задумчиво проговорил Холмс, швырнув газету. — Теперь нам предстоит решить вопрос, каким образом камень из шкатулки с драгоценностями очутился в зобу гуся. Видите, Ватсон, наши выводы внезапно приняли гораздо более внушительный и менее невинный вид. Вот камень: камень нашли в гусе, а гуся мы получили от м-ра Генри Бэкера, владельца старой шляпы и характеристикой которого я надоел вам. Итак, нам необходимо теперь найти этого господина и узнать его роль в этой тайне. Чтобы достигнуть этого, надо прибегнуть к самому простому способу, а именно — к объявлению во всех вечерних газетах. Если это не удастся, прибегну к другим способам.

— Как вы составите объявление?

— Дайте карандаш и клочек бумаги. Ну-с вот: «Найдены на углу улицы Гудж гусь и черная поярковая шляпа. М-р Генри Бэкер может получить означенные предметы, если явится в 6 ч. 30 м. сегодня вечером в улице Бэкер, д. 221. В.». Это коротко и ясно.

— Вполне. Но попадается ли ему на глаза это объявление?

— Ну, он, наверно, просматривает газеты, так как подобного рода потеря тяжела для бедного человека. Очевидно, он так испугался при виде разбитого стекла и приближения Петерсона, что думал только, как бы спастись бегством. Но впоследствии он, должно-быть, очень сожалел, что поддался страху и бросил птицу. Если же не прочтет сам, то кто-нибудь из его знакомых обратит внимание на объявление и скажет ему. Петерсон, сбегайте-ка в бюро объявлений и скажите, чтобы поместили эту заметку в вечерних газетах.

— В каких, сэр?

— Да во всех, какие только вам придут на память.

— Очень хорошо, сэр. А как насчет камня?

— Ах, да. Камень останется у меня. Благодарю вас. Знаете что, Петерсон, купите-ка вы на обратном пути гуся

и принесите его мне. Надо же дать этому джентльмену гуся взамен того, которого кушает в настоящую минуту ваша семья.

Когда Петерсон вышел из комнаты, Холмс взял камень и стал рассматривать его на свет.

— Славный камешек, — проговорил он. — Посмотрите, как он переливается и сверкает. Он причина многих преступлений, как и всякий хороший драгоценный камень. Это — любимые приманки дьявола. Каждая грань старинных больших драгоценных камней может свидетельствовать о кровавом деле. Этому камню не более двадцати лет. Он был найден на берегах реки Амой в Южном Китае и замечателен тем, что обладает всеми свойствами карбункула, за исключением того, что, вместо красного, он голубого света. Несмотря на молодость этого камня, с ним связано много ужасных историй. Из-за него совершено два убийства, самоубийство и несколько краж, кого-то облили серной кислотой, и все из за кусочка кристаллического камня весом в сорок гран. Можно ли подумать, что такая хорошенькая игрушка ведет к виселице и тюрьме? Я спрячу камень в шкатулку и напишу графине, что он находится у меня.

— Вы думает, что Горнер невинен?

— Не могу ничего сказать.

— Ну, так вы думаете, что Генри Бэкер причастен к этому делу?

— Я считаю весьма вероятным, что Генри Бэкер и не подозревал, что гусь, которого он нес, стоит дороже, чем если бы был сделан весь из золота. В этом, впрочем, можно будет легко убедиться, если мы получим ответ на наше объявление.

— А до тех пор вы ничего не можете сделать?

— Ничего.

— В таком случае я пойду навещать моих больных. Но вечером я приду в назначенный вами час. Мне интересно узнать, чем разрешится это запутанное дело.

— Буду очень рад. Я обедаю в семь часов. Кажется, будет куропатка. Между прочим, в виду недавних событий, не попросить ли м-с Гудзон, чтобы она хорошенько осмотрела ее зоб?

Меня несколько задержали, и было уже более половины седьмого, когда я вернулся в улицу Бэкер. Подойдя к дому, я заметил у подъезда высокого человека в шотландской шапочке, в пальто, застегнутом до самого подбородца. Дверь отперли как раз в ту минуту, когда подошел я, и мы вместе с незнакомцем вошли в комнату Холмса?

— М-р Генри Бэкер, не правда ли? — сказал Холмс, вставая с кресла и обращаясь к посетителю с тем радушным видом, какой он умел принимать, когда хотел. — Присядьте к камину, м-р Бэкер. Вечер холодный, а вы, должно-быть, более любите лето, чем зиму. А, Ватсон! Вы пришли как раз во-время. Это ваша шляпа, м-р Бэкер?

— Да, сэр; несомненно, это моя шляпа.

Бэкер был высокий человек, с широкими плечами, массивной головой, широким умным лицом, обрамленным остроконечной бородкой каштанового с проседью цвета. Несколько красный нос и щеки и легкое дрожание протянутой руки подтверждали мнение Холмса насчет образа жизни. Порыжевшее черное пальто было застегнуто наглухо, воротник поднят, худые руки выглядывали из рукавов, при чем не было и следа белья. Он говорил тихим отрывистым голосом, старательно подбирая слова и вообще производил впечатление образованного человека, которому не повезло в жизни.

— Мы продержали ваши вещи несколько дней, ожидая объявления о потере с указанием вашего адреса, — сказал Холмс. — Не понимаю, почему вы не сделали этого.

Посетитель засмеялся с несколько сконфуженным видом.

— В настоящее время денег у меня не так много, как бывало прежде, — заметил он. — Я не сомневался, что напавшие на меня бродяги унесли шляпу и гуся, и не хотел понапрасну тратить денег на разыскание их.

— Весьма понятно. Между прочим, гуся мы вынуждены были съесть.

— Съесть!

Бэкер в волнении приподнялся со стула.

— Да, иного не оставалось ничего сделать. Но я думаю, что вот этот гусь на буфете, почти той же величины и совершенно свежий, может вознаградить вас за потерю того.

— О, конечно, конечно! — со вздохом облегчения проговорил мистер Бэкер.

— У нас остались перья, ножки, зоб и прочие остатки вашего гуся, поэтому если желаете...

Бэкер громко расхохотался.

— Они могли бы пригодиться мне разве как воспоминания о моем приключении, — сказал он, — но, во всяком другом отношении, не знаю, чем могли бы «disjecta membra» моего недавнего знакомца быть полезными мне. Нет, сэр, с вашего позволения я перенесу все мое внимание на превосходную птицу на буфете.

Шерлок Холмс зорко взглянул на меня и слегка пожал плечами.

— Вот ваша шляпа и ваша птица, — сказал он. — Между прочим, не можете ли вы сказать мне, где вы купили вашего гуся? Я несколько смыслю в этом и редко видел лучший экземпляр.

— Отчего же нет, — ответил Бэкер. Он встал и взял под мышку свою вновь приобретенную собственность. — Я с несколькими моими приятелями часто бываю в трактире «Альфа», вблизи музея — днем мы должны бывать в музее. В этом году хозяин трактира Виндмэт основал «гусиный клуб». Мы должны были платить по несколько пенсов в неделю и получить к Рождеству гуся. Я аккуратно выплачивал мои пенсы — остальное известно вам. Весьма обязан вам, сэр, так как шотландская шапочка не идет ни к моим годам, ни к моему серьезному виду.

Он поклонился нам с комически торжественным видом и вышел из комнаты.

— Вот и покончили с мистером Генри Бэкером, — сказал Холмс, запирая дверь за посетителем. — Очевидно, он ничего не знает. Вы голодны, Ватсон?

— Не особенно.

— Так я предлагаю вам превратить обед в ужин и пойти по горячим следам.

— С удовольствием.

Ночь стояла холодная Мы надели теплые шубы и обвязали шеи шарфами. Звезды холодно сияли на безоблачном небе. Дыхание прохожих превращалось в пар. Наши шаги гулко раздавались по улицам. Через четверть часа мы очутились в Блумебёри, в «Альфе» — маленьком кабачке, на углу одной из улиц, ведущих в Хольборну. Холмс вошел в зал и приказал краснощекому хозяину в белом переднике подать два стакана пива.

— Если ваше пиво также хорошо, как ваши гуси, то оно должно быть превосходным, — сказал он.

— Мои гуси! — с видимым удивлением сказал трактирщик.

— Да. Полчаса тому назад я говорил с мистером Генри Бэкером, членом вашего «гусиного клуба».

— Ах, вот что! Но видите, сэр, гуси-то не наши.

— В самом деле? Чьи же они?

— Я купил две дюжины у одного торговца на Ковентгарденском рынке.

— Вот что! А как его фамилия? Я знаю там несколько торговцев.

— Брекинридж.

— А! Этого не знаю. Ну, за ваше здоровье, хозяин Желаю вам счастья! Спокойной ночи!

— Ну-с, теперь к мистеру Брекинриджу, — проговорил Шерлок Холмс, закутываясь в шубу, когда мы вышли на мороз. — Помните, Ватсон, что если с одной стороны мы имеем дело с таким прозаичным предметом, как гусь, то с другой — с человеком, которому угрожает семь лет каторжных работ, если нам не удастся доказать его невин-

ность. Быть-может, наши исследования только докажут его вину; во всяком случае, у нас есть возможность собрать сведения, которые упустила полиция, а странная случайность предала их нам в руки. Пойдем же по этому пути до горького конца. Итак, марш на юг.

Мы прошли по Хольборну, по улице Энделль и по извилистым, грязным переулкам вышли к Ковентгарденскому рынку. Над одной из самых больших лавок красовалась фамилия Брекинриджа. Хозяин, человек с резкими чертами лица и расчесанными бакенбардами, помогал мальчику запирать ставни.

— Добрый вечер. И холодно же сегодня, — сказал Холмс.

Торговец утвердительно кивнул головой и вопросительно посмотрел на моего приятеля.

— Как вижу, гуси-то распроданы, — продолжал Холмс, указывая на пустой мраморный прилавок.

— Завтра утром могу доставить вам пятьсот штук.

— Да, но это уже будет поздно.

— Вот там, в лавке, где горит газ, есть еще гуси.

— Но меня послали именно к вам.

— Кто послал?

— Хозяин «Альфы».

— О, да; я продал ему две дюжины гусей.

— Славные были птицы; откуда вы добыли их?

К моему удивлению, вопрос этот вызвал взрыв гнева торговца.

— Ну-с, мистер, — сказал он, закидывая голову и скрещивая на груди руки. — К чему это вы клоните? Говорите прямо.

— Да я говорю достаточно прямо. Мне хотелось бы знать, кто продал вам гусей, которых вы доставили в трактир.

— Не скажу, вот и все!

— Ну, и не надо; не понимаю только, чего вы горячитесь из-за такой безделицы.

— Разгорячишься тут, когда надоедают так с этими гусями. Казалось бы, заплатил хорошие деньги за хороший товар, и дело с концом. Так нет: «Где гуси?» «Кому вы продали гусей?», да «Что вы возьмете за этих гусей?» Можно подумать, что это единственные гуси на свете по тому, как носятся с ними.

— Ну, я не имею никакого отношения к тем, кто расспрашивал вас, — небрежно проговорил Холмс. — Если вы не скажете мне, то пари не состоится — вот и все. Я всегда люблю поспорить насчет дичи и теперь держу пари на пять шиллингов, что гусь, которого я ел, был деревенский.

— Ну, и проиграли, потому что он был откормлен в городе, — выпалил торговец.

— Не может быть!

— Говорю вам, что это так.

— Не верю.

— Уж не думаете ли вы, что смыслите больше меня, который возится с гусями с самого детства? Говорю вам, что все гуси, посланные в «Альфу», откормлены в городе.

— Вам не убедить меня в этом.

— Хотите держать пари?

— Это значило бы просто взять у вас деньги, так как я уверен, что прав. Но я все же буду держать с вами на соверен, чтобы отучить вас от упрямства.

Торговец сердито рассмеялся.

— Принеси книги, Билль, — сказал он.

Мальчик принес одну маленькую тонкую книгу и другую большую засаленную и положил их под висячей лампой.

— Ну-с, вы, самоуверенный господинчик, — сказал торговец, — я думал, что на сегодня уже покончил с гусями, а выходит, что здесь оказывается еще один. Видите эту маленькую книгу?

— Ну, что же?

— Это список тех, у кого я покупаю товар. Понимаете! Вот на этой странице фамилии продавцов из деревень, а цифры рядом с ними показывают страницу боль-

шой книги, где ведутся их счета. Ну, вот! Видите страницу, написанную красными чернилами? Тут фамилии многих городских поставщиков. Взгляните вот на эту и прочтите мне ее вслух.

«Миссис Окшот, 117, Брикстонская дорога, 249», — прочел Холмс.

— Совершенно верно. Теперь отыщите соответствующую страницу в большой книге.

Холмс нашел страницу.

— Ну, вот видите: «Миссис Окшот, 117, Брикстонская дорога, торговка дичью и яйцами».

— Что тут записано?

— 22-го декабря 24 гуся по 7 шил. 6 п.».

— Совершенно верно. А внизу?

«Проданы м-ру Виндигэту, хозяину трактира «Альфа» по 12 ш.».

— Ну, что вы теперь скажете?

Шерлок Холмс казался сильно огорченным. Он вынул из кармана соверен, бросил его на выручку и вышел из лавки с видом человека, слишком рассерженного для того, чтобы выговорить хоть слово. Пройдя несколько шагов, он остановился у фонарного столба и рассмеялся своим особенным беззвучным смехом.

— Если видите человека с такими баками и с клочком красного платка, торчащим из кармана, то можете всегда разузнать от него, что угодно, предложив ему пари, — сказал он. — Если бы я выложил перед этим человеком сто фунтов за то, чтобы он сообщил мне нужные сведения, я не узнал бы того, что он рассказал мне, приняв мое пари. Ну, Ватсон, мне кажется, мы приближаемся к цели. Остается только решить, отправимся ли мы к миссис Окшот сегодня или отложим этот визит до завтра. Из слов этого грубияна ясно, что и другие, кроме нас, озабочены этим делом, и я бы хотел...

Слова его были внезапно прерваны громким шумом, раздавшимся из лавки, из которой мы только что вышли.

Мы оглянулись и увидели маленького человочка, лицом похожего на крысу. Он стоял в центре круга желтого света, падавшего от раскачивающейся лампы, а Брекинридж, стоя в дверях своего магазина, яростно грозил ему руками.

— Довольно с меня вас и ваших гусей! — кричал он. — Убирайтесь все к чорту! Если вы еще раз придете надоедать мне своей глупой болтовней, я выпущу на вас собаку. Приведите миссис Окшот, ей я отвечу, а вы-то при чем? У вас, что ли, я купил этих гусей?

— Нет, но один из них принадлежал мне, — жалобно проговорил человечек.

— Ну, так и спрашивайте его у миссис Окшот.

— Она велела мне спросить у вас.

— Мне-то что за дело? Спрашивайте хоть самого прусского короля. Надоело мне все это. Убирайтесь отсюда!

Он бешено бросился вперед, и человечек исчез в темноте.

— Ага, нам, может-быть, не зачем итти к миссис Окшот, — шепнул Холмс. — Пойдем посмотрим, что можно узнать от этого молодца.

Мой спутник быстро прошел между рассеянными кучками людей, глазевших на освещенные витрины магазинов, нагнал человечка и хлопнул его по плечу. Тот поспешно обернулся. При свете газового рожка я заметил, как всякая краска сбежала с его лица.

— Кто вы такой? Что вам от меня нужно? — дрожащим голосом проговорил он.

— Извините меня, — любезно проговорил Холмс. — Я нечаянно услышал вопросы, которые вы предлагали хозяину этой лавки, и думаю, что мог бы быть полезен вам.

— Вы? Кто вы? Как можете вы знать что-нибудь об этом деле?

— Меня зовут Шерлок Холмс. Мое дело заключается в том, чтобы знать то, чего не знают другие.

— Но этого вы не можете знать!

— Извините, я знаю все. Вы стараетесь узнать, куда попали некоторые из гусей, проданных миссис Окшот, живущей по Бриксенской дороге, торговцу, по фамилии Брекенридж, который, в свою очередь, продал их м-ру Виндигэту, хозяину трактира «Альфа», а тот перепродал их клубу, членом которого состоит м-р Генри Бэкер.

— О, сэр, вы именно тот человек, которого я так жаждал встретить! — крикнул человечек, протягивая руки, пальцы которых сильно дрожали. — Не могу сказать вам, насколько я заинтересован этим делом.

Шерлок Холмс подозвал проезжавший мимо кэб.

— В таком случае, нам лучше переговорить в уютной комнате, чем здесь на рынке, где так продувает ветром, — сказал он. — Но прежде, чем мы отправимся, скажите, пожалуйста, кому я буду иметь удовольствие помочь моим советом.

Человечек колебался одно мгновение.

— Я — Джон Робинзон, — сказал он, смотря в сторону.

— Нет, нет; скажите ваше настоящее имя, — любезно заметил Холмс. — В серьезном деле вымышленная фамилия не удобна.

Румянец вспыхнул на бледных щеках незнакомца.

— Ну, извольте: настоящая моя фамилия Джэмс Райдер.

— Отлично. Вы служили в отеле «Космополитэн». Пожалуйста, садитесь в кэб, и я скажу вам все, что вы желаете знать.

Человек смотрел то на одного, то на другого из нас глазами полными испуга и надежды, как бы недоумевая, что ожидает его — счастье или беда. Наконец, он решился, и через полчаса мы уже входили в гостиную улицы Бэкер. Во время поездки мы все молчали; только прерывистое дыхание нашего спутника нарушало это молчание.

— Вот и приехали! — весело проговорил Холмс, когда мы вошли в комнату. — Приятно видеть горящий камин

в такую погоду. Вам, кажется, холодно м-р Джэмс Райдер? Присядьте, пожалуйста, на этот стул. Я только надену туфли, и затем мы займемся вашим дельцем. Ну, вот! Вы желаете узнать, что сталось с теми гусями?

— Да, сэр.

— Или, вернее, с одним из гусей. Ведь вам интересен только один гусь — белый с черной полосой на хвосте.

Райдер задрожал от волнения,

— О, сэр! — вскрикнул он, — можете мне сказать, куда он попал?

— Сюда.

— Сюда?

— Да и замечательнейшая же это была птица! Не удивляюсь, что она так интересует вас. После смерти она снесла яйцо — прелестнейшее, блестящее синее яичко. Оно у меня здесь, в моем музее.

Посетитель, шатаясь, поднялся со стула и схватился рукой за доску камина. Холмс открыл шкатулку и вынул оттуда голубой карбункул. Камень сверкал, словно звезда, холодным ярким светом. Райдер смотрел на него с вытянутым лицом, не зная на что решиться: потребовать ли камень, или отречься от него.

— Дело проиграно, Райдер, — спокойно проговорил Холмс. — Осторожней, не то упадете в огонь. Поддержите его и посадите в кресло, Ватсон: он недостаточно силен для того, чтоб безнаказанно мошенничать. Дайте ему глотнуть водки. Вот так! Теперь он принял более человеческий образ. Что за карапузик!

Под влиянием водки Райдер несколько пришел в себя после первого мгновения, когда он пошатнулся и упал бы, если бы я не поддержал его. Легкая краска показалась на его щеках. Он сидел, устремив полные страха глаза на своего обвинителя.

— У меня в руках почти все звенья и все доказательства дела, так что вам почти нечего прибавить к нему. Но все же для полного объяснения нужно знать и не-

многое, еще неизвестное мне. Вам пришлось слышать о голубом камне графини Моркар?

— Да. Мне сказала о нем Катерина Кезак, — ответил Райдер надтреснутым голосом.

— Понимаю. Горничная графини. Ну, вы, как и многие получше вас, не устояли перед искушением внезапно разбогатеть и не задумывались над средством приобрести богатство. Знаете, что, Райдер, ведь в вас все задатки отменного негодяя. Вам было известно, что паяльщик Горнер был однажды замешан в подобного рода истории, и потому подозрение падет на него. Что же вы делаете? Вы — со своей соучастницей Кезак — испортили решетку в камине и послали за Горнером, чтобы он починил ее. Потом, когда он ушел, вы ограбили шкатулку с драгоценностями, подняли крик, несчастного арестовали. Тогда вы...

Райдер внезапно опустился на ковер и охватил колени Холмса.

— Ради бога, сжальтесь надо мною! — вскрикнул он. — Подумайте о моем отце, о моей матери. Это разобьет им сердце. Со мной никогда не случалось ничего подобного и никогда не случится и впредь. Клянусь вам! Я поклянусь на Библии. О, не предавайте меня суду! Ради Христа, не предавайте!

— Садитесь на место, — сурово проговорил Холмс. — Теперь вы унижаетесь и ползаете передо мной, а прежде не думали о бедном Горнере, который должен был отвечать за преступление, о котором ничего не знал.

— Я могу бежать, мистер Холмс. Я могу покинуть Англию, сэр. Тогда его невинность будет установлена, и его оправдают.

— Гм! Мы потом поговорим об этом, а теперь расскажите дальнейший ход дела. Каким образом камень попал в гуся, а гусь очутился на рынке? Расскажите всю правду, так как только правда может спасти вас.

Райдер облизнул свои пересохшие губы.

— Я расскажу вам все, сэр, — сказал он. — Когда Горнера арестовали, я подумал, что мне нужно, как можно скорее, убраться прочь, так как полиция могла обыскать меня и мою комнату. В гостинице я не чувствовал себя в безопасности. Тогда я ушел, как-будто по делу, и отправился к моей сестре. Она вышла замуж за некоего Окшота, живет по Брикстонской дороге и занимается тем, что откармливает гусей и продает их. Каждый встречный по дороге казался мне полицейским или сыщиком. Несмотря на холодный вечер, пот у меня катился градом, когда я пришел к сестре. Она спросила меня, что со мной, почему я так бледен. Я ответил, что у нас случилась покража, которая сильно взволновала меня. Потом я пошел во двор, закурил трубку и стал размышлять о том, что делать дальше.

«У меня был приятель, некто Модслей, который только что отбыл наказание в Пентонвиле. Как-то раз мы встретились с ним, и он рассказал мне о разных проделках воров и о том, как они сбывают краденые вещи. Я знал, что он не выдаст меня, так как мне известны некоторые из его грешков, и потому решил идти к нему, в Кильбурн, и открыть ему мою тайну. Он научит меня, как обратить камень в деньги. Но как добраться до него? Мне вспомнились муки, которые я вытерпел, когда шел из отеля. Меня могли схватить, обыскать и найти камень в кармане жилета. Я стоял, прислонясь к стене, и рассеянно смотрел на гусей, бродивших по двору. Внезапно в голове моей мелькнула мысль, как провести самого искусного сыщика.

«Несколько недель тому назад сестра сказала мне, что я могу выбрать себе в подарок к Рождеству любого из ее гусей. Я знал, что она всегда исполняет свои обещания, а потому решил взять одного из гусей и унести в нем камень. На дворе был маленький сарай; я загнал туда гуся — славную, большую птицу с полосатым хвостом. Я поймал его, открыл ему клюв и засунул туда камень

как можно дальше. Гусь проглотил его, и я заметил, как камень прошел в зоб. Но гус стал биться и хлопать крыльями. На этот шум вышла сестра. Я обернулся к ней; противная птица воспользовалась этим и порхнула к остальным.

«— Что ты тут делаешь, Джэмс? — говорит сестра.

«— Ты обещала мне гуся к празднику, — отвечаю я, — ну, вот я и проб вал, который из них пожирнее.

«— О, — говорит она, — мы оставили гуся для тебя, так и зовем его «гусь Джэмса». Всех их у нас двадцать шесть штук: один для тебя, один для нас и две дюжины для продажи.

«— Спасибо, Мэгги, — говорю я, — но если тебе все равно, я хотел бы получить того, которого пробовал.

«— Тот, которого мы откармливали для тебя весит на три фунта больше, — говорит она.

«— Ничего. Мне хочется иметь этого, и я возьму его сейчас с собой.

«Сестра немного надулась.

«— О, бери какого хочешь, — говорит она. — Которого же?

«— Вот того, что в средине стада; белого, с полосатым хвостом.

«— О, хорошо. Так убей его и бери с собой.

«Я так и сделал, мистер Холмс, и отнес гуся в Кильбурн. Там я рассказал моему вриятелю о своей проделке. Ему-то легко было рассказывать. Он хохотал так, что чуть не задохся от смеха. Потом мы взяли нож и разрезали птицу. Сердце у меня так и упало: камня и следа не было, и я понял, что произошла какая-то страшная ошибка. Я бросил гуся, побежал к сестре и бросился во двор. Там не было ни одного гуся.

«— Где все гуси, Мэгги? — крикнул я.

«— Отправлены к торговцу.

«— Какому торговцу?

«— Брекинриджу, на Ковентгарденском рынке.

«— А был у тебя другой гусь с полосатым хвостов, похожий на выбранного мною? — спросил я.

«— Да, Джэмс, их было двое с такими хвостами, и я никак не могла различить их.

«Ну, конечно, я понял все и пустился во весь дух к Брекинриджу; но он уже продал всех гусей и ни за что не хотел сказать мне, кому. Вы сами слышали, как он говорил со мной. Ну, так вот он все время отвечал так на мои вопросы. Сестра думала, что я схожу с ума. Иногда мне это и самому кажется. А теперь... теперь я уличенный вор, хотя даже и не пользовался той вещью, ради которой погубил свое доброе имя. Боже, помоги мне!»

Он судорожно зарыдал, закрыв лицо руками.

Наступило долгое молчание, прерываемое только тяжелыми вздохами Райдера и мерным постукиванием пальцев Холмса о край стола. Вдруг мой приятель встал и растворил дверь.

— Убирайтесь, — проговорил он.

— Как, сэр!? О, да благословит вас небо!

Больше ничего не было сказано. Райдер стремительно выбежал из комнаты. Его шаги раздались по лестнице; послышался стук захлопнутой внизу двери и топот быстро удалявшихся ног.

— В сущности, Ватсон, полиция не нанимала ведь меня для того, чтоб я исправлял ее ошибки, — сказал Холмс, протягивая руку к глиняной трубке. — Другое дело, если бы Горнеру угрожала опасность, но этот парень не выступит обвинителем, и обвинение рушится само собой. Может-быть, я делаюсь соучастником мошенника, но очень возможно, что спасаю душу. Этот человек не поступит так в другой раз: слишком он уже напуган. Если засадить его теперь в тюрьму, он станет постоянным ее обитателем. К тому же теперь праздники — такое время, что надо прощать. Случайно мы наткнулись на странное происшествие, и разрешение его составляет награду само по себе. Если вы позволите, доктор, мы займемся другим исследованием, в котором птица будет тоже играть главную роль.

ПЕСТРАЯ ЛЕНТА.

Просматривая записанные мною многочисленные приключения, которые я наблюдал в продолжение тех восьми лет, что следил за похождениями моего друга Шерлока Холмса, я нахожу между ними много трагических, несколько комических и большинство странных, но ни одного банального. Это происходит оттого, что он занимался своим делом из любви к искусству, а не из-за денег, и потому отказывался от всяких розысков, не имевших в себе чего-либо особенного или даже фантастического. Изо всех записанных мною случаев едва ли не самым интересным является история с Ройлоттами из Сток-Морэна. Происшествие это случилось в первые годы моего знакомства с Шерлоком Холмсом, когда я был еще холост и мы жили вместе на улице Бэкер. Я описал бы этот случай и раньше, если бы не дал одной даме обещания хранить его в тайне. Только ее преждевременная смерть несколько месяцев тому назад освободила меня от этого обязательства. Пожалуй, и хорошо, что можно, наконец, разъяснить эту историю, так как слухи, ходящие о смерти доктора Гримсби Ройлотт, представляют дело еще ужаснее, чем оно было на самом деле.

Проснувшись в одно прекрасное апрельское утро 1883 г., я увидел Шерлока Холмса, стоявшего совершенно одетым у моей постели. Я невольно удивился, так как было четверть восьмого, а Холмс вообще вставал поздно; я взглянул

на него с изумлением и даже с неудовольствием, так как не любил, чтобы нарушали мои привычки.

— Очень жалею, что приходится будить вас, Ватсон,— сказал Холмс, — но так уже суждено сегодня всем нам. Разбудили м-с Гудзон, она меня, а я вас.

— Что же случилось? Пожар что ли?

— Нет, клиент. Явилась какая-то барышня, чрезвычайно взволнованная, и непременно желает видеть меня. Она—в гостиной. Знаете, если молодые барышни в такой ранний час бродят по столице и будят спящих, то, вероятно, хотят сообщить что-нибудь особенно важное. Если дело окажется интересное, вы, наверно, захотите принять в нем участие. Поэтому-то я и решил разбудить вас.

— Благодарю вас, мой друг. Мне было бы жаль пропустить интересный случай.

Ничто в жизни не доставляло мне такого удовольствия, как возможность наблюдать за Шерлоком и восхищаться его быстрыми выводами, всегда основанными на логике. Я быстро оделся, и через несколько минут мы входили в гостиную. Сидевшая у окна дама, в черном платье и под густой вуалью, встала, увидя нас.

— Доброго утра, сударыня, — весело сказал Холмс. — Я — Шерлок Холмс. Это мой друг и компаньон доктор Ватсон. Вы можете все рассказывать при нем так же свободно, как и при мне. Ага, я рад, что м-с Гудзон догадалась затопить камин. Пожалуйста, сядьте поближе к огню; я велю подать вам чашку горячего кофе. Вы дрожите.

— Я дрожу не от холода, — тихо проговорила дама, садясь к камину.

— От чего же?

— От страха, от ужаса, м-р Холмс.

При этих словах она подняла вуаль, и мы увидели взволнованное, бледное лицо с беспокойными, испуганными глазами, похожими на глаза животного, которого преследуют охотники. По лицу и фигуре ей было лет тридцать, но в волосах пробивалась седина, а вся она

казалась усталой и изможденной. Холмс окинул ее своим проницательным взглядом.

— Не бойтесь,—проговорил он, наклоняясь и ласково потрепав ее по руке. — Мы поправим все дело, я уверен в этом. Вы приехали с утренним поездом.

— Разве вы знаете меня?

— Нет, но я вижу у вас обратный билет в левой перчатке. Вы рано выехали, и вам пришлось ехать до станции в тарантасе по тяжелой дороге.

Барышня вздрогнула и с изумлением взглянула на моего приятеля.

— Тут нет ничего таинственного,—улыбаясь проговорил он. — На левом рукаве вашей кофточки, по крайней мере, семь пятен от грязи. Пятна совсем свежие. Так забрызгаться можно, только сидя в тарантасе, и то по левую сторону кучера.

— Вы правы,—сказала барышня.—Я выехала из дома раньше шести часов, в Лезэргэде была в двадцать минут седьмого и отправилась с первым поездом в Ватерлоо. Сэр, я не могу больше вынести этого, я с ума сойду. Мне не к кому обратиться... Есть один человек, который любит меня, но он, бедный, немногое может сделать для меня. Я слышала о вас от миссис Фаринтош, которой вы помогли в тяжком горе. Она дала мне ваш адрес. О, сэр! Не можете ли вы помочь мне или, по крайней мере, пролить хоть немного света в окружающий меня густой мрак? В настоящее время я ничем не могу вознаградить вас, но через месяц—два я выйду замуж, тогда я могу располагать своим состоянием, и вы увидите, что я не окажусь неблагодарной.

Холмс подошел к письменному столу, открыл его и вынул оттуда маленькую записную книжку.

— Фаринтош,—проговорил он.—Ах, да, помню этот случай; дело шло о диадеме из опалов. Кажется, это было раньше нашего знакомства, Ватсон. Что же касается вознаграждения, то сама моя деятельность служит мне

вознаграждением; но вы можете возместить расходы, когда это будет удобно вам. А теперь прошу вас рассказать все, что может служить для выяснения дела.

— Увы, — ответила наша посетительница. — Весь ужас моего положения состоит именно в том, что мои страхи так неопределенны, а подозрения основаны на таких мелочах, которые кажутся ничтожными всем другим. Даже тот, от кого я могу ожидать помощи и совета, смотрит на то, что я рассказываю ему, как на фантазию нервной женщины. Он ничего не говорит, но я читаю это в его успокоительных ответах и во взгляде, которым он смотрит на меня во время моего рассказа. Но я слышала, м-р Холмс, что вы умеете заглянуть в глубину души всякого злого человека. Вы можете посоветовать, что делать мне среди окружающих меня опасностей.

— Я весь внимание, сударыня.

— Меня зовут Елена Стопер. Я живу с отчимом, последним представителем одной из старейших саксонских фамилий в Англии — Ройлоттов из Сток-Морэна, на западной границе графства Серрей.

Холмс кивнул головой.

— Я слышал эту фамилию,—сказал он.

— В былое время Ройлотты были одними из богатейших людей Англии, имения их простирались до Бэр шира на севере и Гэмпшира на западе. Но в прошлом столетии четыре поколения вели расточительный, распутный образ жизни, а во время регентства фамилия окончательно разорилась, благодаря страсти к игре одного из ее членов. Осталось только несколько акров земли да старинный двухсотлетний дом, заложенный и перезаложенный. Последний владелец влачил там жалкую жизнь нищего аристократа; его единственный сын, мой отчим, видя необходимость примениться к новым условиям, занял денег у одного из своих родственников, выдержал экзамен на доктора и уехал в Калькутту. Благодаря своему искусству и силе характера, он составил себе там большую практику. В при-

падке гнева, вызванного какой-то кражей в доме, он избил до смерти своего слугу-туземца и едва избежал смертной казни за убийство. Ему долго пришлось сидеть в тюрьме. В Англию он возвратился угрюмым, разочарованным человеком.

«В Индии доктор Ройлотт женился на моей матери, миссис Стонер, молодой вдове генерала-майора бенгальской артиллерии; сестра моя Юлия и я были близнецами. Нам было лишь по два года, когда мать вышла замуж во второй раз. У нее было значительное состояние, около тысячи фунтов дохода. Весь этот доход она отказала д-ру Ройлотту с условием, что будет получать его полностью, пока мы живем с ним; в случае же замужества которой-либо из нас, он должен выдавать нам ежегодно известную сумму. Мать умерла вскоре после нашего возвращения в Англию; она погибла восемь лет тому назад при крушении поезда вблизи Кру. Доктор Ройлотт отказался от намерения составить себе практику в Лондоне и уехал с нами в свое родовое поместье — Сток-Морэн. Денег, оставленных матерью, хватало на все наши нужды, и казалось, мы могли жить счастливо.

«Но как раз в это время страшная перемена произошла в отчиме. Вместо того, чтобы завести знакомство с соседями, которые, в первое время, были очень довольны возвращением последнего из Ройлоттов в его родовое имение, он заперся у себя в доме и редко выходил оттуда, а если и выезжал, то сейчас же затевал крупную ссору с кем ни попало. Вспыльчивость, доходившая почти до мании, была в характере всех Ройлоттов; в отчиме же, я думаю, она еще усилилась вследствие долговременного пребывания в тропическом климате. Произошло множество безобразных столкновений, два из которых закончились разбирательством в суде. Наконец, он навел такой ужас на деревенских жителей, что все разбегались при его появлении, так как он человек страшной силы и необузданной вспыльчивости.

«На прошлой неделе он сбросил местного кузнеца с моста в реку, и мне едва удалось замять дело, отдав деньги, какие были у меня. Единственные его друзья—бродячие цыгане. Им он позволяет раскидывать шатры на своей земле и иногда живет у них в шатрах и даже уходит с ними на несколько недель. Он очень любит индийских животных, которых присылают ему из Индии. В настоящее время у него есть павиан и пантера, которые бегают повсюду, наводя на поселян страх, какой наводит на них их хозяин.

«Из моих слов вы можете заключить, что нам с Юлией жилось не весело. Прислуга не хотела жить у нас, и долгое время мы принуждены были делать все сами. Ей было только тридцать лет, когда она умерла, но волосы у нее начинали седеть, как теперь у меня».

— Так ваша сестра умерла?

— Она умерла два года тому назад. Вот о ее смерти я и хочу поговорить с вами. Вы понимаете, что при том образе жизни, который мы вели, нам не приходилось встречаться с людьми наших лет и нашего положения. Но у нас есть тетка, незамужняя сестра моей матери, мисс Гонория Вестфейль, и мы иногда гостили у нее. Она живет вблизи Гарроу. Юлия была у нее два года тому назад на Рождестве, познакомилась там с одним отставным морским офицером и обручилась с ним. Когда она вернулась, то сказала об этом отчиму; он не был против ее замужества; но за две недели до свадьбы случилось ужасное происшествие, лишившее меня моей единственной подруги.

Шерлок Холмс сидел в кресле, откинувшись назад и опустив глаза. Теперь он полуоткрыл их и взглянул на посетительницу.

— Пожалуйста, расскажите все подробности.

— Мне легко это сделать, так как все, что произошло в это ужасное время, запечатлелось в моей памяти. Дом, как я уже говорила вам, очень стар, и для житья годен

только один флигель. Спальни находятся в нижнем этаже, остальные комнаты — в центре здания. Первая - спальня доктора Райлотта, вторая — моей сестры, третья — моя. Между этими комнатами нет сообщения, но все они выходят в один коридор. Ясно ли я выражаюсь?

— Вполне.

— Окна всех трех комнат выходят на лужайку. В эту роковую ночь д-р Ройлотт рано ушел к себе, хотя мы знали, что он еще не ложился, так как до сестры доносился запах крепких индийских сигар, которые он обыкновенно курил. Она пришла ко мне и просидела несколько времени, болтая о предстоящей свадьбе. В одиннадцать часов она встала и пошла к двери, но вдруг остановилась и спросила меня:

— Елена ты никогда ночью не слышишь свиста?

— Никогда, — ответила я.

— Не может быть, чтобы ты свистела во сне, не правда ли?

— Конечно, нет. Почему ты спрашиваешь это?

— Потому что, вот уже несколько дней, около трех часов утра я слышу тихий свист. Я сплю очень чутко и просыпаюсь от этого свиста. Не знаю, откуда он доносится — из соседней комнаты или с лужайки. Я хотела спросить тебя, не слышала ли ты этого свиста.

— Нет. Должно быть, это свистят противные цыгане.

— Очень вероятно. Но удивляюсь, как это ты не слышала.

— Я сплю крепче тебя.

— Ну, во всяком случае, это пустяки, — с улыбкой проговорила она, заперла мою дверь, и вскоре я услышала, как щелкнул ключ в замке ее комнаты».

— Вы всегда запираетесь на ночь? — спросил Холмс.

— Всегда.

— Почему?

— Я, кажется, уже говорила вам, что доктор держит павиана и пантеру. Мы чувствовали себя в безопасности только тогда, когда запирались на ключ.

— Пожалуйста, продолжайте ваш рассказ.

— В эту ночь я не могла заснуть. Смутное предчувствие несчастия охватило мою душу. Сестра и я были близнецы, а вы знаете, какие тонкие нити связывают таких близких друг к другу существ. Ночь была бурная. Ветер завывал в саду, а дождь хлестал из окна. Вдруг, среди шума бури раздался отчаянный женский крик, полный ужаса. Я узнала голос сестры, вскочила с постели, закуталась в шаль и выбежала в коридор. Когда я открыла дверь, я услышала тихий свист, про который говорила мне сестра, и затем звук как-будто от падения какого-то металлического предмета. Я побежала по коридору. Дверь комнаты моей сестры была открыта и медленно повернулась на петлях. Я с ужасом смотрела на нее, не зная, что будет. При свете лампы я увидела на пороге сестру, с бледным от ужаса лицом, с протянутыми руками; она качалась, как пьяная. Я бросилась к ней и охватила ее руками, но в это мгновение у нее подкосились колени, и она упала на пол, корчась как бы от невыносимой боли. Сначала я подумала, что она не узнала меня, но когда я нагнулась над ней, она вскрикнула голосом, которого я никогда не забуду: «О, Боже мой, Елена! Это была лента! Пестрая лента!» Она хотела еще что-то сказать, указывая по направлению к комнате доктора, но с ней сделались конвульсии, и она не могла проговорить ни слова. Я бросилась по коридору, стала звать отчима. Он уже поспешно выходил из своей комнаты в халате. Когда он подошел к сестре, она была уже в бессознательном состоянии; он дал ей водки, послал за доктором, но все было напрасно: она умерла, не приходя в сознание. Так скончалась моя дорогая сестра.

— Одну минутку! — сказал Холмс. — Вы уверены в том, что слышали свист и металлический звук? Можете поклясться в этом?

— То же самое спросил меня и следователь при допросе. У меня осталось сильное впечатление, что я слы-

шала эти звуки, но, может-быть, я и ошиблась, так как в то время была страшная буря.

— Ваша сестра была одета?

— Нет, на ней была ночная рубашка. В правой руке у нее была обуглившаяся спичка, а в левой коробочка спичек.

— Это показывает, что она зажгла огонь, когда услышала шум. Это очень важно. Ну, а что сказал следователь?

— Он внимательно исследовал это дело, так как характер и образ жизни доктора Ройлотта были хорошо известны во всем графстве, но не мог открыть причины смерти сестры. Я показала, что дверь была заперта изнутри: но исследовали стены и пол; они оказались вполне прочными. Печная труба широка, но в ней есть решетка. Очевидно, сестра была совершенно одна, когда ее постигла смерть. К тому же на теле не оказалось никаких признаков насилия.

— А как насчет яда?

— Доктора осматривали ее, но ничего не нашли.

— От чего же, по вашему, умерла несчастная?

— Я уверена, что она умерла от страха и нервного потрясения, но не могу представить себе, что так напугало ее.

— Были в то время цыгане вблизи дома?

— Да, они почти всегда бывают в окрестностях.

— А! Как вы думаете, что могли означать слова о «ленте», «пестрой ленте»?

— Иногда мне кажется просто бредом, иногда я думаю, что это скорее относится к шайке *) людей, может-быть, тех же цыган. Не знаю только, чем объяснить странное прилагательное: «пестрая», если это относилось к цыганам; разве тем, что их женщины носят пестрые платки на голове.

Холмс покачал головой с видом человека, далеко не согласного с заключением мисс Стонер.

---

*) Band – по-английски лента и шайка, сборище.

— Это дело очень темное, — проговорил он. — Продолжайте, пожалуйста.

— С тех пор прошло два года, и жизнь моя стала еще однообразнее и скучнее. Месяц тому назад один добрый друг, которого я знаю уже несколько лет, сделал мне предложение. Это Перси Армитаж, второй сын мистера Армитажа из Крэн-Уотер, вблизи Ридинга. Отчим ничего не имеет против моего замужества, и мы должны обвенчаться весной. Два дня тому назад, в западном флигеле нашего дома началась перестройка; в моей спальне просверлили стену так, что мне пришлось перейти в ту комнату, где умерла сестра, и спать на ее кровати. Представьте же себе мой ужас, когда вчера ночью, в то время как я лежала на постели, размышляя об ужасной участи сестры, я вдруг услышала тот тихий свист, который был предвестником ее смерти. Я вскочила с кровати, зажгла лампу, но в комнате ничего не было. Я была слишком потрясена для того, чтобы лечь спать. Я оделась и, как только рассвело, тихонько сошла вниз, наняла себе тарантас в гостинице «Корона», которая находится напротив нас, и отправилась в Лезергэд, откуда приехала сюда с единственной целью: повидать вас и посоветоваться с вами.

— И умно поступили, — сказал мой друг. — Но все ли вы рассказали мне?

— Да, все.

— Мисс Стонер, вы рассказали не все. Вы щадите своего отчима.

— Что вы хотите сказать?

Вместо ответа, он отвернул черные кружева, пришитые к рукаву платья мисс Стонер. На белой руке виднелось пять синих пятен — следы пяти пальцев.

— С вами обращаются очень жестоко, — сказал Холмс.

Мисс Стонер сильно покраснела и спустила кружева.

— Он жестокий человек, — сказала она, — и, может быть, сам не сознает своей силы.

Наступило долгое молчание. Холмс, опустив голову на руку, пристально смотрел в огонь.

— Это очень темное дело, — наконец, проговорил он. — Мне нужно знать множество подробностей прежде, чем решить, что предпринять. А, между тем, нельзя терять ни одной минуты. Если бы мы поехали сегодня в Сток-Морэн, можно ли нам осмотреть эти комнаты без ведома вашего отчима?

— Он говорил, что сегодня поедет в город по какому-то важному делу. По всей вероятности, его не будет дома целый день. Экономка у нас старая и глупая. Я легко могу удалить ее.

— Превосходно. Вы ничего не имеете против поездки, Ватсон?

— Ровно ничего.

— Так мы приедем оба. А вы что намерены делать?

— Я хочу воспользоваться тем, что приехала в город, и исполнить несколько дел. Но я возвращусь домой с двенадцатичасовым поездом, чтобы встретить вас.

— Ждите нас вскоре после полудня. У меня самого есть дела. Не останетесь ли вы позавтракать?

— Нет, мне надо итти. У меня на душе стало легче после того, как я все рассказала вам. Буду ожидать вас после полудня.

Она опустила свою густую черную вуаль и вышла из комнаты.

— Что вы думаете обо всем этом, Ватсон? — спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку стула.

— По-моему, это темное, страшное дело.

— Да, достаточно темное и страшное.

— Но если мисс Стонер не ошибается, говоря, что пол и стены крепкие, а через дверь, окно и печную трубу невозможно проникнуть в комнату, то, несомненно, ее сестра была одна, когда с ней случилось что-то таинственное, бывшее причиной ее смерти.

— Что же означают эти ночные свисты и странные слова умирающей?

— Представить себе не могу.

— Если сопоставить все — свист по ночам, присутствие табора цыган, пользовавшихся особым расположением старого доктора, тот факт, что доктор был заинтересован в том, чтоб его падчерица не выходила замуж, ее последние слова о «шайке» и, наконец, рассказ мисс Елены Стонер о слышанном ею металлическом звуке (быть-может, то был шум от болта, которым запирались ставни), то есть большое основание предполагать, что тут именно надо искать разгадки тайны.

— Но что же сделали цыгане?

— Не могу себе представить.

— Многое можно возразить против этой теории.

— Я знаю. Поэтому-то мы и едем сегодня в Сток-Морэн. Я хочу узнать, насколько верны эти предложения. Что это, чорт возьми?

Дверь нашей комнаты внезапно распахнулась и на пороге показался человек огромного роста. Костюм его представлял собой какую-то странную смесь: черный цилиндр, длинный сюртук, высокие гамаши и хлыст в руках. Он был так высок ростом, что задел шляпой притолку, и так широк в плечах, что занял всю дверь. Его толстое, загорелое лицо было все изборождено морщинами. Он смотрел то на одного, то на другого из нас своими впалыми, налитыми желчью глазами. Эти глаза и тонкий нос придавали ему вид старой хищной птицы.

— Который из вас Холмс? — спросил неожиданный посетитель.

— Я, сэр. Вы имеете преимущество предо мной, так как я не знаю вашей фамилии, — спокойно ответил мой приятель.

— Я — доктор Гримб и Ройлотт из Сток-Морэна

— Ага! Садитесь, пожалуйста, доктор, — любезно сказал Холмс.

— И не подумаю. Здесь была моя падчерица. Я проследил ее. Что говорила она вам?

— Погода немного холодна для теперешнего времени года, — заметил Холмс.

— Что говорила она вам? — бешено крикнул старик.

— Но я слышал, что крокусы уже начинают расцветать, — невозмутимо продолжал Холмс.

— А! Вы хотите отделаться от меня, да? — сказал посетитель, делая шаг вперед и размахивая хлыстом. — Я знаю вас, негодяй! Слышал много! Вы — Холмс-проныра!

Мой приятель улыбнулся.

— Холмс-смутьян!

Улыбка так и расплылась по лицу Холмса.

— Холмс-сыщик!

Холмс громко расхохотался.

— Ваш разговор замечательно интересен, — проговорил он. — Пожалуйста, заприте дверь, когда будете уходить, а то очень сквозит.

— Уйду, когда скажу то, для чего пришел. Не смейте вмешиваться в мои дела. Я знаю, что мисс Стонер была здесь... я следил за ней! Со мной плохи шутки! Так и знайте.

Он сделал шаг вперед, схватил кочергу и согнул ее своими громадными загорелыми руками.

— Смотрите, не попадайтесь мне, — проговорил он, бросив согнутую кочергу, и вышел из комнаты.

— Очень любезный и милый господин, — со смехом сказал Холмс. — Я не сравнюсь с ним в объеме, но если бы он остался, я бы показал, что не многим уступаю ему в силе.

Он поднял согнутую кочергу и сразу выпрямил ее.

— Представьте себе, какая дерзость! Смешивает меня с полицией! Впрочем, этот случай только прибавит нам рвения. Надеюсь, что маленькая мисс не пострадает от своей неосторожности. Теперь, Ватсон, мы позавтракаем, а потом я пойду навести несколько справок.

Шерлок Холмс вернулся домой около часа пополудни. В руке у него был лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

— Я видел завещание покойной жены его, — сказал он. — Чтоб определить его значение, мне пришлось справляться о нынешних ценах бумаг, в которых помещено имущество покойной. Общий доход во время смерти покойной доходил почти до 1100 ф. ст., теперь же, вследствие падения цен на сельско-хозяйственные припасы, упал до 750 ф. ст. При выходе замуж каждая дочь имеет право на 250 ф. ст. дохода. Очевидно, что если бы они вышли замуж, то нашему милому знакомому остались бы крохи; ему пришлось бы плохо даже и в том случае, если бы хоть одна из дочерей вышла замуж. Я не напрасно потерял утро, так как убедился, что у него самые серьезные мотивы препятствовать браку падчериц. Медлить нельзя, Ватсон, тем более, что старик узнал, что мы заинтересованы в этом деле. Если вы готовы, пошлем за кэбом и поедем па вокзал. Возьмите, пожалуйста, револьвер — это превосходный аргумент для человека, который может завязывать узлы из кочерги. Револьвер и патроны — я думаю, больше нам ничего не нужно.

Поезд в Лэзергэд отходил как раз, когда мы приехали на вокзал. Приехав туда, мы наняли в гостинице экипаж и проехали четыре — пять миль по живописной местности. День был чудный; солнце ярко сияло; на небе виднелось лишь несколько прозрачных облачков. На деревьях и кустарниках показывались первые зеленые почки; в воздухе стоял приятный запах влажной земли. Это пробуждение весны составляло странный контраст с ужасным делом, по которому мы ехали. Холмс сидел, сложив руки в надвинув шляпу, очевидно, в глубоком раздумье. Вдруг он поднял голову, хлопнул меня по плечу и указал на луга.

— Посмотрите! — сказал он.

Густой парк раскинулся по склону холма. Из-за ветвей деревьев виднелись очертания очень старого дома.

— Сток-Морэн? — спросил Холмс.

— Да, сэр, это дом доктора Гримбси Ройлотта — ответил кучер.

— Кажется, теперь там, куда мы едем, идет какая-то постройка, — продолжал Хомс.

— Там деревня, — сказал кучер, указывая на видневшиеся налево крыши домов. — А если вам нужно в дом, то вам ближе пройти туда этой дорогой, а потом по тропинке в поле. Вот там, где ходит барышня.

— Это, должно-быть, мисс Стонер, — сказал Холмс, прикрывая глаза рукой. — Да, нам лучше пойти так.

Мы вышли из тарантаса, расплатившись с кучером, который поехал обратно в Лэзергэд.

— Пусть этот малый думает, что мы архитекторы или вообще приехали по какому-нибудь делу, — сказал Холмс. — Не станем болтать лишнего... Здравствуйте, мисс Стонер! Как видите, мы сдержали слово.

Наша клиентка бросилась к нам навстречу с сияющим от радости лицом.

— Я с нетерпением ожидала вас, — сказала она, горячо пожимая нам руки. — Все устроилось чудесно. Д-р Ройлотт уехал в город и, по всем вероятиям, не вернется домой до вечера.

— Мы имели удовольствие познакомиться с доктором,— сказал Холмс и в коротких словах рассказал о посещении доктора Ройлотта.

Мисс Стонер побледнела, как смерть.

— Боже мой! значит, он следил за мной.

— Очевидно.

— Он так хитер, что не знаешь, как и скрыться от него. Что он скажет, когда вернется!

— Пусть остережется; могут найтись люди и похитрее его. На ночь мы должны запереться у себя в комнате. Если он будет угрожать вам, мы отправим вас к тетке, в Гарроу. А теперь нам нужно воспользоваться удобным временем, и потому проведите нас, пожалуйста, в комнаты.

Дом был выстроен из серого, поросшего мхом камня, с флигелями по обеим сторонам, напоминавшими клешни краба. В одном из флигелей окна были разбиты и заколочены досками; крыша местами обрушилась. Средняя часть дома была в несколько лучшем состоянии. Правый флигель казался сравнительно новое; на окнах висели шторы, из труб шел голубой дым. Все показывало, что тут жили люди. У стены виднелись леса, но рабочих не было и следа. Холмс медленно расхаживал по нерасчищенной лужайке и внимательно разглядывал окна.

— Вероятно, это окно комнаты, в которой вы спали прежде, — сказал он, — среднее — спальни вашей сестры, а следующее — доктора Ройлотта?

— Совершенно верно. Теперь я сплю в средней комнате.

— Ну, да, из-за ремонта. Между прочим, эта стена, кажется, неособенно нуждается в ремонте.

— Вовсе не нуждается. Я думаю, что просто предлог, чтобы заставить меня переселиться в другую комнату.

— А! Это имеет большое значение. В этом флигеле есть коридор, в который выходят все три комнаты. Есть там окна?

— Да, но очень маленькие и слишком узкие для того, чтобы пролезть в них.

— Так как вы обе запирались на ночь, то с этой стороны невозможно было пробраться в ваши комнаты. Будьте так добры, войдите в нашу комнату и закройте ставни.

Мисс Стонер исполнила его желание. Холмс употребил все усилия, чтобы открыть ставни снаружи, но безуспешно. Не было даже щели, в которую можно было бы просунуть ножик и приподнять болты. Он осмотрел в увеличительное стекло все петли: они оказались вполне целыми.

— Гм! — проговорил он, в недоумении почесывая подбородок, — гипотеза-то моя не оправдывается. Невозможно пролезть в окно, когда ставни закрыты. Ну, посмотрим, не увидим ли что-нибудь внутри дома.

Маленькая боковая дверь вела в выкрашенный белый коридор, в который выходили все три спальни. Холмс отказался осматривать третью комнату, и мы прямо вошли во вторую, где спала теперь мисс Стонер и где умерла ее сестра. Это была маленькая комнатка с низким потолком и камином, такая, какие встречаются в старинных деревенских домах. В одном углу стоял комод, в другом — узкая кровать, покрытая белым одеялом, налево у окна — туалетный столик. Два стула и вильтонский ковер посреди комнаты довершали ее скромную обстановку. Карнизы стен были из темного дерева, такого старого и выцветшего, что, вероятно, они существовали тут с самого основания. Холмс поставил стул в угол и сел, внимательно оглядывая все вокруг.

— Куда ведет этот звонок? — проговорил он, указывая на толстый шнур, висевший над самой постелью, так что конец его лежал на подушке.

— В комнату экономки.

— Он новее всех остальных вещей в этой комнате.

— Да, этот звонок провели только два года тому назад.

— Вероятно, ваша сестра просила об этом?

— Нет, она никогда не употребляла его. Мы привыкли все делать сами.

— Вот как, зачем же было проводить этот звонок? Позвольте мне осмотреть пол.

Он бросился на пол и стал быстро ползать взад и вперед, внимательно разсматривая через увеличительное стекло трещины между досками. Он изследовал также плинтуса, затем подошел к кровати и тщательно оглядел ее и стену. Наконец, он сильно дернул шнур.

— Не звонит, — проговорил он.

— Как не звонит?

— Он даже не соединен с проволокой. Это крайне интересно. Видите, он прикреплен наверху к крючку над отверстием вентилятора.

— Как глупо! я и не заметила этого.

— Очень странно! — бормотал Холмс, дергая шнурок,— в этой комнате, вообще, есть странности. Например, что за дурак тот, кто ставил вентилятор! Зачем было проделывать его из одной комнаты в другую, когда можно было устроить так, чтобы он выходил наружу?

— Вентилятор также устроен не так давно, — сказала мисс Стонер.

— В то же время, как звонок, — заметил Холмс.

— Да, в то время было вообще несколько переделок.

— Удивительно интересно! Звонки, которые не звонят, вентиляторы, которые не вентилируют. С вашего позволения, мисс Стонер, мы перейдем теперь в следующую комнату.

Спальня доктора Гримсби Ройлотта была больше комнаты его падчерицы, но так же просто убрана. Походная кровать, маленькая деревянная этажерка с книгами преимущественно технического содержания, кресло у кровати, простой деревянный стол у стены, круглый стул и большой железный шкаф — вот и все, что бросилось нам в глаза. Холмс обошел комнату, внимательно, с величайшим интересом осматривая все вещи.

— Что здесь? — спросил он, постучав по шкапу.

— Деловыя бумаги отчима.

— Так вы видели, что находится там?

— Только раз, несколько лет тому назад. Я помню, что там было много бумаг.

— А кошки там нет?

— Нет. Что за странная идея!

— Посмотрите!

Он снял со шкафа стоявшее на нем блюдечко с молоком.

— Нет, мы не держим кошки. Но у нас есть пантера и павиан.

— Ах, да! Конечно, пантера ни что иное, как большая кошка, но сомневаюсь, чтобы она удовольствовалась блю-

дечком молока. Мне очень хочется выяснить одно обстоятельство.

Он присел на корточки перед деревянным стулом и внимательно осмотрел его сиденье.

— Благодарю вас. Этого достаточно, — сказал он, подымаясь и пряча лупу в карман. — Ага! вот нечто весьма интересное!

Предмет, привлекший его внимание, была свернутая в петлю плетка, лежавшая на постели.

— Что скажете, Ватсон?

— Плетка самая обыкновенная. Не понимаю только, зачем из нее сделана петля.

— Не совсем обыкновенная. Ах! Сколько зла на свете, и хуже всего, когда умный человек совершает преступление. С меня достаточно того, что я видел, мисс Стонер. С вашего позволения, мы выйдем теперь на лужайку.

Мне никогда не приходилось видеть Холмса таким угрюмым и мрачным. Мы несколько раз молча прошли по дорожке. Ни мисс Стонер, ни я не решались прервать молчание, пока сам Холмс не нарушил его.

— Мисс Стонер, — сказал он, — необходимо, чтобы вы безусловно поступили так, как я посоветую вам.

— Я исполню все беспрекословно.

— Дело слишком серьезное для того, чтобы колебаться. От вашего согласия зависит, может-быть, сама ваша жизнь.

— Я отдаю себя в ваши руки.

— Во-первых, мы оба, мой друг и я, должны провести ночь в вашей комнате.

Мисс Стонер и я с удивлением взглянули на него.

— Так должно быть. Я объясню вам все. Что там через дорогу? Кажется, деревенская гостиница?

— Да. Это «Корона».

— Оттуда видны ваши окна?

— Конечно.

— Когда ваш отчим вернется, скажите, что у вас болит голова, и уйдите в свою комнату. Когда услышите,

что он пошел спать, откройте ставни, поставьте на окно лампу — это будет сигналом для нас — заберите все, что вам нужно, и уходите в вашу бывшую спальню. Без сомнения, вы можете устроиться там на одну ночь, несмотря на ремонт.

— О, да, вполне!

— Остальное предоставьте нам.

— Что же вы сделаете?

— Проведем ночь в комнате и разузнаем причину напугавшего вас шума.

— Мне кажется, вы уже составили себе мнение об этом деле, мистер Холмс, — сказала мисс Стонер, беря его за руку.

— Может быть.

— Так, ради бога, скажите, отчего умерла моя сестра?

— Я хотел бы сначала собрать более ясные улики.

— По крайней мере, скажите, верно ли мое предположение, что она умерла от страха?

— Нет, не думаю. Предполагаю, была другая причина. А теперь, мисс Стонер, мы должны покинуть вас, потому что если доктор Ройлотт вернется и увидит нас здесь, наша поездка окажется совершенно бесполезной. Прощайте! Мужайтесь: если вы исполните то, что я сказал вам, можете быть спокойны, что мы скоро отклоним угрожающую вам опасность.

Шерлок Холмс и я без труда нашли себе две комнаты в «Короне». Они были в нижнем этаже. Из окна видны были ворота и обитаемый флигель Сток Морэна. В сумерки мимо нас проехал доктор Гримсби Ройлотт. Его громадная фигура виднелась рядом с мальчиком, который правил лошадью. Мальчик несколько времени возился, открывая ворота, и мы слышали, как доктор кричал хриплым голосом, и видели, как он бешено грозил кулаками. Экипаж въехал в ворота, и через несколько минут мы увидели свет от лампы, зажженной в одной из гостиных.

— Знаете, Ватсон, — сказал Холмс, — уж, право, не знаю, брать ли вас сегодня ночью. Дело-то опасное.

— Могу я быть полезен вам?
— Ваше присутствие было бы незаменимо.
— Ну, так я пойду с вами.
— Очень мило с вашей стороны.
— Вы говорите об опасности. Наверно, вы заметили в этих комнатах то, на что я не обратил внимания.
— Нет, вы видали то же, что я, только я сделал больше выводов.
— Я не видел ничего особенного, за исключением шнура от звонка, и не могу себе представить, для чего устроен этот звонок.
— Вы видели и вентилятор?
— Да, но не вижу в этом ничего особенного. Отверстие такое маленькое, что едва ли даже мышь могла пролезть в него.
— Я знал, что есть вентилятор, прежде чем мы приехали в Сток-Морэн.
— О, милый Холмс!
— Да, знал. Помните, мисс Стонер сказала, что ее сестра чувствовала запах сигары доктора Ройлотта. Это, конечно, сразу навело меня на мысль, что между комнатами должно быть какое-нибудь сообщение. Отверстие это маленькое, иначе его заметил бы следователь. Я решил, что это должен быть вентилятор.
— Но что же в этом дурного?
— Ну, по крайней мере, странное совпадение. Устраивается вентилятор, вешается шнур, и спящая в кровати девушка умирает.
— Не вижу никакой связи.
— Вы ничего не заметили особенного в кровати?
— Нет.
— Она привинчена к полу. Случалось вам видеть такую кровать?
— Нет.
— Девушка не могла отодвинуть кровать. Она дожна быть всегда в одинаковом положении относительно венти-

лятора и веревки... Приходится так назвать этот шнур, потому что он вовсе не предназначался для звонка.

— Холмс! — вскрикнул я, — я смутно догадываюсь, на что вы намекаете. Мы поспели как раз во-время для того, чтобы предотвратить какое-то ужасное, тонко задуманное преступление.

— Да, ужасное и тонко задуманное. Если врач идет на злодеяние, то нет преступника хуже его. У него сильные нервы и знание. Пальмер и Притчард стояли во главе своей профессии. Этот человек перещеголял их, но я думаю, нам удастся перехитрить его. Много ужасов придется нам видеть сегодня ночью. Ради Бога, покурим спокойно и подумаем о более веселых вещах.

Около девяти часов свет, мелькавший среди деревьев, погас, и в доме стало совершенно темно. Часы тянулись медленно, как вдруг, как раз, когда пробило одиннадцать часов, прямо перед нами вспыхнул яркий свет.

— Это сигнал, — сказал Холмс, вскакивая на ноги, — из среднего окна.

Выходя из гостиницы, он сказал хозяину, что мы идем к знакомому и, может-быть, останемся ночевать у него. Через минуту мы уже шли по темной дороге; холодный ветер дул нам прямо в лицо, и только желтый свет указывал нам путь в царившей вокруг мгле.

Попасть в парк было не трудно, так как стена, окружавшая его, местами обрушилась. Пробираясь между деревьями, мы дошли до лужайки, перешли через нее и только что собирались влезть в окно, как из-за группы лавровых кустов выскочило какое-то существо, похожее на отвратительного уродливого ребенка, бросилось на лужайку, словно в конвульсиях, и затем быстро исчезло во тьме.

— Боже мой! — прошептал я, — вы видели?

Холмс на одно мгновение испугался так же, как и я, и в волнении сильно сжал мне руку, но затем тихо рассмеялся и на ухо сказал мне:

— Миленький дом! Это — павиан.

Я совсем забыл о любимцах доктора Ройлотта. Может, и пантера очутится скоро у нас на плечах. Сознаюсь, что я почувствовал облегчение, когда, сняв по примеру Холмса сапоги, пробрался вслед за ним в комнату. Мой приятель бесшумно закрыл ставни, перенес лампу на стол и окинул взглядом всю комнату. Потом он прокрался ко мне и, приложив руку ко рту, прошептал еле слышно:

— Малейший шум разрушит все наши планы.

Я утвердительно кивнул головой.

— Придется сидеть без огня. Он увидит свет в вентилятор.

Я снова кивнул головой.

— Смотрите, не засните; дело идет, быть-может, о нашей жизни. Приготовьте револьвер на всякий случай. Я сяду на кровать, а вы на стул.

Я вынул револьвер и положил его на стол.

Холмс принес с собой длинную, тонкую трость и положил ее возле себя на кровать вместе с коробочкой спичек и огарком свечи. Потом он потушил лампу, и мы остались во тьме.

Никогда не забуду этой страшной ночи! Я не слышал ни одного звука, ни даже дыхания, а между тем знал, что Холмс находится в нескольких шагах от меня и испытывает такое же нервное возбуждение, как и я. Ни малейший луч света не проникал через запертые ставни; мы сидели в полнейшей тьме. Снаружи доносился по временам крик ночной птицы; раз около нашего окна послышался какой-то вой, напоминавший мяуканье кошки; очевидно, пантера разгуливала на свободе. Издалека доносился протяжный бой церковных часов, отбивавших четверти. Как тянулось время между этими ударами! Пробило двенадцать, затем час, два, три, а мы все продолжали сидеть безмолвно, ожидая, что будет дальше.

Внезапно у вентилятора появился свет. Он сейчас же исчез, но в комнате распространился сильный запах горящего масла и раскаленного металла. В соседней комнате кто-то зажег огонь. До моего слуха донесся тихий шум,

и потом все опять замолкло, только запах стал еще сильнее. С полчаса я сидел, прислушиваясь. Вдруг раздался какой-то звук, тихий, равномерный, напоминавший струю пара, выходящую из котла. В то же мгновение Холмс вскочил с кровати, зажег спичку и начал неистово колотить тростью по шнуру.

— Вы видите ее, Ватсон, — кричал он, — видите?

Но я ничего не видел. В ту минуту, как Холмс зажег свет, я услышал тихий свист, но глаза мои привыкли к темноте, и потому неожиданный свет ослепил меня, и я не мог понять, почему Холмс так ожесточенно колотит по шнуру. Однако, я успел разсмотреть, что лицо его было смертельно бледно и выражало ужас и отвращение.

Он перестал колотить по шнуру и смотрел на вентилятор, когда внезапно, в безмолвии ночи, раздался ужасный крик. Он становился все громче и громче. Страдание, страх и гнев, — все чувства смешались в этом крике. Говорят, что его слышали в деревне и даже в отдаленном доме священника. Мы похолодели от ужаса и молча смотрели друг на друга, пока не замерли последние крики, и прежняя тишина водворилась в комнате.

— Что это значит? — задыхаясь, проговорил я.

— Значит, что все кончено, — ответил Холмс. — И, может-быть, это к лучшему. Возьмите револьвер и войдем в комнату доктора Ройлотта.

Лицо его было серьезно. Он зажег лампу и пошел по коридору. Он дважды постучался в дверь. Ответа не было. Тогда он повернул ручку двери и вошел, за ним я, с револьвером в руках.

Страшное зрелище представилось нашим глазам. На столе стоял потайной фонарь с полуотрытой дверцей. Свет от него падал на железный шкаф, раскрытый настежь. У стола на деревянном стуле сидел д-р Гримсби Ройлотт в длинном сером халате, из-под которого выглядывали босые ноги в красных турецких туфлях без задков. На коленях у него лежала плетка, которую мы видели утром.

Он сидел, подняв вверх голову и устремив страшный, неподвижиный взгляд в потолок. На лбу у него была странная желтая лента с коричневыми пятнами, плотно охватывавшая голову. Он не шевельнулся, когда мы вошли в комнату.

— Лента, пестрая лента! — прошептал Холмс.

Я подошел ближе. Внезапно странный головной убор доктора зашевелился, и из волос поднялась голова змеи.

— Это болотная гадюка, самая ядовитая змея в Индии! — сказал Холмс. — Он умер через десять секунд после укушения. Возмездие постигло жестокого человека. Кто роет другому яму, сам в нее попадает. Посадим эту тварь в ее логовище, а потом отправим мисс Стонер в безопасное место и дадим знать полиции.

Он быстро взял арапник с колен мертвеца, накинул петлю на шею змеи, и вытянув руку, бросил ее в железный шкаф и запер его.

Таковы истинные обстоятельства смерти доктора Гримсби Ройллот из Сток-Морэна. Не буду подробно рассказывать о том, как мы сообщили эту новость испуганной девушке. Мы отправили ее с утренним поездом в Гарроу к тетке. Официальное следствие установило, что доктор умер от неосторожного обращения с своей опасной любимицей. Когда мы ехали назад из Сток-Морэна, Шерлок Холмс рассказал мне остальное.

— Я пришел было к совершенно ложному выводу, милый Ватсон, — сказал он. — Видите, как опасно строить гипотезы, когда нет основательных данных. Присутствие цыган вблизи дома и слово «лента», сказанное несчастной молодой девушкой и понятое мной иначе, навели меня на ложный след. Очевидно, она успела разглядеть что-то, показавшееся ей лентой, когда зажгла спичку. В свое оправдание могу сказать только, что отказался от своего первоначального предположения, как только увидел, что обитателю средней комнаты опасность не может угрожать ни со стороны окна, ни со сторы двери. Вентилятор и шнур от звонка сразу привлекли мое внимание. Открытие,

что звонок не звонит, а кровать привинчена к полу, возбудило во мне подозрение, что шнур служит мостом для чего-то, что переходит в отверстие и попадает на кровать. Мысль о змее сразу пришла мне в голову, в особенности, когда я вспомнил, что доктор привез с собой из Индии всяких животных и гадов. Идея употребить в дело яд, недоступный химическому исследованию, могла притти в голову именно такому умному, бессердечному человеку, долго жившему на востоке. Быстрота действия подобного рода яда имела также свое преимущество. Только очень проницательный следователь мог бы заметить две маленькие черные точки в том месте, где ужалила змея. Потом я вспомнил свист. Это он звал назад змею до рассвета, чтобы ее не увидали. Вероятно, он приучил ее возвращаться к нему, давая ей молоко. Змею он направил к вентилятору, когда находил это удобным, и был уверен, что она спустится по шнуру на кровать. Может-быть, целая неделя прошла бы прежде, чем змея ужалила молодую девушку, но рано или поздно она должна была стать жертвой ужасного замысла. Я пришел ко всем этим выводам раньше, чем вошел в комнату доктора Ройлотта. Осмотрев его стул, я убедился, что он часто становился на него, очевидно, с целью достать до вентилятора. Шкаф, блюдечко с молоком и петля на плетке окончательно рассеяли все мои сомнения. Металлический звук, который слышала мисс Стонер, очевидно, происходил оттого, что ее отчим захлопнул шкаф. Вы знаете, что я предпринял дальше, когда убедился в верности моих выводов. Я, как без сомнения и вы, услышал шипение змеи, зажег спичку и напал на нее.

— И прогнали ее назад в вентилятор?

— Да! Тогда она бросилась на своего хозяина. Некоторые из моих ударов попали в цель, пробудили ее злобу, и она кинулась на первого встречного. Таким образом, я косвенно виновен в смерти доктора Ройлотта, но не скажу, чтобы моя совесть сильно страдала от этого.

ПАЛЕЦ ИНЖЕНЕРА.

Из всех дел, которыми занимался мой друг Шерлок Холмс в период нашего знакомства, только два были начаты им по моей инициативе: дело о пальце м-ра Гэтерлей и о сумасшествии полковника Уорбертона. Последнее представляло более обширное поле для наблюдательности, но первое так странно само по себе и так драматично по подробностям, что следует упомянуть о нем, хотя оно и не дало моему другу возможности показать свои дедуктивные способности в полном блеске. История эта много раз рассказывалась в газетах, но, как и все подобные случаи, она произвела мало впечатления на столбцах периодических изданий. Зато она сильно заинтересовала тех, перед глазами которых проходили все факты, и тайна обнаруживалась постепенно, шаг за шагом. В свое время этот случай произвел на меня глубокое впечатление, которое не ослабело и теперь, спустя два года.

Дело происходило в 1889 г. вскоре после моей свадьбы. Я вернулся к частной практике и покинул квартиру в улице Бэкер, где жил прежде с Холмсом, но продолжал навещать его. Иногда мне удавалось даже уговорить его зайти к нам. Практика моя не улучшалась, и так как я жил вблизи Паддингтонского вокзала, то у меня были пациенты между тамошними служащими. Один из них, которого я вылечил от тяжкой хронической болезни, постоянно восхвалял меня и посылал ко мне всех знакомых больных.

Однажды утром, около семи часов, горничиая постучала ко мне в дверь и сказала, что в приемной меня дожидаются двое людей из Паддингтона. Я быстро оделся, так как знал по опыту, что случаи на железной дороге редко бывают пустячными, и пошел вниз. Сторож, мой старый приятель, вышел из приемной и притворил за собой дверь.

— Я доставил его сюда, — шепнул он, указывая пальцем на дверь. — Все обстоит благополучно.

— Кого вы доставили ко мне? — спросил я, удивленный таинственностью моего посетителя

— Пациента, — все также шопотом отвечал он. — Я подумал, что приведу его сам, чтобы он не утек, и доставил его в надлежащем виде. Я должен итти доктор, у меня также есть свои обязанности, как и у вас.

И он ушел так поспешно, что я не успел поблагодарить его.

Я вошел в кабинет и увидел господина, сидевшего у стола. На нем была темная одежда, мягкая шляпа валялась на моих книгах, одна рука была обвязана платком, на котором виднелись пятна крови. На вид ему было не более двадцати пяти лет. Его мужественное лицо было смертельно бледно. Казалось он испытывал сильнейшее волнение и употреблял всю силу воли, чтобы сдержать его.

— Очень сожалею, доктор, что пришлось разбудить вас так рано, — сказал он. — Но сегодня ночью со мной случилось несчастье. Я приехал с утренним поездом и на Паддингтонском вокзале попросил указать мне врача. Какой-то добрый малый привел меня сюда. Я дал горничной свою визитную карточку, но вижу, что она оставила ее на столе.

Я взял карточку и взглянул на нее.

«Виктор Гэтерлей, инженер-механик, 16 А, улица Виктория (третий этаж)».

Вот фамилия и местожительство моего раннего посетителя.

— Сожалею, что заставил вас ждать,—проговорил я, садясь на стул.—Вы ехали всю ночь, а это уже само по себе довольно скучно.

— О, едва ли можно сказать, что я скучно провел эту ночь,—со смехом сказал инженер-механик.

Он смеялся очень громко и резко, откинувшись на спинку и весь трясясь. Как врач, я восстал против этого смеха.

— Перестаньте!—крикнул я.—Придите в себя,—прибавил я, наливая воды из графина.

Все мои увещания были напрасны. С ним сделался один из тех истерических припадков, которые случаются с сильными натурами, когда приходит кризис. Но вскоре он пришел в себя и проговорил, краснея и задыхаясь:

— Что за глупость!

— Ничего. Выпейте-ка лучше вот это.

Я дал ему выпить воды с водкой, и румянец вернулся на его бледные щеки.

— Так-то лучше!—сказал он.—А теперь, доктор, вы, может-быть, взглянете на мой палец или, вернее сказать, на то место, где был мой палец.

Он развязал палец и протянул мне руку. Даже мои привычные нервы не выдержали этого зрелища. На руке было четыре пальца, а вместо большого, виднелась страшная окровавленная масса. Палец был отрублен или вырван из сочленения.

— Боже мой!—вскрикнул я.—Это ужасно. Должно-быть, кровь шла очень сильно.

— Да, очень сильно. Когда это случилось, я потерял сознание и, должно быть, долго был без чувств. Очнувшись, я увидел, что кровь все еще продолжает итти; поэтому я забинтовал руку с помощью платка и прутиков.

— Превосходно. Вам следовало бы быть хирургом.

— Это имеет некоторое отношение к гидравлике, а я специалист по этому делу.

— Рана нанесена каким-то очень тяжелым орудием,— сказал я, осмотрев руку.

— Чем-то в роде ножа мясника.
— Вероятно, случайность?
— Нисколько.
— Неужели покушение на убийство?
— Совершенно верно.
— Вы пугаете меня.

Я омыл рану, продезинфецировал ее, потом закрыл ватой и забинтовал. Он сидел, откинувшись в кресле, и не сморгнул, только по временам кусал губы.

— Как вы себя теперь чувствуете? — спросил я.

— Превосходно! После водки и перевязки я чувствую себя совсем другим человеком. Я очень ослаб, но ведь мне много пришлось в эту ночь пережить.

— Может-быть, вам лучше ничего не рассказывать. Это вас расстраивает.

— О, нет, теперь ничего! Придется же рассказывать полиции. Но, между нами, не будь у меня такого важного доказательства, как эта рана, я сам бы удивился, если бы поверили моему рассказу. Очень уж необыкновенное происшествие, а данных, чтобы доказать его, у меня слишком мало. А если мне и поверят, то у меня так мало улик, что еще большой вопрос, будут ли виновные наказаны.

— А! — сказал я, — если это дело загадочное, то вам следует обратиться к моему другу Шерлоку Холмсу, прежде чем заявить полиции.

— О, я много слышал о нем, — ответил мой клиент, — и был бы очень рад, если бы он взялся за это дело, хотя, я, конечно, заявлю полиции. Можете вы дать мне карточку к нему?

— Я сделаю больше: сам свезу вас к нему.

— Вы несказанно обяжете меня.

— Мы пошлем за кэбом, отправимся вместе и поспеем как раз к завтраку. Хватит ли у вас сил, чтоб ехать?

— Да. Я успокоюсь только тогда, когда расскажу всю историю.

— Итак, я посылаю за кэбом и через минуту вернусь к вам.

Я вбежал наверх, в коротких словах объяснил все жене, и через пять минут уже ехал с моим новым знакомым на улицу Бэкер.

Как я и думал, Шерлок Холмс лежал в гостиной, просматривая объявления в «Таймсе». Он был в халате и курил утреннюю трубку, которую набивал остатками табаку, тщательно высушенного и собранного на каминной доске. Он принял нас, как всегда, спокойно и приветливо и велел подать еще ветчины и яиц. Покончив с завтраком, он усадил нашего нового знакомца на диван, предложил ему стакан воды с водкой.

— Очевидно, вы испытали нечто совсем необычайное, мистер Гэтерлей, — сказал он, — Пожалуйста, прилягьте и будьте как дома. Расскажите нам, что можете, и не говорите, когда устанете, а поддержите свои силы, пейте это подкрепляющее средство.

— Благодарю вас, — ответил мой пациент, — я чувствую себя гораздо лучше после того, как доктор сделал мне перевязку, а ваш завтрак докончил дело. Я отыму у вас как можно меньше вашего драгоценного времени и потому сразу начну рассказ о моем необыкновенном приключении.

Холмс сел в кресло, и лицо его приняло то усталое, равнодушное выражение, которым он прикрывался обыкновенно, когда бывал заинтересован чем-либо.

Я сел напротив него, и мы вместе выслушали странную историю, которую рассказал нам инженер-механик.

— Надо сказать, что я сирота, холостяк и живу один в меблированных комнатах в Лондоне. По профессии я инженер-механик, специальность моя — гидравлика; имел большую практику в продолжение семи лет, когда занимался у Кеннера и Матесона, владельцев большой фирмы в Гринвиче. Два года тому назад, окончив образование, получив наследство от отца, поселился в улице Виктория и решился работать самостоятельно.

«Полагаю, что всякое дело вначале идет плохо. Мне же особенно не повезло. В продолжение двух лет меня приглашали три раза на совещание, да раз была небольшая работа. Заработок мой за все это время равнялся двадцати семи фунтам десяти шиллингам. Каждый день я сидел в моей маленькой берлоге от девяти часов утра до четырех пополудни и, наконец, потерял всякую надежду.

«Но вчера, когда я уже собирался уходить из конторы, клерк доложил мне, что пришел какой-то господин по делу. Он передал мне карточку, на которой стояло: «Полковник Лизандр Старк». Вслед за клерком вошел и сам полковник, человек выше среднего роста, необычайной худобы. Мне никогда не приходилось видеть такого худого человека. На лице его видны только нос и подбородок, а кожа так и натянулась на выдавшихся скулах. Однако худоба эта казалась обычным состоянием, а не следствием болезни. У него были блестящие глаза, твердая походка, уверенные манеры. Он был одет просто, но опрятно. На вид ему казалось около сорока лет.

— Мистер Гэтерлей? — спросил он с немецким акцентом. — Мне рекомендовали вас, мистер Гэтерлей, как человека, не только знающего, но и умеющего хранить тайну.

Я поклонился, польщенный этими словами, как и всякий молодой человек, которого бы так хвалили.

— Могу узнать, кто дал мне такую хорошую аттестацию? — спросил я.

— Ну, может-быть, лучше не говорить этого вам теперь. Из того же источника я знаю, что вы сирота, не женаты и живете в Лондоне один.

— Все это совершенно верно, — ответил я, — но извините, я не понимаю, какое отношение это может иметь к моим профессиональным качествам. Ведь вы желаете говорить со мной по делу?

— Несомненно. Но вы сами увидите, что это имеет отношение к тому, о чем я буду говорить. У меня к вам профессиональное дело, но при этом требуется полная

тайна, понимаете, абсолютная тайна, а этого скорее можно ожидать от одинокого человека.

— Если я дам вам обещание сохранить вашу тайну, то можете быть уверены, что сдержу слово,—сказал я.

Он пристально взглянул на меня. Никогда не случалось мне видеть более вопросительного и подозрительного взгляда.

— Так вы даете обещание?—наконец, проговорил он.

— Да, даю.

— Полное молчание до визита к нам, во время его и после? Ни слова о деле, ни устно, ни письменно?

— Я уже дал вам слово.

— Отлично.

Он вдруг вскочил с места, пролетел, как молния, через комнату и распахнул дверь. Коридор был совершенно пуст.

— Все в порядке,—сказал он, возвращаясь на место.— Клерки очень часто интересуются делами своих начальников. Теперь мы можем спокойно беседовать.

Он придвинул свой стул к моему и опять устремил на меня свой проницательный, задумчивый взгляд.

Чувство отвращения и даже страха охватило меня при странном поведении этого тощего господина. При всей боязни потерять клиента я не мог удержаться от нетерпеливого жеста.

— Потрудитесь изложить мне ваше дело, сэр,— сказал я,— время дорого. Да простит мне бог эти слова, но они невольно сорвались у меня с губ.

— Желали бы вы получить пятьдесят гиней за работу в течение одной ночи?—спросил он.

— И даже очень.

— Я говорю, ночи, но, вернее, работа продолжится только один час. Я просто хочу узнать ваше мнение насчет нашего гидравлического пресса. Он что-то испортился; если вы укажете нам, в чем дело, мы сами сможем починить его. Что вы думаете об этом предложении?

— Работа, кажется, легкая, а плата превосходная.

— Совершенно верно. Так приезжайте ночью с последним поездом.

— Куда?

— В Эйфорд, в Беркшире. Это маленькое местечко на границе Оксфордшира и в семи милях от Рединга. С Паддингтонского вокзала отходит поезд, который приходит в Эйфорд около четверти двенадцатого ночи.

— Отлично.

— Я приеду за вами.

— Разве придется ехать на лошадях?

— Да, наше местечко в стороне от станции на добрых семь миль.

— Тогда мы вряд ли приедем туда раньше полуночи. Я думаю, обратного поезда не будет. Мне придется остаться на ночь.

— Да. Мы можем устроить вас.

— Это очень неудобно. Нельзя ли приехать в другое время?

— Мы решили, что вам лучше приехать поздно. Именно для того, чтобы вознаградить вас за неудобства, мы и даем вам, молодому, неизвестному человеку, такую плату, от которой не отказались бы знатоки вашей профессии. Впрочем, если желаете отказаться, то еще не поздно.

Я подумал о пятидесяти гинеях, о том, как полезны будут для меня эти деньги.

— И не думаю,—сказал я,—я с удовольствием исполню ваше желание. Только мне хотелось бы уяснить себе, что я должен делать.

— Вполне естественно, что взятое с вас обещание хранить тайну возбудило ваше любопытство. Я не хочу вас поймать на слове и потому объясню вам все... Я надеюсь, что нас не могут подслушать?

— Никто не подслушивает нас.

— Ну, так вот в чем дело. Вам, вероятно, известно, что сукновальная глина—ценный продукт, и что в Англии ее добывают только в одном или двух местах?

— Да, я слышал об этом.

— Несколько времени тому назад я купил землю — очень маленький клочек — в десяти милях от Рпдинга. Мне посчастливилось найти сукновальную глину на одном из моих полей. При исследовании я увидел, что пласт этот сравнительно мал и соединяет два гораздо больших месторождения направо и налево, находящихся на землях моих соседей. Эти добрые люди и не подозревают, что земля их может принести им столько же денег, сколько любые золотые россыпи. Понятно, что в моем интересе купить землю прежде, чем они узнают ее настоящую ценность. К несчастью, у меня нет достаточно денег для покупки. Я поверил мою тайну нескольким друзьям, и они посоветовали мне эксплуатировать вместе потихоньку открытое месторождение и, таким образом, приобрести денег для покупки соседних имений. Это мы и делаем теперь. Завели также гидравлический пресс, который, как я уже говорил вам, испортился в настоящее время. Мы строго храним нашу тайну, а если бы стало известным, что мы приглашаем специалиста по гидравлике, то пошли бы расспросы,— и тогда прощай всякая надежда на получение этих земель и на исполнение наших планов. Потому-то я и просил вас не говорить никому о том, что вы едете сегодня в Эйфорд. Надеюсь, вы поняли меня?

— Вполне,—ответил я.—Единственно, чего я не понимаю, это, зачем вам понадобился гидравлический пресс при добывании глины; насколько я понимаю, приходится просто рыть землю, чтобы добывать ее.

— Ах! — небрежно проговорил полковник. — У нас видите, свой способ. Мы прессуем глину в кирпичи, чтобы не догадались, что это такое в действительности. Но это только подробность. Я рассказал вам все, м-р Гэтерлей; вы сами видите, насколько я доверяю вам.

Говоря эти слова, он встал и прибавил:

— Итак, жду вас в Эйфорде, в 11 ч. 15 м.

— Буду непременно.

— И никому ни слова.

Он посмотрел на меня долгим, проницательным взглядом, потом пожал мне руку и поспешно вышел из комнаты.

«Когда я стал хладнокровно обдумывать его предложение, удивление мое возрасло еще больше. С одной стороны, я, понятно, был очень рад, так как вознаграждение было в десять раз больше того, которое я спросил бы сам, да и очень возможно, что успешное исполнение этого дела повлекло бы за собой новые предложения. С другой стороны, лицо и манеры моего патрона произвели на меня неприятное впечатление, и мне казалось, что для добывания глины совсем не нужно являться в полночь. К тому же, меня удивляло его опасение, чтобы я не рассказал кому-нибудь о моей поездке. Но я решил отбросить все страхи, плотно поужинал, поехал на Паддингтонский вокзал и отправился по железной дороге, исполнив обещание держать язык за зубами.

«В Ридинге была пересадка. Я попал как раз к последнему поезду, идущему в Эйфорд, и немного позже одиннадцати часов был уже на маленькой, плохо освещенной станции. Я был единственным пассажиром. На станции стоял только сонный сторож с фонарем в руках. При выходе меня ожидал мой утренний знакомец. Он молча схватил меня за руку и поспешно усадил в карету, дверца которой была уже открыта, затем спустил шторы на окнах, и мы помчались так быстро, как только могла бежать лошадь».

— Одна лошадь?—перебил его Холмс.

— Да, только одна.

— А вы не заметили, какой она была масти?

— Заметил при свете фонарей, когда садился в карету: гнедая.

— Усталая или свежая?

— О! Свежая, хорошо вычищенная.

— Благодарю вас. Пожалуйста, продолжайте рассказ Он чрезвычайно интересен.

— Мы ехали, по крайней мере, час. Полковник Лизандр Старк говорил, что до его имения только семь миль, но судя по времени и по быстроте, с которой мы ехали, мы проехали миль двенадцать. Полковник сидел все время молча. Всякий раз, что я смотрел в его сторону, я чувствовал на себе его пристальный взгляд. Дороги в этой местности не особенно хороши, и нас страшно трясло. Я старался разглядеть места, по которым мы проезжали, но окна кареты были матовые, и только по временам я видел мелькающие огоньки. Я делал иногда замечания, чтобы хотя несколько рассеять однообразие поездки, но полковник отвечал только односложными словами, и я поневоле умолкал. Наконец, нас перестало встряхивать, и мы поехали по ровной песчаной дороге. Карета остановилась. Полковник Лизандр Старк выпрыгнул из экипажа и быстро втащил меня в переднюю. Прямо из кареты мы очутились в коридоре, так что я не мог бросить даже мимолетного взгляда на фасад дома. Лишь только я переступил порог, дверь тяжело захлопнулась за мной, и я услышал слабый шум колес отъезжающего экипажа.

«В доме было совершенно темно. Полковник стал искать спичек, бормоча что-то себе под нос. Внезапно в конце коридора распахнулась дверь, и показалась золотистая полоса света. Полоса становилась все шире и шире. Появилась женщина. Она держала над головой лампу и, вытянув голову, посмотрела на нас. Я заметил, что она хороша собой, и, при свете лампы, разглядел, что платье на ней из дорогой материи. Она сказала несколько слов на иностранном языке вопросительным тоном. Когда мой спутник ответил односложно и угрюмо, она вздрогнула так, что лампа чуть не выпала у нее из рук. Полковник Старк подошел к ней, шепнул ей что-то на ухо, потом втолкнул ее обратно в комнату и подошел ко мне с лампой в руках.

— Будьте так добры, подождите здесь минуточку, — сказал он, отворяя другую дверь.

«Эта была маленькая, просто убранная комнатка. Посредине стоял круглый стол, на котором валялось несколько немецких книг. Полковник поставил лампу на фисгармонию у двери. «Я не задержу вас», — проговорил он и исчез в темном коридоре.

«Я заглянул в книги. Несмотря на мое плохое знание немецкого языка, я разобрал, что две из них научного содержания, остальные — стихотворения. Потом подошел к окну, надеясь разглядеть местность, но окно было закрыто тяжелыми дубовыми ставнями с крепкими засовами. В доме царило мертвое безмолвие, только из коридора доносилось громкое тиканье старинных часов. Смутное чувство беспокойства овладело мной. Что это за немцы? Что делают они в этой странной, глухой местности? И где я? Я знал, что нахожусь приблизительно в десяти милях от Эйфорда, но не мог себе представить, лежит эта местность с северу, югу, востоку или западу от Эйфорда. Быть-может, она вблизи Ридинга или какого-нибудь другого города и вовсе не так уединена, как кажется мне. По царившей вокруг тишине это было, наверно, какое-нибудь поместье. Я расхаживал по комнате, напевая себе под нос, чтоб ободрить себя, и чувствовал, что не даром получу пятьдесят фунтов.

«Внезапно дверь в комнату бесшумно отворилась, и на пороге показалась женщина. Желтый свет моей лампы осветил темный коридор и упал на ее прекрасное, полное тревоги, лицо. Я сразу заметил, что она дрожит от страха, и сердце у меня также похолодело. Она погрозила мне дрожащим пальцем, чтобы я молчал, и шепнула на ломаном английском языке несколько слов, все время испуганно оглядываясь назад.

— Я бы ушла, — сказала она, видимо стараясь говорить спокойно. — Я бы ушла. Я бы не осталась здесь. Здесь нет для вас ничего хорошего.

— Но, сударыня, — возразил я, — я еще не исполнил того, для чего приехал. Я не могу уехать, не взглянув на машину.

— Не стоит ждать, — продолжала она. — Вы можете выйти в дверь; никто не помешает.

«Я, улыбаясь, отрицательно покачал головой. Внезапно, отбросив всякую сдержанность, она подошла ко мне, ломая руки.

— Ради Бога,— шепнула она,— уходите, пока еще не поздно!

Я упрям по природе, к тому же препятствия только возбуждают меня. Я подумал о пятидесяти фунтах вознаграждения, об утомительном путешествии, о предстоящей неприятной ночи. Неужели все это должно пропасть даром, и я сбегу, не исполнив взятого на себя дела и не получив вознаграждения? Быть-может, эта женщина сумасшедшая. Ей удалось напугать меня, но я овладел собой, снова покачал головой и заявил, что намерен остаться тут. Она хотела еще что-то сказать, но в это время наверху хлопнула дверь, и послышались шаги нескольких людей. Она прислушалась мгновение, всплеснула с отчаянием руками и исчезла так же внезапно и бесшумно, как и появилась.

«В комнату вошел полковник Лизандр Старк и низенький, толстый господин с седоватой бородой и двойным подбородком. Полковник представил мне его под именем мистера Фергюсона.

— Это мой секретарь и управляющий, — сказал Старк. — Между прочим, мне казалось, что я запер дверь, уходя из комнаты. Боюсь, не надуло ли вам.

— Напротив,—ответил я.—Я сам отпер дверь, потому что здесь слишком душно.

Он бросил на меня подозрительный взгляд.

— Может-быть, нам лучше сейчас же приступить к делу,—сказал он.—Мы с мистером Фергюсоном покажем вам пресс.

— Нужно надеть шляпу?

— О, нет, он внутри!

— Как? Вы добываете глину внутри дома?

— Нет, нет. Мы только прессуем се тут. Но это пустяки! Нам только нужно, чтобы вы осмотрели пресс и сказали, что в нем испортилось.

«Мы пошли наверх. Впереди шел полковник с лампой, сзади толстый управляющий и я. Старый дом представлял из се я целый лабиринт коридоров, проходов, узких винтовых лестниц; всюду виднелись низкие дверцы, пороги которых были обиты многими поколениями жильцов. Нигде не было видно ни мебели, ни ковров; штукатурка валилась со стен, на которых виднелись зеленые пятна от сырости. Я старался казаться спокойным, но не забывал предостережений молодой женщины, хотя и считал их излишними, и зорко наблюдал за моими спутниками. Фергюсон был угрюмый, молчаливый человек, но из немногих сказанных им слов я убедился, что он мой соотечественник.

«Полковник Старк остановился, наконец, перед одной из маленьких дверец и отпер ее. Он ввел меня в маленькую комнатку, в которой с трудом могло поместиться три человека зараз. Фергюсон остался в коридоре.

«— Мы, собственно, находимся теперь под гидравлическим прессом,—сказал он,—и вышла бы пренеприятная штука, если бы кто-нибудь вздумал пустить его в ход. Потолок этой комнатки в сущности — поршень, опускающийся с силою нескольких тонн на металлический пол. Снаружи есть несколько боковых труб, которые принимают воду и разносят ее известным вам образом. Машина работает, но не так хорошо, как обыкновенно. Может-быть, вы потрудитесь осмотреть ее и показать, что надо исправить.

«Я взял от него лампу и тщательно осмотрел пресс. Он был очень велик и рассчитан на громадное давление. Я нажал рычаги и по шипящему звуку сразу сообразил, что в одном из боковых цилиндров образовалась течь. При дальнейшем исследовании оказалось, что одна из резиновых полос, обхватывавших верхний конец поршня, соскочила с места.

«Это и было причиной ослабления деятельности пресса и я объяснил все это полковнику и Фергюсону. Они внимательно выслушали мои замечания и сделали мне несколько практических вопросов насчет того, как исправлять вперед подобного рода повреждения. Затем я вернулся из коридора в комнатку, где был пресс, и еще раз внимательно осмотрел его, чтоб удовлетворить свое любопытство. Одного взгляда было достаточно, чтоб убедиться, что вся история с глиной — явный вымысел; глупо было предполагать, чтобы такой огромный пресс был устроен для этого дела. Стены комнатки были деревянные, но пол железный и, как мне показалось, покрыт каким-то металлическим остатком. Я нагнулся, чтобы пощупать его, как вдруг услышал подавленное восклицание на немецком языке и увидел, что полковник смотрит на меня.

— Что вы там делаете?— спросил он.

Сознание, что меня обманули, вывело меня из себя.

— Любуюсь на вашу глину и думаю, что мог бы дать вам лучшие советы, если бы знал истинное назначение этой машины, — ответил я и тотчас же раскаялся в этих словах.

Лицо полковника приняло жестокое выражение, и в глазах его мелькнул зловещий огонек.

— Отлично,—проговорил он,—вы ознакомитесь вполне с этим прессом.

«Он отошел назад, захлопнул дверцу и поворотил ключ в замке. Я бросился вперед и схватил за ручку, но все мои усилия были напрасны — дверь не отворялась.

— Эй, полковник!—крикнул я. — Эй! Выпустите меня!

«Внезапно в окружавшем меня безмолвии, я услышал звук, от которого у меня замерло сердце. То стучали рычаги и шипел цилиндр, в котором появилась течь. Полковник пустил в ход пресс!.. Лампа стояла на том же месте, где я поставил ее, осматривая машину. При свете ее я увидел, что черный потолок спускается на меня медленно, но, как я отлично знал, с такой силой, что через

минуту от меня должна была остаться только бесформенная масса. Я с криком набросился на дверь, царапался в замок, умолял полковника выпустить меня. Безжалостный шум рычагов заглушал мои крики. Потолок был уже на расстоянии двух футов от моей головы, так что я мог дотронуться рукой до его жесткой поверхности. В голове у меня мелькнула мысль, что смерть может быть более или менее болезненна, смотря по положению моего тела в тот момент, когда надвинется поршень. Если я лягу лицом вниз—поршень опустится мне на спину. Я вздрогнул при одной мысли об этом. Может-быть, лучше лечь навзничь? Но хватит ли у меня силы лежать и смотреть, как будет опускаться эта страшная черная масса? Я уже не мог стоять прямо, когда вдруг заметил нечто, и луч надежды вспыхнул у меня в сердце.

«Я уже говорил, что пол и потолок комнаты были железные, а стены — деревянные. Бросив поспешный взгляд вокруг, я увидел узенькую полоску желтого света между двумя досками. Полоска становилась все шире и шире по мере того, как отодвигалась маленькая доска. Одно мгновение я не верил, что передо мной дверь, в которую я могу спастись. В следующее я бросился к ней и упал на пол, почти в бессознательном состоянии. Дверь закрылась за мной, и через несколько секунд треск разбившейся лампы и звук металла доказали, какой опасности я избег...

«Я очнулся оттого, что кто-то сильно дергал меня за рукав, и увидел, что лежу на каменном полу узкого коридора. Надо мной наклонилась какая-то женщина. Левой рукой она трясла меня за рукав, а в правой у нее была свеча. Я разглядел, что это та же добрая женщина, советом которой я так глупо пренебрег.

«Но теперь я не повторил своей ошибки. Шатаясь, я поднялся с полу и побежал за ней по винтовой лестнице, которая вела в широкий коридор. В это мгновение мы услышали чьи-то поспешные шаги и два голоса, перекли-

кавшиеся между собой. Моя спутница остановилась и, в отчаянии, оглянулась кругом, потом растворила дверь в спальню. Луна ярко светила в окно комнаты.

«— Это единственный шанс на спасение,—проговорила она.—Тут высоко, но, может-быть, вам удастся прыгнуть благополучно.

«При последних словах в конце коридора показался свет, и я увидел тощую фигуру полковника Старка. Он бежал с фонарем в одной руке и с каким-то орудием, вроде большого ножа, какой бывает у мясников, в другой. Я поспешно подбежал к окну, открыл его и взглянул вниз. Как красив был сад при лунном сиянии! Как спокойно все вокруг! До земли было не более тридцати футов. Я взлез на подоконник, но не решался прыгнуть: мне хотелось знать, что произойдет между моей спасительницей и преследовавшим меня негодяем. Если бы он осмелился сделать ей что-либо, я готов был рисковать своей жизнью, чтобы спасти ее. Я едва успел подумать это, как он уже оттолкнул ее от двери и вбежал в комнату. Она охватила его руками, стараясь удержать.

— Фриц! Фриц! – кричала она по-английски.—Помните, что вы обещали мне в последний раз. Вы говорили, что это никогда не повторится. Он будет молчать! О, он будет молчать!

— Вы с ума сошли, Элиза! — крикнул он, стараясь вырваться от нее. — Вы погубите нас. Он слишком много видел. Пустите меня!

«Он отбросил ее в сторону и, подбежал к окну, замахнулся на меня своим большим ножом. Я уже спустился с подоконника и, держась за него рукою, висел в воздухе, когда он ударил меня. Я почувствовал глухую боль, отпустил руку и упал в сад.

«Я не ушибся при падении, и потому сейчас же вскочил на ноги и бросился изо всех сил бежать между кустарниками, так как отлично понимал, что еще не вышел из сферы опасности. Внезапно я почувствовал страшную

слабость, взглянул на руку, которая сильно болела, и только тут заметил, что у меня отрублен большой палец, и кровь струится из раны. Я попробовал обвязать руку платком, но в ушах у меня зашумело, и я упал без сознания среди кустов роз.

«Не знаю, сколько времени я пробыл в этом состоянии. Должно-быть, долго, потому что, когда я очнулся, луна уже зашла, наступило светлое утро. Платье у меня было все пропитано росою, а рукав сюртука залит кровью. Боль в пальце напомнила мне о том, что произошло, и я вскочил на ноги, чувствуя себя не в безопасности от преследования. Но, к великому моему удивлению, когда я оглянулся вокруг, я не увидел ни дома, ни сада. Я лежал у изгороди, вблизи железной дороги. Немного дальше виднелось большое здание. Когда я подошел к нему, оно оказалось той самой станцией, на которую я приехал накануне. Если бы не ужасная рана, все это могло бы показаться мне каким-то страшным сном.

«Я пошел на станцию и спросил, когда отходит утренний поезд. Мне сказали, что поезд в Ридинг отходит через час. Дежурил тот же сторож, которого я видел накануне. Я спросил его, знает ли он полковника Лизандра Старка. Он никогда не слышал этой фамилии. Видел ли он вчера поджидавшую меня карету? Нет, не видел. Есть ли вблизи полицейский пост? Да, в трех милях.

«Я чувствовал себя слишком слабым и больным, чтобы итти так далеко, и потому решил подождать, пока приеду в Лондон, и там уже обратиться в полицию. Я приехал немного позже шести часов и прежде всего зашел к доктору; он перевязал рану и был так добр, что привез меня сюда. Я отдаю мое дело в ваши руки и исполню все, что вы посоветуете».

По окончании этого необыкновенного рассказа мы несколько времени сидели молча. Потом Шерлок Холмс снял с полки одну из громадных книг, в которых он собирал газетные вырезки.

— Вот объявление, интересное для вас,— сказал он.— Около года тому назад оно появилось во всех газетах. Прислушайтесь: «исчез 9-го числа текущего месяца мистер Иеремия Хейлинг, 26 лет, инженер-механик по гидравлике. Из дома вышел в 10 часов вечера и с тех пор не возвращался. Одет был» и т. д., и т. д. А! Вероятно, это было в последний раз, когда полковнику нужно было починить пресс.

— Боже мой!—вскрикнул мой пациент. — Так вот что значили слова этой женщины!

— Без сомнения. Ясно, что полковник хладнокровный, отчаянный человек, решившийся уничтожать все препятствия на своем пути, подобно тем пиратам, которые истребляют всех до последнего человека на захваченном ими судне. Ну, нечего терять драгоценное время. Если вы в состоянии ехать, то отправимся прежде всего в сыскное отделение, а затем в Эйфорд.

Через три часа мы все уже сидели в поезде по дороге из Ридинга в маленькую беркширскую деревню: Шерлок Холмс, Гэтерлей, инспектор Брэдстрит, еще какой-то господин в партикулярном платье и я. Брэдстрит разложил на коленях карту графства и проводил по ней циркулем круг, избрав центром Эйфорд.

— Вот,—проговорил он. — Этот круг описан радиусом в десять миль от деревни. Место, которое мы ищем, должно находится где-нибудь в этом круге. Кажется, вы говорили—в десяти милях?

— Час езды.

— И вы думаете, что они несли вас все это расстояние, пока вы были без сознания?

— Должно-быть. К тому же я смутно помню, что меня подняли и понесли.

— Я не могу понять одного: почему они пощадили вас, когда нашли лежащим без чувств в саду,—сказал я.— Может-быть, той женщине удалось умолить негодяя.

— Вряд ли. Никогда мне не приходилось видеть более свирепого лица.

— О! Мы скоро выясним все это,—сказал Брэдстрит.— Ну, вот я и начертал круг. Хотелось бы мне знать, в какой точке находятся те люди, которых мы ищем.

— Я думаю, что могу указать вам эту точку,— спокойно проговорил Холмс.

— В самом деле?— сказал инспектор. — Вы уже составили себе определенное мнение? Посмотрим, кто согласен с вами. Я говорю, что дом находится к югу, потому что местность там более пустынна.

— А я думаю, он на востоке,—сказал мой пациент.

— По-моему—на западе,— заметил человек в партикулярном платье.—Там есть несколько тихих деревушек.

— Я стою за север,—сказал я.—Там нет холмов, а наш друг говорит, что экипаж катился все время по ровной дороге.

— Что за разногласие мнений! —смеясь, заметил инспектор.—Мы разобрали все страны света. Ну, к кому из нас присоединяетесь вы?—спросил он Холмса.

— Вы все не правы.

— Как же можем мы все быть не правы?

— Можете. Вот где мы найдем их,—сказал Холмс, указывая на центр круга.

— А двенадцать миль езды? — задыхаясь, проговорил Гэтерлей.

— Шесть миль туда и шесть обратно. Очень просто. Вы сами же говорите, что лошадь была совершенно свежа, когда вы садились в экипаж. Разве это могло бы быть, если бы она пробежала двенадцать миль по тяжелой дороге?

— Да, это могла бы быть хитрость с их стороны,— задумчиво проговорил Брэдстрит.—Нет сомнения, что это отчаянная шайка.

— Еще бы, — сказал Холмс. — Это — фальшивомонетчики. Машина им нужна для производста амальгамы, которую они употребляют вместо серебра.

— Нам известно о существовании шайки ловких фальшивых монетчиков,—сказал инспектор.—Они выпускали

полукроны тысячами. Мы даже проследили их до Рединга, но дальше не могли: они так умело скрыли следы, что нам стало ясно, что мы имеем дело с своего рода виртуозами. Но теперь, я думаю, благодаря счастливой случайности, они попадутся нам в руки.

Но инспектор ошибся: преступники не попали в руки правосудия. Подъезжая к станции Эйфорд, мы увидели огромный столб дыма, который подымался из-за небольшой группы деревьев и расплывался в воздухе, словно страусовое перо.

— Горит какой-нибудь дом?—спросил Брэдстрит, когда поезд, пыхтя, отошел от станции.

— Да, сэр,—ответил начальник станции.

— Чей это дом?

— Доктора Бичера.

— Скажите, пожалуйста,—вмешался Гэтерлей,—доктор Бичер — немец, очень худой, с длинным, тонким носом?

Начальник станции расхохотался.

— Нет, сэр, доктор Бичер англичанин, и здесь в округе нет человека с более круглым брюшком. Но у него жил какой-то иностранец, кажется пациент; вот тому, пожалуй, не повредил бы хороший беркширский бифштекс.

Начальник еще не договорил, как все мы бросились к месту пожара. Наверху низенького холма стояло большое здание, из окон которого вырывалось пламя; три пожарных насоса, стоявших в саду, напрасно пытались потушить огонь.

— Это оно!—в сильном волнении крикнул Гэтерлей.— Вот усыпанная гравием аллея, а вот и розовые кусты, где я лежал. А вот и окно второго этажа, из которого я выскочил.

— Ну, по крайней мере, вы отомщены, — сказал Холмс.—Нет сомнения, что деревянные стены загорелись от оставленной вами лампы, которая разлетелась, когда опустился потолок. Преследуя вас, они не заметили этого. Теперь хорошенько вглядитесь в эту толпу: не окажется ли

в ней ваших ночных друзей, хотя я сильно опасаюсь, что в настоящее время они уже за сотни миль отсюда.

Опасения Холмса сбылись. С тех пор никто не слыхал о прекрасной женщине, свирепом немце и угрюмом англичанине. Рано поутру какой-то крестьянин встретил по дороге в Ридинг телегу с людьми, нагруженную громадными ящиками. Но затем все следы исчезли, и даже Холмсу не удалось найти их, несмотря на все его уменье.

Пожарные были очень удивлены странным устройством дома и еще более удивились, когда на подоконнике второго этажа нашли человеческий палец. К закату солнца усилия их, наконец, увенчались успехом, и огонь был потушен, но крыша обрушилась, и дом обратился в груды развалин. За исключением нескольких цилиндров и железных труб, ничего не осталось от пресса, осмотр которого обошелся так дорого нашему новому знакомому. В складе нашли много никкеля и олова, но никаких монет. Вероятно, беглецы увезли их в тех больших ящиках, о которых говорил крестьянин.

Мы так бы и не знали, каким образом Гэтерлей очутился не в саду, а в том месте, где он пришел в себя, если бы на дороге не осталось следов ног. Его, очевидно, несли двое людей; у одного из них были замечательно маленькие ноги, у другого—необыкновенно большие. По всем вероятиям, молчаливый англичанин, или менее смелый, чем немец, или более мягкий, чем он, помог молодой женщине вынести лишившегося чувств Гэтерлея.

— Нечего сказать, хорошенькое дело! — печально проговорил последний, садясь в поезд. — Потерял палец и пятьдесят гиней, а что выиграл?

— Опыт,—смеясь, ответил Холмс.—Конечно, вы ничего не выиграли, но если станете рассказывать об этом случае, то можете навсегда приобрести репутацию превосходного собеседника.

УСАДЬБА «ПОД БУКАМИ».

— Для человека, любящего искусство ради исскуства,— аметил Шерлок Холмс, откладывая в сторону лист объявлений газеты «Daily Telegraph», — очень часто самое большое удовольствие доставляют именно маловажные случаи. Мне очень приятно заметить, что вы, Ватсон, поняли эту истину и в отчетах о наших делах (должен сказать, иногда несколько приукрашенных) отдали преимущество не «causes célèbres» и не сенсационным процессам, в которых мне доводилось принимать участие, но случаям, быть-может, ничтожным самим по себе, давшим мне возможность воспользоваться моими способностями к выводам и логическому синтезу.

— А все же, — с улыбкой ответил я, — я не могу считать себя вполне свободным от обвинений в сенсационности, в которых читатели укоряют мои воспоминания.

Было холодное весеннее утро. Мы сидели в квартире в улице Бэкер после завтрака у огня, который весело трещал в камине. Густой туман навис над темными домами и в его желтых, тяжелых клубах окна противоположных домов казались черными бесформенными пятнами. Газовый рожок бросал свет на белую скатерть стола, на серебро и посуду, стоявшую на нем.

— По моему, — проговорил Холмс после долгого молчания, во время которого он курил свою длинную трубку и смотрел в огонь, — вас, в сущности, нельзя обвинить

в стремлении к сенсационным темам, так как в большинстве случаев дела, которыми вы интересовались, не заключают в себе состава преступления. Дело короля Богемии, странный случай с мисс Мэри Сутерлэнд, тайна человека с изуродованной губой и происшествие с аристократом-холостяком, — все это не имело противозаконного характера. Но зато, быть-может, избегая всего сенсационного, вы обращали свое внимание на слишком обыденные случаи. Впрочем, я и не виню вас: время интересных процессов прошло. Люди — или, по крайней мере, преступники — потеряли всякую оригинальность, всякую энергию. Что касается для меня лично, то моя профессия вырождается в искусство отыскивания потерянных карандашей и советов пансионеркам. Кажется в этом отношении, я дошел до последнего предела. Прочтите-ка письмо, которое я получил сегодня утром.

Дорогой м-р Холмс! Мне необходимо посоветоваться с вами, принимать ли мне предлагаемое место гувернантки, или нет. Если позволите, я приду завтра в половине одиннадцатого. С почтением

Виолетта Гёнтер».

— Вы знаете эту барышню? — спросил я.

— Нет.

— Теперь как раз половина одиннадцатого.

— Да. А вот звонят. Наверно, это она.

— Может-быть происшествие будет интересное. Помните, история с голубым карбункулом казалась сущим пустяком, а потом дело-то вышло серьезное. А что если и теперь будет так?

— Будем надеяться! Наши сомнения скоро рассеются. Если не ошибаюсь, это она.

Дверь в комнату отворилась. Вошла молодая девушка. Она была просто, но опрятно одета. Умное, подвижное лицо, все усеянное веснушками, и уверенные манеры обличали в ней женщину, которой приходилось самой пробивать путь к жизни.

— Извините, что обеспокоила вас, — сказала она Холмсу. — Со мной произошел странный случай, и так как у меня нет ни родных, ни друзей, то я решилась обратиться к вам, надеясь, что вы будете так добры — посоветуете мне, как поступить.

— Пожалуйста, садитесь, мисс Гёнтер. Рад служить вам.

Я заметил, что новая клиентка произвела на Холмса благоприятное впечатление. Он оглядел ее своим испытующим взглядом, потом опустил глаза, сложил пальцы и приготовился слушать ее рассказ.

— Пять лет я пробыла гувернанткой в семье полковника Спенса Мунро, — начала свой рассказ мисс Гёнтер. — Два месяца тому назад полковник получил назначение в Галифакс, в новой Шотландии, и увез детей в Америку. Я осталась без места. Я стала помещать объявления в газетах, ходила по объявлениям — все безуспешно. Наконец, небольшой запас сбереженных мною денег стал приходить к концу, и я положительно не знала, что делать.

«В Вест-Энде есть известная контора для приискания мест гувернанткам. Я заходила туда каждую неделю осведомляться, не найдется ли подходящего места. Основателем этого бюро был м-р Вэствэй, но ведет дело мисс Стонер. Она сидит у себя в конторе, а желающих получить место впускают поочередно.

«На прошлой неделе, когда я, по обыкновению, вошла в комнату мисс Стонер, она была не одна. Рядом с ней сидел страшно толстый человек с улыбающимся лицом, толстым подбородком, спускавшимся на шею, и с очками на носу. При виде меня он привскочил на стуле и поспешно обернулся к мисс Стоннер.

« — Вот это именно то, что нужно, — сказал он. — Лучше и быть не может. Чудесно! чудесно!

«Он, казалось, был в полном восторге и весело потирал руки. На меня он произвел хорошее впечатление.

— Вы ищете места, мисс? — спросил он.

— Да, сэр.

— Гувернантки?

— Да, сэр.

— А ваши условия?

— На моем последнем месте у полковника Спенса Мунро я получала четыре фунта в месяц.

— О, о! Безобразие, чистое безобразие! — воскрикнул он, всплескивая руками, как бы в порыве горячего гнева. — Как можно было предложить такую жалкую сумму такой милой барышне, обладающей такими талантами!

— Может-быть, вы ошибаетесь насчет моей талантливости, сэр, — сказала — я. — Я знаю немножко французский и немецкий языки, музыку, рисование...

— Тс, тс! — крикнул он. — Все это не имеет никакого отношения к делу. Главное в том, чтобы вы умели вести себя и держаться, как истая лэди. Не сумеете — не годитесь для воспитания ребенка, которому со временем придется играть большую роль в истории страны. Сумеете — как можно вам предложить менее ста фунтов? Для начала я предлагаю вам, сударыня, сто фунтов жалованья.

«Вы можете себе представить, м-р Холмс, как заманчиво было подобного рода предложение для меня, у которой нет ни гроша в кармане. Джентльмен, должно-быть, заметил мой недоверчивый взгляд, вынул бумажник и открыл его.

— У меня в обычае, — проговорил он, улыбаясь так, что глаза его казались двумя блестящими линиями среди его пухлого лица, — давать вперед молодым барышням половину их жалованья, так чтоб им было на что одеться и уехать.

«Никогда в жизни, казалось мне, я не встречала такого очаровательного и внимательного человека. Деньги мне были очень нужны, так как я задолжала лавочникам. Но, несмотря на это, предложение показалось мне несколько странным, и я решилась узнать хоть что-нибудь прежде, чем согласиться взять место.

— Позвольте спросить, где вы живете, сэр? — спросила я.

— В Гэмпшире. Очаровательное местечко. Называется усадьба «Под буками» и находится в пяти милях от Винчестера. Красивая местность, милая барышня, и прелестный старинный дом.

— Я желала бы узнать, сэр, в чем будет состоять мои обязанности?

— Один ребенок... славный, живой, шестилетний ребенок. О, если бы вы видели, как он убивает тараканов туфлей! Хлоп! хлоп! хлоп! Не успеешь оглянуться, как трех уже не бывало!

«Он откинулся на спинку кресла, и глаза его опять исчезли среди морщин.

«Меня несколько удивило подобного рода развлечение ребенка, но видя, что отец смеется, я подумала, что он просто шутит.

— Значит, мне придется заниматься только с одним ребенком? — спросила я.

Нет, нет милая барышня, — сказал он, — вам придется исполнять также приказания моей жены, понятно такие, какие приличны для барышни. Вы ничего не имете против этого?

— Буду рада, если могу быть полезной.

— Отлично. Вот например, относительно одежды. Мы, знаете, люди со странностями, но с добрым сердцем. Так вот, если мы попросим вас носить то платье, которое дадим вам, вы ничего не будете иметь против этой маленькой причуды? а?

— Ничего, — ответила я, сильно удивленная его словами.

— Не будете обижаться, если будем просить вас сидеть тут или там?

— О, нет!

— А если мы попросим вас остричь волосы?

Я еле поверила ушам. Как видите, м-р Холмс, волосы у меня густые и довольно редкого оттенка каштанового цвета. Мне было бы жаль пожертвовать ими.

— К сожалению, это невозможно, — ответила я. Он пристально взглянул на меня, и я заметила, как тень пробежала по лицу его.

— А я считаю это необходимым, — сказал он. — Это маленькая причуда моей жены, а как вы знаете, сударыня, с женскими причудами приходится считаться. Итак, вы не соглашаетесь остричься?

— Нет, сэр, — твердо ответила я.

— А, отлично... значит, дело кончено. А жаль, потому что в других отношениях вы совершенно подходите к нашим условиям. В таком случае, мне нужно повидать других барышень, мисс Стонер, — обратился он к хозяйке.

«Когда я вернулась домой, мистер Холмс, и увидела, что в буфете у меня ничего нет, а на столе лежат неуплаченные счета, то невольно спросила себя, не сделала ли я глупости. Ну, если у этих господ какие-то странные причуды, если они требуют необычайного повиновения, то зато они и готовы давать хорошую плату за свои эксцентричности. В Англии гувернантки редко получают сто фунтов в год. Да и к чему мне длинные волосы? Многим идут короткие, может-быть, пойдут и мне. Через два дня я была вполне уверена, что я сделала большую глупость, и подумывала уже переломить свою гордость, пойти в контору и узнать, не свободно ли еще место, как вдруг получаю письмо. Оно со мной, и я прочту его вам.

«Под буками», близ Винчестера.

«Дорогая мисс Гёнтер. Мисс Стонер была так добра, что дала мне ваш адрес. Пишу, чтобы спросить вас, не переменили ли вы своего решения? Моей жене хочется, чтобы вы согласились жить у нас, так как вы очень понравились ей по моему описанию. Мы согласны давать вам по тридцати фунтов за три месяца — т.-е. 120 ф. в год, чтобы вознаградить вас за мелкие неприятности, причиняемые нашими причудами. Да вообще, из них нет ничего

особенно затруднительного. Жена любит особый оттенок синего цвета — «bleu électrique» — и желает, чтобы вы носили платье этого цвета — по утрам. Вам не придется тратиться, так как у нас осталось такое платье от нашей дорогой дочери Алисы (которая живет теперь в Филадельфии), оно будет, я думаю, как раз в пору вам. Не думаю также, чтобы вам было особенно неприятно сидеть где-либо в указанном месте или заниматься, чем вас попросят. Что же касается волос, то, как ни жаль обрезать такие чудесные волосы, я должен настоять на этом; однако, надеюсь, что увеличение жалованья вознаградит вас за потерю. Ваши обязанности относительно ребенка очень легкие, приезжайте же, я буду ждать вас в Винчестере с экипажем. Дайте знать, с каким поездом приедете.

С почтением

Джефро Рукасль».

«Вот, м-р Холмс, письмо, только-что полученное мной. Я решилась принять это место. Однако, прежде, чем сделать решительный шаг, я обращаюсь к вам за советом».

— Раз вы решились, то нам не о чем и говорить, мисс Гёнтер, — улыбаясь проговорил Холмс.

— А вы посоветовали бы мне отказаться?

— Признаюсь, я не желал бы видеть свою сестру на таком месте.

— Что это значить м-р Холмс?

— Ах, у меня нет никаких данных. Я не могу ничего сказать. Может-быть, вы сами составили себе какое-нибудь мнение?

— По-моему, возможно только одно предположение. М-р Рукасль показался мне очень добрым человеком. Может-быть жена его сумасшедшая и он желает скрыть это, чтобы ее не засадили в лечебницу; он и исполняет все ее капризы, чтобы предотвращать приступы бешенства.

— Конечно, это возможное, даже очень возможное предположение. Но, во всяком случае, это не очень-то приятное место для молодой барышни.

— Но деньги, м-р Холмс, деньги!

— Да, конечно, жалованье хорошее, даже слишком хорошее. Вот это-то и тревожит меня. Отчего они дают вам 120 ф., когда любая пойдет за 40? Наверно, есть какая-нибудь основательная причина.

— Я думала, что надо вам рассказать все, чтобы вы поняли, если понадобится потом ваша помощь. Я буду чувствовать себя сильнее, зная, что вы стоите за моей спиной.

— Можете быть спокойны в этом отношении. Дело обещает быть одним из самых интересных за последние месяцы. Тут встречаются совершенно новые черты. Если вы будете в недоумении или опасности...

— Опасности! Какого рода опасности?

Холмс серьезно покачал головой.

— Опасности не будет, если мы сумеем определить в чем она состоит, — сказал он. — Дайте мне телеграмму, и я приеду к вам во всякое время дня и ночи.

— Этого достаточно, — проговорила она, вставая.

Всякое выражение тревоги исчезло с ее лица.

— Теперь я совершенно спокойно уеду в Гэмпшир. Сейчас же напишу м-ру Рукаслю, принесу в жертву мои бедные волосы, а завтра отправлюсь в Винчестер.

Она в кратких словах поблагодарила Холмса, простилась с нами обоими и поспешно вышла из комнаты.

— Ну, эта барышня сумеет постоять за себя, — проговорил я, прислушиваясь к ее быстрым, решительным шагам.

— И отлично, так как я думаю, ей скоро придется позвать нас, — серьезно сказал Холмс.

Вскоре предсказание моего приятеля оправдалось. Недели через две, поздней ночью, мы получили телеграмму. Я только что собирался уйти спать, а Холмс принялся за свои химические опыты. Я часто оставлял его вечером

среди реторт и пробирок и находил его утром в том же положении. Он вскрыл желтый конверт, пробежал телеграмму глазами и бросил ее мне.

— Посмотрите в путеводителе, как идут поезда, — проговорил он, возвращаясь к своим химическим опытам.

Телеграмма была краткая и ясная.

«Пожалуйста, будьте завтра в полдень в гостинице «Черный Лебедь», в Винчестере. Приезжайте. Я ничего не понимаю.

Гёнтер».

На следующий день в одиннадцать часов мы подъехали к древней английской столице. Все время, пока мы ехали, Холмс рылся в газетах, но после того, как мы въехали в Гэмпшир, он отбросил их и стал восхищаться окружавшим нас видом. Стоял идеальный весенний день. По светло-голубому небу с востока на запад неслись легкие белые облачки. Солнце ярко светило, но в воздухе чувствовалась живительная свежесть, вливавшая энергию в душу человека. Повсюду среди свежей зеленой листвы мелькали красные и серые крыши ферм.

— Ну, разве это не прекрасно?! — вскрикнул я с энтузиазмом человека, только что покинувшего туманы улицы Бэкер.

Холмс покачал головой с серьезным видом.

— Знаете, Ватсон, на людях, подобных мне, лежит проклятие: на все смотришь с точки зрения своей специальности, — сказал он. — Вот вы смотрите на эти разбросанные домики и восхищаетесь их красотой. Смотрю я — и единственно, что приходит мне на мысль: как уединенно они стоят, и как легко тут совершить преступление.

— Вы пугаете меня.

— Но ведь это же вполне ясно. В городе общественное мнение может играть роль закона. В самой жалкой улице крик истязуемого ребенка или звук побоев, наносимых каким-нибудь пьяницей, вызывает сострадание или

негодование соседей, да и все органы правосудия под рукой, так что всегда можно принести жалобу, и наказание следует за преступлением. Но взгляните на эти маленькие уединенные домики, наполненные, в большинстве случаев, бедными невежественными людьми, не имеющими ни малейшего понятия о законе. Подумайте о дьявольски жестоких, ужасных вещах, которые могут совершаться здесь из года в год, и никто не будет ничего знать. Если бы барышня, которая обращается к нам за помощью, жила в Винчестере, я нисколько бы не боялся за нее. Опасность в том, что она живет в пяти милях от города. Однако, ясно, что лично ей ничто не грозит.

— Если она приезжает в Винчестер, чтобы повидаться с нами, то, значит, может и вообще уехать оттуда.

— Очевидно, она свободна.

— Так в чем же дело? Как объясняете вы это?

— Я придумал семь объяснений известных нам фактов. Которое из них верное — узнаем из новых сведений, которые, без сомнения, ожидают нас. Вот и колокольня собора. Скоро мы услышим, что расскажет нам мисс Гентер.

«Черный Лебедь» — известная гостиница на Гайстрите вблизи станции. Мисс Гентер ожидала нас там. Завтрак был приготовлен в отдельной комнате.

— Я так рада, что вы приехали,— сказала она серьезным тоном. — Это чрезвычайно мило со стороны обоих вас. Я, право, не знаю, что мне делать. Ваши советы будут иметь громадное значение.

— Расскажите, пожалуйста, что случилось с вами.

— Непременно. Но мне нужно поторопиться, так как я обещала м-ру Рукаслю, что вернусь к трем часам. Я получила от него позволение отправиться в город, хотя он и не подозревает зачем.

— Ну-с, говорите все по порядку, — сказал Холмс, вытягивая к камину свои длинные ноги и приготовившись слушать.

— Во-первых, не могу, по справедливости сказать чтобы м-р или м-с Рукасль дурно обращались со мной. Но я не понимаю их, и многое тревожит меня.

— Чего вы не понимаете?

— Их поведения. Но я расскажу вам все. Когда я приехала, м-р Рукасль встретил меня на станции и отвез меня в экипаже в «Под буками». Местность, как он говорил, действительно красивая, но сам дом некрасив. Это — большое, четырехугольное, квадратное здание, выкрашенное в белую краску, на которой видны пятна от сырости и дурной погоды. Вокруг дома разведен сад; с трех сторон он окружен лесами, а с четвертой идет поле, которое спускается к Соутгэмптонской большой дороге, извивающейся ярдах в ста от подъезда. Поле принадлежит м-ру Рукаслю, а леса—лорду Соутертону. Группа буков перед домом дала название усадьбе.

«Хозяин, любезный, как всегда, привез меня и познакомил с женой и ребенком. Наше предположение насчет м-с Рукасль оказалось неверным, м-р Холмс. Она вовсе не сумасшедшая. Это молчаливая, бледная женщина лет тридцати. Она гораздо моложе мужа, которому, по-моему не менее сорока пяти лет. Из их разговора я узнала, что они женаты около семи лет, что он вдовец, и его единственная дочь от первого брака уехала в Филадельфию. М-р Рукасль сказал мне по секрету, что причиной ее отъезда было непобедимое отвращение к мачехе. Так как дочери должно быть не менее двадцати лет, то понятно, ее положение в доме при молодой мачехе могло быть неприятным.

«М-с Рукасль показалась мне такой же бесцветной по уму и характеру, как и по наружности. Она не произвела на меня никакого впечатления. Это – полное ничтожество. Очевидно, она страстно любит своего мужа и ребенка. Она все время смотрела то на одного, то на другого своими светло-серыми глазами и предупреждала каждое их желание. Муж также, по-своему, был добр с ней и, вообще,

они казались счастливыми супругами. И все же у этой женщины есть какое-то затаенное горе. По временам она погружается в глубокое раздумье, и тогда на лице ее появляется печальное выражение. Несколько раз я заставала ее в слезах. Иногда я думала, что ее беспокоит характер сына, так как мне никогда не случалось встречать такого избалованного и злого мальчика. Он мал для своих лет; голова непропорционально велика. Вся жизнь его, повидимому, проходит в смене припадков дикого бешенства промежутками угрюмого расположения духа. Единственное его развлечение—это причинять боль всякому слабейшему существу. Он выказывает замечательную изобретательность в ловле мышей, птичек и насекомых. Но мне не хочется говорить о нем, м-р Холмс, и к тому же он имеет мало отношения к моему рассказу».

— Я рад всякой подробности, — заметил Холмс, — какой бы пустячной она ни казалась вам.

— Постараюсь не пропустить ничего важного. Единственно, что сразу неприятно подействовало на меня—это вид и поведение прислуги. Слуг только двое—муж и жена. Толлер — так зовут мужа — грубый, неуклюжий человек с седыми волосами и бакенбардами и постоянным запахом водки. С тех пор, как я живу в доме, он два раза был совершенно пьян, но м-р Рукасль, кажется, не обратил внимания на это. Его жена очень высокая, сильная женщина, с кислым лицом, молчаливая, как м-с Рукасль, но не такая любезная, как она. Это очень неприятная пара, но, к счастью, я провожу большую часть дня в детской и в моей комнате, которые находятся в одном углу дома.

В продолжение двух дней по моем приезде жизнь моя пошла совершенно спокойно; на третий, м-с Рукасль после завтрака подошла к мужу и шепнула ему что-то.

— О да,— проговорил он, оборачиваясь ко мне.

— Мы чрезвычайно обязаны вам, мисс Гёнтер, что вы согласились исполнить наш каприз и обрезали с ои волосы. Уверяю вас, что вы нисколько не подурнели от этого

Теперь посмотрим, как вам пойдет платье цвета «bleu électrique». Оно лежит на постели у вас в комнате. Не будете ли вы так добры одеть его.

«Платье оказалось особенного голубого цвета из отличной материи, вроде бежа, но несомненно, поношенное. Сшито оно было как-будто по моей мерке. При виде меня супруги Рукасль пришли в какой-то неестественный восторг. Они дождались меня в гостиной, очень большой комнате с тремя окнами, доходящими до полу. У среднего окна, спиной к нему, стоял стул, на который меня попросили сесть. М-р Рукасль ходил по комнате, рассказывая мне самые смешные истории. Вы не можете себе представить, как он был комичен. Я хохотала до слез. М-с Рукасль, очевидно, не понимает юмора; она не улыбнулась ни разу и все время сидела, сложив руки на коленях, с печальным, тревожным выражением на лице. Приблизительно через час м-р Рукасль вдруг заметил, что пора приниматься за дела, и что я могу переменить платье и итти в детскую к Эдуарду.

«Через два дня повторилась та же церемо ия — снова я переменила платье, снова села у окна и ото всей души смеялась над смешными историями, которые рассказывал мне м-р Рукасль. Репертуар у него был обширный, и рассказывал он неподражаемо. Потом он дал мне роман в желтой обложке, повернул немного мой стул так, чтобы моя тень не падала на книгу, и попросил меня почитать ему. Я читала минут десять, начав со средины главы. Внезапно он прервал меня на половине фразы, сказав, чтобы я переоделась.

«Можете себе представить, м-р Холмс, как все это возбудило мое любопытство. Я заметила, что они всегда старались посадить меня спиной к окну. Понятно, что меня охватило страстное желание узнать, что делается у меня за спиной. Спачала это казалось невозможным, но скоро счастливая мысль пришла мне в голову. У меня было сломанное ручное зеркальце. На следующий раз я спря-

тала кусочек стекла в платке, поднесла его во время взрыва смеха к глазам и приноровилась так, чтобы видеть, что делалось сзади меня. Признаюсь, меня ожидало разочарование: там ничего не оказалось.

«По крайней мере, таково было мое первое впечатление. При втором взгляде я заметила, что на Соутгэмптонской дороге стоит маленький бородатый человек в серой одежде и смотрит в мою сторону. Это большая проезжая дорога, и на ней обыкновенно бывает много народа. Но этот человек стоял, облокотясь на изгородь, и пристально смотрел на дом. Я опустила платок и, взглянув на м-с Рукасль, увидала, что она смотрит на меня проницательным взглядом. Она ничего не сказала, но я уверена, что она догадалась, что у меня в руке было зеркало, в котором я видела, что происходило за моей спиной. Она поднялась со стула.

— Джефро, — сказала она, — какой-то нахал смотрит с улицы на мисс Гентер.

— Кто-нибудь из ваших друзей мисс Гёнтер?

— Нет, у меня нет здесь знакомых.

— Что за дерзость? Пожалуйста, обернитесь и махните рукой, чтобы он ушел.

— Не лучше ли не обращать внимания?

— Нет, нет, он станет, пожалуй, постоянно шататься тут. Пожалуйста, обернитесь и махните ему рукой вот так.

«Я исполнила его желание, и м-с Рукасль тотчас же спустила штору. Это было неделю тому назад, и с тех пор я не сидела больше у окна, не надевала голубого платья и не видала этого человека на дороге».

— Пожалуйста, продолжайте, — сказал Холмс. — Ваш рассказ обещает быть необычайно интересным.

— Боюсь, что вы найдете его несколько бессвязным. В первый же день моего пребывания в усадьбе, м-р Рукасль свел меня в маленький амбар у кухни. Подходя к нему, я услышала громкий лязг цепи и какой-то шум, как-будто там двигалось большое животное.

— Взгляните сюда! — сказал м-р Рукасль, раздвигая доски. — Ну, разве он не красавец?

«Я взглянула в щель и увидела в темноте два горящих глаза и смутное очертание какой-то фигуры.

«— Не бойтесь, — сказал м-р Рукасль, заметив, что я вздрогнула. — Это Карло, моя большая дворовая собака. Я называю ее моей, но в действительности только старый Толлер, мой грум, умеет справляться с ней. Мы кормим ее только раз в день, да и то понемногу, так что она всегда бывает впроголодь. Толлер выпускает ее по ночам, и не поздоровится тому, кто попадется ей на клыки.

«Предостережение было не напрасно: через два дня я случайно выглянула из окна около двух часов ночи. Стояла чудная лунная ночь; на лужайке перед домом было светло почти как днем. Я стояла у окна, очарованная тихой красотой расстилавшегося передо мной вида, как вдруг заметила, что какое-то существо движется в тени буков. Когда оно вышло на свет, то оказалось громадной собакой, величиной почти с теленка. Она была страшно худая, коричневого цвета, с черной мордой и опущенным хвостом. Она медленно прошла по лужайке и исчезла в тени на другой стороне. Сердце у меня сжалось от ужаса, при виде этого безмолвного страшного часового. Никакой разбойник не испугал бы меня так.

«А теперь я должна рассказать вам очень странный случай. Как вы уже знаете, я обрезала волосы в Лондоне. Уезжая, положила их на дно чемодана. Однажды вечером, уложив ребенка, я начала разглядывать мебель в своей комнате и убирать мои вещи. Между прочими вещами тут был старый комод, два верхних ящика которого были открыты и пусты, а нижний заперт. Я наполнила верхние бельем, но у меня осталось еще много вещей, и мне было неприятно, что я не могу воспользоваться третьим ящиком. Мне пришло в голову, что его заперли случайно, и потому я вынула связку ключей и попробовала открыть ящик. Первый же ключ вполне пришелся к замку, и я открыла

ящик. Ни за что вам не угадать, что было там! Мои собственные волосы.

«Я вынула их из комода и начала рассматривать. Волосы были того же оттенка, как мои и так же густы. Но как могли мои волосы очутиться в этом комоде? Дрожащими руками раскрыла я чемодан, вынула из него все вещи и достала волосы. Я положила рядом обе косы и уверяю вас, что их нельзя было отличить одну от другой. Разве это не удивительно? Но как я ни ломала голову, я ничего не могла придумать. Я положила чужие волосы обратно в комод и ничего не сказала Рукаслям, так как чувствовала себя неправой в том, что отперла ящик.

«Может-быть, вы заметили, что я довольно наблюдательна по натуре, м-р Холмс, и потому я скоро хорошо узнала план всего дома. Один флигель казался вполне необитаемым. Дверь из него шла в помещение Толлеров, но она была всегда заперта. Однако, однажды, подымаясь на лестницу, я встретила м-ра Рукасля, выходившего из дверей со связкой ключей в руках.

«Он взглянул на меня с удивлением и, как мне показалось, с некоторым смущением.

— Я очень увлекаюсь фотографией, — сказал он, — и устроил тут мастерскую. Однако, милая барышня, как вы наблюдательны! Кто мог бы подумать это!

«Он говорил шутливым тоном, но во взгляде, устремленном на меня, я прочла выражение неудовольствия и подозрения.

«Ну, м-р Холмс, как только я поняла, что во флигеле есть что-то, чего я не должна знать, мной овладело страстное желание попасть туда. Я решилась воспользоваться первым удобным случаем, чтобы пройти в запертую дверь.

«Случай этот представился только вчера. Следует сказать, что в пустом флигеле, кроме мистера Рукасля, бывают также Толлер и его жена. Один раз я видела, как он пронес в дверь большой холщевый мешок. Последнее время он сильно пил, а вчера вечером был совершенно

пьян. Подымаясь наверх, я заметила, что в двери торчит ключ. Наверно, это забыл его Толлер. Мистер и миссис Рукасль были внизу с ребенком. Случай благоприятствовал мне. Я тихо повернула ключ в замке, открыла дверь и вошла.

«Передо мной был небольшой коридор; справа от него шел другой коридор, в который выходили три двери. Первая и третья вели в пустые комнаты с окнами, покрытыми пылью, а средняя дверь была заперта на замок. Я стояла, смотря на дверь и думая, какая тайна скрывается тут, когда внезапно услышала шаги в комнате и при неясном свете, сквозившем из-под двери, увидела двигавшуюся там тень. Ужасный, безумный страх овладел мною. Натянутые нервы не выдержали, я побежала и попала прямо в объятия мистера Рукасля.

— Так это вы,—улыбаясь, проговорил он. — Я так и подумал, когда увидел, что дверь отперта. Зачем, по-вашему, я запираю эту дверь?

— Право, не знаю.

— А для того, чтобы туда не ходили те, которым там делать нечего. Понимаете?

Он продолжал любезно улыбаться.

— Если бы я знала...

— Ну, теперь вы знаете. И если вы еще раз переступите этот порог... — в одно мгновение его улыбка перешла в гримасу бешенства, а лицо приняло дьявольское выражение,—я брошу вас Карло.

«Я так испугалась, что, ничего не сознавая, прибежала к себе в комнату. Опомнившись, я увидела, что лежу на кровати. Тогда я подумала о вас, мистер Холмс. Мне было необходимо посоветоваться с кем-нибудь. Я боюсь жить там, боюсь мистера Рукасля, его жены, прислуги, даже ребенка. Все они наводят на меня ужас. Если же вы приедете,—думала я,—все будет хорошо. Конечно, я могла бы бежать из их дома, но любопытство боролось во мне с чувством страха. Наконец, я решила послать вам теле-

грамму. Я надела шляпу и пальто, пошла на телеграф, за полмили от дома, дала вам телеграмму и вернулась домой несколько успокоенной. По мере того, как я подходила к дому, мной овладел ужас при мысли, что собака спущена с цепи, но я вспомнила, что Толлер напился до полного бесчувствия, а только он имеет влияние на свирепого Карло и решается выпускать его. Я проскользнула к себе в комнату и долго не спала от радости, что увижу вас. Сегодня утром я, без всяких затруднений, получила позволение поехать в Винчестер, но должна вернуться к трем часам, потому что Рукасли едут в гости, а я остаюсь с ребенком. Ну, теперь я рассказала вам все свои приключения, м-р Холмс, и буду очень рада, если вы объясните мне, что все это значит, а главное — посоветуете, что мне делать».

Холмс и я с напряженным любопытством слушали эту странную историю. По окончании ее Холмс встал со стула и стал ходить по комнате, заложив руки в карманы. Лицо его было чрезвычайно серьезно.

— Толлер все еще пьян? — спросил он.

— Да. Я слышала, как его жена говорила м-с Рукасль, что ничего не может поделать с ним.

— Это хорошо. А Рукасли сегодня в гостях?

— Да.

— Нет ли в доме погреба с крепким замком?

— Есть. Там держат вино.

— Вы все время действовали, как храбрая, разумная женщина, мисс Гёнтер. Можете ли вы совершить еще один подвиг? Я не просил бы сделать это, если бы не считал вас исключительной женщиной.

— Попробую. В чем дело?

— К семи часам я и мой друг приедем в усадьбу «Под буками». Рукасли уедут к этому времени, а Толлер, надеюсь, будет не в состоянии понять что-либо. Остается только миссис Толлер. Если бы вы могли послать ее за чем-нибудь в погреб, а затем запереть ее там на замок, вы значительно бы помогли делу.

— Я сделаю это.

— Превосходно! Тогда мы будем в состоянии основательно исследовать это дело. Конечно, возможно только одно объяснение: вас пригласили за тем, чтобы вы изображали ту, которая заключена в известной вам комнате. Это вполне ясно. И если не ошибаюсь, узница ни кто иная, как мисс Алиса Рукасль, которая, как рассказывают, уехала в Америку. Без сомнения, избрали именно вас, как похожую на нее ростом, фигурой и цветом волос. Ее остригли, вероятно, после какой-нибудь болезни, вот почему и вам пришлось пожертвовать своими волосами. По странной случайности вам попалась ее коса. Человек, которого вы видели на дороге, несомненно, ее друг, а может быть, и жених. Видя вас в платье Алисы и так похожей на нее, он, по вашему смеху и жестам, заключил, что мисс Рукасль вполне счастлива и не нуждается более в его любви. Собаку выпускают ночью, чтобы помешать ему видеться с девушкой. До сих пор все ясно. Самым серьезным обстоятельством в деле является характер ребенка.

— Какое отношение это может иметь к делу?! — вскрикнул я.

— Дорогой мой Ватсон, вы, как врач, постоянно определяете наклонности ребенка, изучая его родителей. Разве не может быть обратно? Я часто распознавал характер родителей, наблюдая их детей. Этот ребенок неестественно жесток; унаследовал ли он эту жестокость от вечно улыбающегося отца (что, по-моему, весьма вероятно) или от матери, во всяком случае плохо бедной девушке, попавшей в их руки.

— Я уверена, что вы правы, мистер Холмс, — сказала наша клиентка. — Теперь мне припоминаются тысячи мелочей, по которым я вижу, что ваши предположения вполне справедливы. О, не будем терять времени и поможем несчастной.

— Надо действовать осторожно, так как мы имеем дело с чрезвычайно хитрым человеком. В семь часов мы будем у вас и, вероятно, скоро выясним дело.

Ровно в семь часов мы подошли к усадьбе, оставив экипаж на постоялом дворе. По группе буков, темные листья которых отливали темным золотом при последних лучах заходящего солнца, мы узнали бы дом, даже если бы мисс Гёнтер не встретила нас на крыльце.

— Устроили? — спросил Холмс.

Откуда-то снизу доносился громкий стук.

— Это стучит мисс Толлер в погребе, — сказала мисс Гёнтер. — Муж ее храпит на полу в кухне. Вот его ключи; такие же есть и у мистера Рукасля.

— Прекрасно оборудовали дело! — в восторге вскрикнул Холмс. — Теперь ведите нас, и мы скоро покончим с этой темной историей!

Мы отперли дверь, прошли коридор и очутились перед запертой дверью, которую описывала мисс Гёнтер. Холмс после небольших усилий снял засов. Он попробовал несколько ключей, но безуспешно. Изнутри ничего не было слышно, и лицо Холмса омрачилось.

— Надеюсь, мы не опоздали, — проговорил он. — Я думаю, мисс Гёнтер, мы лучше войдем одни, без вас. Ну, идите сюда, Ватсон, посмотрим, не удастся ли нам сломать дверь.

Дверь была старая и сразу подалась. Мы бросились в комнату. Она была пуста. Кроме кровати, столика и корзины белья в ней ничего не было. Окно наверху оказалось открытым, а узница исчезла.

— Тут произошло нечто скверное, — сказал Холмс. — Молодец пронюхал о намерениях мисс Гёнтер и похитил свою жертву.

— Но как?

— Через слуховое окно. Сейчас мы увидим, как он это сделал.

Холмс влез на крышу.

— Ага! — крикнул он. — Вот тут приставлена лестница. По ней он и спустился.

— Это невозможно, — возразила мисс Гёнтер, — лестницы здесь не было, когда уезжали Рукасли.

— Он вернулся домой и приставил ее. Повторяю, он умный и опасный человек. Я не удивляюсь, если он сейчас придет сюда. Смотрите, Ватсон, держите револьвер наготове.

Он только-что успел проговорить эти слова, как в дверях комнаты показался очень толстый мужчина с тяжелой дубиной в руках. При виде его мисс Гёнтер вскрикнула и прижалась к стене, а Шерлок Холмс подскочил к нему и закричал:

— Негодяй! Где ваша дочь?

Толстяк оглядел всех нас, потом взглянул на открытое слуховое окно.

— Я должен вас спросить об этом, — громко крикнул он, — негодяи, шпионы, воры! Я поймал вас! Вы в моих руках! Погодите, голубчики!

Он повернулся и быстро побежал вниз.

— Он побежал за собакой! — вскрикнула мисс Гёнтер.

— У меня есть револьвер, — сказал я.

— Закройте лучше входную дверь, — заметил Холмс, и мы все бросились на лестницу; но едва мы успели добежать до передней, как на дворе послышался сначала лай собаки, а затем ужасный, раздирающий душу крик. Какой-то пожилой человек с красным лицом, шатаясь, вышел из боковой двери.

— Боже мой! — вскрикнул он. — Кто-то отвязал собаку. Ее не кормили два дня. Скорей, скорей! Не то будет поздно!

Мы с Холмсом выбежали на двор, Толлер за нами. Громадное, голодное животное вцепилось в горло Рукасля, который корчился на земле и кричал от боли. Я подбежал к собаке и выстрелил в упор. Она упала, не разжимая своих острых белых зубов. С большим трудом мы разжали ей челюсти и внесли в дом Рукасля, живого, но страшно изуродованного. Мы положили его в гостиной на диван и послали отрезвившегося Толлера за миссис Рукасль, а я сделал, что мог, чтоб облегчить его стра

дания. Мы все стояли вокруг раненого, когда вдруг отворилась дверь и в комнату вошла высокая, неуклюжая женщина.

— Миссис Толлер! — вскрикнула мисс Гёнтер.

— Да, мисс. М-р Рукасль выпустил меня, когда вернулся домой. Ах, мисс, жаль, что вы не открыли мне своих планов. Я бы сказала вам, что ваши труды напрасны.

— Ага! — сказал Холмс, пристально смотря на нее. — Очевидно, миссис Толлер знает больше всех остальных.

— Да, сэр, знаю и готова все рассказать.

— Тогда присядьте, пожалуйста; мы послушаем. Сознаюсь, что тут многое еще неясно для меня.

— Сейчас я объясню вам все, — сказала она. — Рассказала бы и раньше, если бы меня выпустили из погреба. Если дело дойдет до суда, помните, что я ваш друг и была всегда другом мисс Алисы.

«Мисс Алиса не была вообще счастлива с тех пор, как отец ее женился во второй раз. Она не имела никакого значения в доме, и жилось ей плохо, но стало хуже с тех пор, как она познакомилась с ми тером Фоулером. Насколько я знаю, у мисс Алисы есть свое отдельное состояние, но она так тиха и терпелива, что предоставляла м-ру Рукаслю распоряжаться всем. Он знал, что все изменится, когда появится жених, который потребует выдачи состояния, принадлежащего невесте. Тогда м-р Рукасль начал уговаривать ее подписать бумагу, что она предоставляет ему пользоваться ее имуществом и в том случае, если выйдет замуж. Он так мучил ее этими уговорами, что у нее сделалось воспаление мозга, и в продолжение шести недель она была при смерти. Наконец ей сделалось лучше, но от нее осталась лишь тень, — чудные ее волосы были обрезаны. Однако, молодой человек остался верен ей и любил ее попрежнему».

— Ага! — сказал Холмс. — Теперь я все понимаю. М-р Рукасль решился прибегнуть к системе одиночного заключения?

— Да, сэр.

— И привез мисс Гёнтер из Лондона сюда, чтобы избавиться от неприятного постоянства мистера Фоулера?

— Да, сэр.

— Но мистер Фоулер, как настойчивый человек, каким и следует быть истому моряку, повел осаду на дом и, встретившись с вами, убедил вас, с помощью металлических или иных аргументов, что ваши интересы совпадают с его интересами.

— Мистер Фоулер очень милый, щедрый господин, — невозмутимо сказала миссис Толлер.

— И таким образом он, устроил, что у вашего мужа было всегда достаточно водки, а лестница была приготовлена, как только хозяин ушел из дома.

— Так точно, сэр.

— Простите нас за причиненное вам беспокойство м-с Толлер, — сказал Холмс. — Вы действительно разъяснили нам все, как нельзя лучше. Вот идет врач и м-с Рукасль. Я думаю, Ватсон, нам нужно проводить мисс Гёнтер в Винчестер. Наше присутствие здесь едва ли желательно.

Так была раскрыта тайна усадьбы «Под буками». М-р Рукасль не умер, но остался навсегда калекой, поддерживаемый заботами его преданной жены. Они все еще живут со своими старыми слугами, которые, вероятно, слишком хорошо знают прежнюю жизнь Рукасля. Мистер Фоулер и мисс Рукасль повенчались на другой же день после побега. М-р Фоулер занимает теперь какой-то служебный пост на острове св. Маврикия. Что касается мисс Виолетты Гёнтер, то, к сожалению, мой приятель Холмс перестал интересоваться ею, как только узнал, в чем состояла тайна Рукасля. Теперь она — начальница частного училища в Уольсалле и, кажется, ведет свое дело довольно успешно.

СОДЕРЖАНИЕ.